

ЛУИ НИЛЬСОН

КОД 03:14 ЛИНИЯ РАЗРЫВА

Луи Нильсон

Код 03:14: Линия разрыва

<https://litres.ru/74041944>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кира Ковалева — оператор службы 112, привыкшая превращать чужие трагедии в сухие сводки.

Но когда в 03:14 на пульт поступает звонок из ее собственного прошлого, идеальная реальность дает сбой. На коже проступают цифры обратного отсчета, а город превращается в цифровую ловушку, где время течет по иным законам.

Вместе с загадочным Ильей ей предстоит взломать код самой жизни, чтобы исправить фатальную ошибку десятилетней давности.

Сможет ли «живой баг» переиграть систему, для которой человек — лишь лишний шум в эфире?

Времени до финала остается всё меньше, а цена спасения — сама жизнь.

Содержание

ГЛАВА 1: НОЧНАЯ СМЕНА	4
ГЛАВА 2: ТРИ НЕДЕЛИ ВПЕРЕД	22
ГЛАВА 3: ОТДЕЛ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ	42
ГЛАВА 4: ПРОВЕРКА РЕАЛЬНОСТИ	60
ГЛАВА 5: ПЕРВЫЙ КОНТАКТ	78
ГЛАВА 6: ТЕНЬ ИЛЬИ	94
ГЛАВА 7: ВТОРОЙ ЗВОНОК	110
ГЛАВА 8: ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЦИНИЗМА	126
ГЛАВА 9: РИТУАЛЫ БЕЗОПАСНОСТИ	142
ГЛАВА 10: ПРЕСЛЕДОВАНИЕ	160
ГЛАВА 11: АРХИВЫ БОЛИ	179
ГЛАВА 12: ТИХИЙ ШАХ	197
ГЛАВА 13: ТЕОРИЯ ЭХА	213
ГЛАВА 14: ФИЗИКА СТРАХА	232
ГЛАВА 15: ТЕМНОТА	248
ГЛАВА 16: СЛЕДЫ	263
ГЛАВА 17: ЧУЖОЙ ГОЛОС	281
ГЛАВА 18: ОТЕЦ И СЫН	297
Конец ознакомительного фрагмента.	305

Код 03:14: Линия разрыва

ГЛАВА 1: НОЧНАЯ СМЕНА

Три часа четырнадцать минут. Это время, когда биологические часы выбивают чечетку на твоих надпочечниках, а кофе в пластиковом стакане начинает пахнуть жженой резиной и безысходностью. В диспетчерской службы 112 свет всегда приглушен, чтобы не слепить, но этот синеватый полумрак только подчеркивает стерильность происходящего. Мое рабочее место - это пульт, три монитора и гарнитура, которая впивается в левый висок. Я чувствую ее как лишнюю деталь своего скелета.

Статус: активна. Уровень угрозы: фоновый.

Я поправляю плечи. Мышечная память - странная штука. Десять лет в бассейне приучили меня к тому, что если мышцы трапеции забиты, значит, ты плохо держишь воду. Сейчас я держу не воду, а поток чужих катастроф, но тело реагирует так же. Плечи подняты к ушам, дыхание поверхностное. Я заставляю себя сделать глубокий вдох, считая до четырех. Раз, два, три, четыре. Кислород должен доходить до самых нижних долей легких, иначе мозг начнет тупить, а тупить мне нельзя по протоколу.

- Смена четыре, пост два, оператор Ковалева, слушаю вас
- произношу я в пустоту, когда на мониторе вспыхивает вхо-

дящий.

Мой голос звучит чужим. Он плоский, лишенный интонаций, как у Siri, только с легким налетом многолетнего недосыпа. Это профессиональная деформация. Если ты позволишь сочувствию просочиться в тембр, ты покойник. Собеседник на том конце провода вцепится в твою жалость как утопающий в спасательный круг и утянет тебя на дно своего персонального ада. А я не хочу тонуть. Я уже достаточно наглоталась хлорки в этой жизни.

- Девушка, тут это... машина перевернулась. На сороковом километре, кажется - голос мужской, хриплый, с отчетливым привкусом паники и дешевого табака.

Я уже ввожу данные. Пальцы двигаются по клавиатуре с частотой пульса спринтера на финишной прямой.

- Сороковой километр какой трассы? Ориентиры? Есть пострадавшие? - спрашиваю я, игнорируя его заикание.

- Да я не знаю... М-4, наверное. Тут дым. Дым идет, понимаете? Она на крыше лежит.

- Слушайте меня внимательно. Номер трассы? Вы видите дорожные знаки? Есть ли те, кто не может выбраться из салона? - мой тон становится еще суше. Я классифицирую его как "нестабильный свидетель". Полезность - тридцать процентов.

Я отправляю запрос на геолокацию. На втором мониторе разворачивается карта. Точка пульсирует оранжевым. Это не сороковой, это тридцать восьмой. Погрешность в два кило-

метра в три часа ночи может стоить кому-то жизни, если спасатели будут нарезать круги по темноте.

- Бригада выехала. Оставайтесь на линии, если это безопасно. Не подходите к машине, если есть риск возгорания - я закрываю карточку и переключаюсь на следующий вызов, не дожидаясь его "спасибо".

Спасибо - это лишний шум. В моем мире существуют только факты, координаты и время прибытия.

Лена, сидящая за соседним пультом, шумно выдыхает и тянется. Она работает здесь дольше меня на два года, и ее лицо уже превратилось в маску из мелких морщин и цинизма. Она жует жвачку так ритмично, будто от этого зависит работа серверов.

- Опять М-4? - спрашивает она, не поворачивая головы. - Там проклятое место. Каждую вторую смену кто-то решает, что он бессмертный на летней резине.

- Ошибка интерпретации скорости - отрезаю я. - Люди думают, что контролируют инерцию, пока инерция не начинает контролировать их.

- Ты сегодня какая-то особенно колючая, Кира. Опять в бассейне пересидела? - Лена усмехается, и я слышу, как в ее голосе сквозит легкое раздражение. Моя манера общения бесит всех, кто привык к нормальному человеческому теплу. Но тепло - это потеря энергии. Это физика.

- Вода была тяжелая - вру я.

На самом деле я не была в бассейне три дня. Мое тело

чувствует это как ломку. Без сопротивления воды я чувствую себя слишком легкой, слишком уязвимой. Воздух кажется слишком тонким, он не дает той опоры, к которой привыкли мои кости. Когда я плыву, я знаю, где заканчиваюсь я и начинается мир. Вне воды границы размываются.

03:14.

На мониторе всплывает новое окно. Код региона скрыт. Помехи на линии. Я нажимаю кнопку приема, и в наушниках взрывается белый шум. Он звучит как старое радио или как звук крови, пульсирующей в ушах после затяжного нырка на глубину. Плотный, зернистый звук.

- Служба 112, оператор Ковалева. Что у вас произошло?

Тишина. Но это не та тишина, когда на том конце просто положили трубку. Это живая, заполненная звуками тишина. Я слышу далекий гул вентиляции, какой-то металлический скрежет и... дыхание.

Оно неритмичное. Короткий, рваный вдох и затяжной, мучительный выдох. Я знаю этот звук. Так дышит пловец, у которого свело икроножную мышцу на середине дистанции, а до бортика еще метров пятьдесят. Это дыхание человека, который борется с плотностью среды, которая сильнее его. Гипоксия. Стадия предпаники.

- Я вас слушаю. Говорите. Вас заблокировало? Вы ранены? - я проверяю статус вызова. Система не может определить местоположение. Значок GPS мигает серым, выдавая ошибку протокола. Такого не должно быть. Наши вышки

цепляют даже выключенные телефоны без сим-карт.

- Парковка... ТЦ "Северный"... - голос женский. Он звучит так, будто пробивается сквозь толщу воды. Глухо, с искажением частот. - Третий уровень... сектор Б... быстро...

- Представьте. Что произошло? На вас совершено нападение?

- Он... он здесь... - женщина начинает задыхаться.

Этот звук бьет меня под дых. Это не просто одышка. Это специфический хрип в конце выдоха, который бывает только при спазме гортани. Я чувствую, как мои собственные мышцы шеи каменеют. Я знаю этот механизм: тело пытается закрыться, превратиться в кокон, чтобы сберечь остатки тепла и кислорода.

- Кто "он"? Опишите нападавшего. Вы в машине?

- Помогите мне... Кира... - шепчет голос.

Я замираю. Мои пальцы, занесенные над клавиатурой, застывают в воздухе. В диспетчерской нет окон, но мне кажется, что температура в помещении упала до абсолютного нуля. Инцидент перешел в категорию личных угроз.

- Откуда вы знаете мое имя? - мой голос звучит как треск ломающегося льда.

В наушниках снова нарастает шум. Гул такой силы, что мне приходится прижать ладонь к уху. Сквозь этот хаос я слышу шаги. Тяжелые, размеренные удары подошв по бетонному полу. Бум. Бум. Бум. Это не бег. Это походка того, кто точно знает, что жертве некуда деться.

- Кира... дыши... - выдыхает женщина.

И тут она начинает делать то, что заставляет мои волосы на затылке зашевелиться. Она начинает дышать по моему алгоритму. Четыре секунды вдох, задержка, выдох. Но это не просто дыхание. Это зеркальное отражение моей собственной физиологии. Каждое ее вздрагивание, каждый хрип - я чувствую их своим телом. У меня начинает ныть правое плечо, старая травма, полученная при неудачном старте пять лет назад. Боль тупая, пульсирующая, именно в том месте, где сухожилие крепится к кости.

- Девушка, я отправляю наряд к ТЦ "Северный". Оставайтесь на линии. Слышите меня? Не кладите трубку! - я лихорадочно вбиваю адрес, но система выдает ошибку: "Адрес не найден в активном реестре".

- Что за черт... - бормочу я. - Лена! Глянь адрес. ТЦ "Северный", парковка. У меня база виснет.

Лена лениво поворачивается, щелкает мышкой.

- Кир, ты переутомилась. "Северный" закрыли на реконструкцию два года назад. Там сейчас котлован и бетонные сваи. И никакой парковки там нет. Снесли всё.

- Я слышу ее, Лена! Она на линии! Она назвала мое имя!

- Наверное, кто-то из знакомых шутит. Или псих какой-нибудь. У нас полно таких звонков по весне. Заблокируй номер и забудь.

Но я не могу заблокировать. Потому что женщина на том конце начала плакать. И это не был истерический плач. Это

был тихий, обреченный всхлип человека, который уже принял свою смерть. Так плакала моя сестра, когда я...

Нет. Не думай об этом. Протокол. Соблюдай протокол.

- Слушайте мой голос - говорю я, стараясь вернуть себе профессиональный тон, хотя руки предательски дрожат. - Я сейчас направлю к вам патруль по координатам вышки. Вы видите что-нибудь вокруг? Огни, вывески, номера мест на парковке?

- Здесь... темно... только... - она захлебывается кашлем. - Только ты... через три недели...

Связь обрывается. Короткие гудки бьют в ухо как удары молота. Я сижу неподвижно, уставившись в пустой монитор. В логах вызова значится: "Длительность 01:22. Абонент: неизвестен. Статус: сбой соединения".

Мое тело реагирует на адреналин полной неподвижностью. Это реакция хищника, который затаился перед рывком, или добычи, которая надеется, что ее не заметят. Я чувствую, как капля пота медленно сползает по позвоночнику. Воздух в диспетчерской стал плотным, как мазут. Мне кажется, если я сейчас попробую пошевелить рукой, мне придется преодолевать сопротивление в несколько атмосфер.

- Кира? Ты в порядке? Лица на тебе нет - Лена смотрит на меня с легким беспокойством.

- Просто... странный звонок. Помехи сильные - я заставляю себя улыбнуться. Улыбка получается кривой и безжизненной, как у куклы.

Я встаю и иду в сторону туалета. Мне нужно умыться. Мне нужно почувствовать настоящую воду, а не этот призрачный океан, который пытается поглотить меня через гарнитуру.

В зеркале отражается женщина двадцати восьми лет. Короткая стрижка, чтобы не возиться с сушкой после тренировок. Бледная кожа, темные круги под глазами, которые уже не замажешь никаким консилером. Взгляд оператора: оценивающий, холодный, фиксирующий. Я смотрю на свое отражение и пытаюсь найти в нем признаки той, другой женщины из телефона.

"Через три недели".

Что это значит? Психологическая атака? Чья-то злая шутка? Я вспоминаю голос. Он не был похож на мой нынешний. В нем было больше... жизни? Или больше отчаяния? Но интонации, эти специфические паузы между словами - так говорю только я, когда пытаюсь контролировать приступ паники.

Я включаю кран. Холодная вода обжигает пальцы. Я подставляю запястья под струю, пытаюсь сбить пульс. Восемьдесят пять ударов в минуту. Слишком много для состояния покоя.

Моя травма - это не то, что случилось со мной. Это то, чего я не сделала. Семь лет назад я не услышала разницу между игрой и реальностью. Моя младшая сестра, Алина, любила притворяться, что тонет. Она кричала, била руками по воде, а потом ныряла и выныривала с другой стороны бассейна,

смеясь над моим перепуганным лицом. В тот день я просто не обернулась. Я думала: "Опять она за свое". Я продолжала плыть свою дистанцию, считая гребки. Триста двадцать один, тридцать два, тридцать три... Когда я доплыла до бортика и обернулась, на поверхности воды были только мелкие пузырьки.

С тех пор я слышу всё. Каждую фальшивую ноту в человеческом голосе. Каждый неучтенный вздох. Моя работа - это искупление за те сорок секунд невнимания, которые превратили мою жизнь в вечное дежурство.

Я возвращаюсь в зал. До конца смены еще четыре часа. Самое тяжелое время. Время, когда реальность истончается, и из щелей начинают лезть призраки.

- Ковалева, зайди к шефу - бросает мне старший смены, не отрываясь от монитора.

У шефа в кабинете пахнет старой бумагой и дорогим табаком, хотя курить в здании запрещено. Он сидит, развалившись в кресле, и крутит в руках флешку. Рядом с ним стоит мужчина. Высокий, в идеально отглаженном сером пиджаке, который кажется здесь инородным телом. Его лицо - это набор острых углов и ледяного спокойствия.

- Кира, познакомься. Это Илья Артемьев. Специалист по кибербезопасности из управления - шеф кивает на стул. - Садись.

Я сажусь на самый край, спина прямая, как струна. Илья смотрит на меня так, будто я - программный код, в кото-

ром он ищет баг. Его взгляд не задерживается на моих глазах, он сканирует: мимика, положение рук, ритм дыхания. Я чувствую, как внутри меня срабатывает защитный механизм. Блок.

- Оператор Ковалева, вы сегодня приняли вызов в 03:14 - Илья не спрашивает, он констатирует факт. Его голос быстрый, четкий, лишенный всякого эмоционального мусора.

- Да. Стандартный протокол отработки при помехах - отвечаю я, глядя в стену за его плечом.

- Не совсем стандартный. Вы не прервали соединение, когда поняли, что геолокация невозможна. Вы продолжали диалог с абонентом в течение восьмидесяти двух секунд. Почему?

- У абонента были признаки дыхательной недостаточности и панической атаки. Я пыталась установить местоположение по косвенным признакам.

- По косвенным признакам? - Илья усмехается. Усмешка неприятная, резкая. - Вы имеете в виду несуществующий торговый центр? Или то, что абонент назвал вас по имени?

Я чувствую, как мышцы плечевого пояса снова забиваются. Воздух в кабинете становится еще плотнее.

- Вы прослушали запись? - спрашиваю я.

- Нет никакой записи, Кира - тихо говорит шеф. - В этом то и проблема.

Я перевожу взгляд с него на Илью.

- Как это нет? Все разговоры записываются автоматически

на три сервера. Это база.

- Система зафиксировала входящий сигнал - Илья делает шаг ко мне, вторгаясь в мое личное пространство. От него пахнет мятой и холодным металлом. - Но файл записи пуст. Ноль байт. Как будто восемьдесят две секунды эфира просто стерли из реальности в момент их создания. Единственное, что у нас есть - это ваши логи и показания системы о входящем вызове с неопределенного номера.

- Это невозможно. Я слышала ее. Она говорила со мной. Она... она знала детали, которые не может знать посторонний.

- Какие детали? - Илья прищуривается.

Я прикусываю губу. Если я скажу про "три недели", меня отстранят и отправят к психиатру на освидетельствование. Профессиональная непригодность по причине галлюцинаций на фоне хронического стресса. Я знаю, как это работает.

- Она знала мое имя. И она дышала... странно.

- Странно - это не технический термин - обрывает меня Илья. - Послушайте, Ковалева. Я здесь не для того, чтобы обсуждать ваши чувства. У нас произошел взлом системы. Глубокий, профессиональный взлом на уровне ядра. Кто-то использовал ваш пульт как точку входа. Мне нужно знать всё, до последнего слова. И не вздумайте со мной играть в "я испугалась". Вы бывший пловец, мастер спорта. Вы приучены работать в условиях дефицита кислорода и высокого давле-

ния. Так что соберитесь и выдайте мне факты.

Его осведомленность о моем прошлом раздражает. Он вскрыл мое досье раньше, чем вошел в этот кабинет. Для него я - просто еще один интерфейс, через который он пытается добраться до истины.

- Она сказала адрес: ТЦ "Северный", парковка, третий уровень, сектор Б. Она сказала, что "он" там. И она сказала...
- я запинаясь. Илья ждет, не заполняя тишину. Это его тактика - заставить собеседника выболтать лишнее, чтобы избавиться от неловкости молчания. Но я привыкла к тишине бассейна. Я могу молчать дольше, чем он.

- Что она еще сказала? - наконец спрашивает он.

- Она сказала, что мне нужно дышать.

Илья делает пометку в своем планшете. Его пальцы двигаются быстро, почти механически.

- Это всё?

- Всё.

Я вру. И я знаю, что он это видит. Его пауза затягивается на лишнюю секунду, он смотрит на мои руки. Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони. Физическая боль помогает сфокусироваться.

- Хорошо, Ковалева. Идите работать. Но имейте в виду: этот инцидент теперь имеет статус "красный". Не обсуждайте его ни с кем. Даже с коллегами. Особенно с Леной.

Я встаю и выхожу из кабинета. В коридоре я останавливаюсь и прислоняюсь лбом к холодной стене. Кирпич кажется

надежным. Он не меняет форму, не исчезает, не дышит моим дыханием.

"Через три недели".

Если это был взлом, то зачем? Какой смысл хакеру имитировать мой голос и пугать меня предсказаниями? Это не похоже на промышленный шпионаж или попытку обрушить систему 112. Это похоже на что-то другое. На личное послание, запечатанное в капсулу времени.

Я возвращаюсь на пост. Лена спит, положив голову на сложенные руки. Ее монитор светится мягким зеленым светом. Я сажусь в свое кресло и смотрю на часы. 04:20.

Время течет как густой сироп. Каждый входящий вызов теперь кажется мне потенциальной угрозой. Пьяный дебош в Отрадном - угроза. Застрявший лифт в Медведково - угроза. Я обрабатываю их на автомате, но внутри меня работает другой алгоритм. Я пытаюсь восстановить каждую секунду того разговора.

Голос. В нем была частота, которая резонировала с моими костями. Когда я плыву на максимальной скорости, вода вокруг меня начинает вибрировать. Это называется кавитация - образование пузырьков пара в жидкости. Голос в трубке вызывал у меня то же ощущение. Он разрушал мою внутреннюю структуру.

Я открываю поисковик и ввожу "ТЦ Северный реконструкция".

Десятки ссылок. Статьи о сносе, о коррупционных сканда-

лах, о новом проекте жилого комплекса. Я листаю фотографии. Вот он, огромный остов здания, обтянутый строительной сеткой. Бетонные пандусы парковки, уходящие в темноту. Третий уровень. Сектор Б.

На одной из фотографий я вижу что-то странное. В углу кадра, за строительными лесами, стоит человек. Снимок зернистый, сделан издалека, но силуэт кажется мне знакомым. Широкие плечи, характерный наклон головы.

Я увеличиваю масштаб. Пиксели расплываются, превращая фигуру в бесформенное пятно. Но мышечная память не обманывает. Это моя стойка. Моя манера стоять, перенося вес на левую ногу из-за той самой травмы плеча, которая заставляет меня инстинктивно беречь правую сторону.

Я чувствую, как в животе завязывается тугий узел. Это невозможно. Снимок датирован вчерашним числом. Вчера я была дома, спала после смены, а потом пошла в магазин за молоком и овсянкой. Я не была на заброшенной стройке.

- Кира, ты чего там высматриваешь? - Лена проснулась и теперь с любопытством заглядывает в мой монитор.

Я мгновенно закрываю вкладку.

- Ничего. Ищу информацию по ДТП на М-4. Пытаюсь понять, почему свидетель ошибся с километражем.

- Да брось ты. Люди в стрессе тупеют на глазах. Это аксиома. Слушай, а этот Артемьев... симпатичный, да? Такой весь из себя агент 007. Только холодный как лед. Ты видела его руки? У него на левой руке шрам через всю ладонь, как

будто он пытался поймать летящий нож.

Я не заметила шрама. Я смотрела на его глаза. Глаза человека, который привык видеть изнанку вещей. Код, а не картинку. Боль, а не жалобу.

- Не заметила - сухо бросаю я.

- Ну конечно. Ты же у нас робот. Тебя только задержка дыхания и объем легких интересуют.

Я не отвечаю. Я смотрю на свои руки. Они сухие, со следами хлорки, которую не вытравить никаким мылом. Эти руки сегодня принимали вызов от самой себя.

Смена заканчивается в восемь утра. Когда я выхожу из здания, солнце бьет по глазам так больно, будто кто-то плеснул в лицо кислотой. Воздух после грозы свежий, но я не могу им надыхаться. Мне всё еще кажется, что я под водой.

Я иду к своей машине - старой "Тойоте", которая пахнет пылью и одиночеством. Сажусь за руль, но не заводжу двигатель. Я просто сижу и смотрю на свои руки на руле.

"Через три недели".

Если это правда, если то, что я слышала - это не галлюцинация и не взлом, а предупреждение, значит, у меня осталось двадцать один день. Двадцать один день до чего? До того момента, как я окажусь на заброшенной парковке и буду задыхаться в трубку?

Я включаю телефон. Пропущенный вызов. Номер скрыт.

Мое сердце... нет, оно не "ухает вниз". Мой миокард просто начинает сокращаться быстрее, выкачивая порции адре-

налина в кровь. Физика. Чистая физика.

Я нажимаю "перезвонить", хотя знаю, что это бесполезно. "Номер не существует или набран неверно".

Я завожу машину и еду не домой. Я еду к ТЦ "Северный". Это нелогично. Это нарушение всех инструкций. Это глупо. Но я не могу иначе. Я должна увидеть это место. Я должна понять, почему мой мозг выбрал именно его для этой странной проекции.

Дорога занимает сорок минут. Москва утром - это огромный, неповоротливый зверь, который медленно просыпается и начинает перемалывать людей своими челюстями-пробками. Я маневрирую в потоке, оценивая дистанции. Пять метров до впереди идущей машины - безопасная зона. Три метра - зона риска.

ТЦ "Северный" встречает меня тишиной и запахом мокрого бетона. Огромное здание выглядит как скелет доисторического животного. Строительные леса похожи на паутину. Я паркуюсь в отдалении и выхожу из машины.

Здесь нет охраны. Только ржавая цепь на въезде и табличка "Проезд запрещен". Я перешагиваю через цепь. Мои кроссовки тихо шуршат по гравию.

Я поднимаюсь по бетонному пандусу. Шаг. Еще один. Мои мышцы напряжены, я готова к рывку в любой момент. Я чувствую пространство спиной. Это навык, который остается с тобой навсегда: ты всегда знаешь, где находится ближайший выход и откуда может прийти угроза.

Второй уровень. Темно. Свет проникает сюда лишь редкими полосами сквозь щели в перекрытиях.

Третий уровень.

Здесь воздух еще холоднее. Я останавливаюсь в центре пустого зала. Сектор Б. Краска на колоннах облупилась, но буквы всё еще видны.

Я закрываю глаза и пытаюсь восстановить звук из трубки. Шаги. Бум. Бум. Бум.

И тут я слышу их наяву.

Это не воображение. Это реальный, физический звук подошв по бетону. Кто-то идет с той стороны, где находится лестничный пролет.

Я замираю. Дыхание на задержке. Мышцы готовы к старту. Я не боюсь, я просто фиксирую статус: обнаружена цель.

Из тени выходит Илья Артемьев. На нем всё тот же серый пиджак, но теперь он кажется еще более неуместным здесь, среди строительного мусора. Он держит в руке какой-то прибор, похожий на планшет с кучей антенн.

- Быстро вы - говорит он, не выражая никакого удивления.

- Я думал, вам понадобится больше времени, чтобы решиться на нарушение прямого приказа.

- Что вы здесь делаете? - я не расслабляюсь. Мои руки сжаты в кулаки.

- То же, что и вы. Ищу источник сигнала. Видите ли, Кира, тот звонок... он не просто прошел через вашу станцию. Он оставил здесь электромагнитный след. Аномалию, которую

я не могу объяснить с точки зрения классической физики.

Он подходит ближе. Я вижу шрам на его ладони, о котором говорила Лена. Он глубокий, рваный, белый на фоне его загорелой кожи.

- Вы верите в путешествия во времени? - спрашивает он, и в его голосе я впервые слышу не иронию, а что-то похожее на искренний интерес.

- Я верю в протоколы и логи - отвечаю я. - И я верю своему слуху. На записи была я. Это была моя манера речи, мой тембр, мое дыхание.

- Да. Это были вы. Только на три недели старше. И судя по метаданным, которые мне удалось вытащить из "пустого" файла, в момент звонка вы были мертвы уже три минуты.

ГЛАВА 2: ТРИ НЕДЕЛИ ВПЕРЕД

Воздух в секторе мониторинга мгновенно стал тяжелым, как вода в прыжковом колодце на глубине десяти метров. Давление на барабанные перепонки, фантомный гул в ушах. Я почувствовала, как лопатки сошлись, фиксируя позвоночник в прямую, неестественно жесткую линию. Режим старта. Когда стоишь на тумбе, и единственное, что существует - это гладь дорожки и твой собственный пульс в кончиках пальцев.

- Мертва три минуты - повторила я. Мой голос прозвучал сухо, без вибраций. Хороший, рабочий тембр. Оператор первой категории. - Илья, вы понимаете, что несете технический бред? Метаданные можно подделать. Время сервера можно откатить. Смерть нельзя зафиксировать через аудиопоток, если только вы не кардиолог, слушающий фонендоскопом пустую грудную клетку.

Он не ответил сразу. Он вообще редко делал то, чего от него ждали. Илья подошел к моему терминалу, бесцеремонно отодвинув мой кофе в сторону. Его движения были экономичными, как у хорошо отлаженного механизма. Он не просто шел, он перемещал центр тяжести, сохраняя идеальный баланс. Я почувствовала запах его куртки - холодный уличный воздух, горький табак и что-то металлическое, как от разогретых плат.

- Смотрите сюда, Кира - он кивнул на экран. - Я не гадалка. Я инженер систем связи. Вот лог-файл входящего пакета. Видите метку?

Я наклонилась к монитору. Мои мышцы плечевого пояса были натянуты, как струны. Я видела цифры. Я знала эти протоколы наизусть. Но то, что я видела, не укладывалось в сетку реальности.

- 21 ноября - прочитала я вслух. - Сегодня первое. Разница в двадцать дней.

- Двадцать дней и семь часов - поправил Илья. - Но это не просто ошибка тайм-штампа. Если бы это был обычный сбой часов на сервере, контрольная сумма файла не сошлась бы с заголовком транспортного протокола. Пакет пришел из будущего, Кира. И он пришел не просто "откуда-то". Он пришел с этого самого терминала.

- Исключено - я отрезала это слово, как лишний кусок бинта. - Я на посту. Я не совершала исходящих вызовов в это время. Система ведет учет каждого нажатия клавиши.

- В это время первого ноября - нет - он нажал несколько клавиш, вызывая расширенный технический отчет. - Но система считает, что вы совершили этот звонок двадцать первого ноября. Из этой самой точки пространства. И вот здесь, в расшифровке состояния линии...

Он указал на тонкую красную полосу внизу графика.

- Этот маркер означает отсутствие биосигналов в голосовом потоке. Когда человек говорит, микрофон ловит не толь-

ко звук связок. Он ловит микро-колебания, вызванные сердцебиением, движением грудной клетки, шумом крови в сосудах лица. Умные системы шумоподавления, вроде нашей, используют эти данные для очистки голоса. Так вот, система пыталась очистить ваш голос от шума тела и не нашла тела. Вы говорили, но ваше сердце не билось. Минимум три минуты до начала записи.

Я ощутила, как внутри что-то провернулось. Холодный, скользкий узел в районе солнечного сплетения. Мое тело, приученное к дисциплине, отреагировало привычно: я задержала дыхание. Один вдох - один цикл. Считай до десяти. Воздух плотный. Воздух сопротивляется.

- Это баг - сказала я, глядя в его глаза. У Ильи они были цвета нечищеного серебра - серые, с темными вкраплениями, абсолютно лишённые сочувствия. - Илья, это просто баг. Ошибка алгоритма распознавания. Возможно, микрофон был неисправен или соединение шло через какой-то искажающий шлюз.

- Вы сами в это верите? - он усмехнулся. Улыбка не затронула его глаз. - Вы слышали запись. Вы слышали себя. Там не было искажений. Там была абсолютная, пугающая четкость. Вы говорили так, будто стояли прямо здесь, за моей спиной.

Я отошла от терминала и начала свой привычный ритуал. Проверить замок сейфа с документацией - щелчок. Проверить герметичность окна - плотно. Проверить фиксацию гарнитуры на подставке. Микродействия помогали структу-

рировать хаос. Если я контролирую пространство, я контролирую ситуацию.

- Зачем вы мне это рассказываете? - я повернулась к нему, скрестив руки на груди. - Если вы нашли "аномалию", ваш протокол требует немедленного доклада руководству службы безопасности. Вы должны были изолировать терминал, опечатать сектор и составить акт технического несоответствия. Вместо этого вы стоите здесь и пугаете меня сказками про живых мертвецов.

Илья на мгновение замолчал. Он смотрел на свои руки. На тот самый шрам, о котором я не могла перестать думать. Рваный след, уходящий под манжет его рубашки.

- Потому что на записи был не только ваш голос, Кира - тихо произнес он. Его темп речи замедлился. - Там был и мой голос. И я... я просил вас не делать этого. Я умолял.

Я замерла. Это было вне моего алгоритма. Илья, этот ледяной технарь, который презирал любые проявления эмоций, который считал людей лишь несовершенными придатками к серверам - умолял?

- О чем? О чем вы меня просили?

- Запись обрывается. Файл поврежден в конце. Но последние три секунды... - он заколебался. - Давайте просто переслушаем еще раз. Только внимательно. Не как оператор, который ищет ключевые слова. Слушайте подтекст.

Он нажал "Play".

Сначала был только шум. Белый шум, похожий на шелест

листвы или на звук воды, уходящей в слив бассейна. Потом возникло дыхание. Мое дыхание. Но оно было странным. Тяжелым, с каким-то хрипом в глубине, будто легкие были заполнены жидкостью.

- Времени нет - произнес мой голос из динамиков. - Илья, слушай меня. Не проверяй логи. Не ходи в четвертый сектор. Если ты пойдешь туда, цепочка замкнется.

- Кира, остановись! - это был голос Ильи. Но не того Ильи, который стоял сейчас рядом со мной. Тот голос на записи вибрировал от ужаса. В нем была такая концентрация отчаяния, что мне стало физически больно это слушать. Мышцы шеи свело судорогой. - Ты не понимаешь, что ты делаешь. Это не ошибка связи, это...

- Семь-восемь-два-четыре - быстро проговорила "будущая я", перебивая его. - Илья, запиши. Альфа-семь-Омега-ноль. Это единственный способ.

Запись оборвалась резким статическим щелчком. В комнате повисла тишина, нарушаемая только гулом вентиляторов в серверной стойке.

Я чувствовала, как кровь отливает от лица. Код. Последняя фраза.

- Что за "Альфа-семь-Омега-ноль"? - спросил Илья, внимательно наблюдая за моей реакцией. - Это технический пароль? Код доступа к ядру? Я проверил все базы, такого сочетания нет в системе.

Я не могла дышать. Воздух стал не просто плотным, он

стал твердым.

- Это не пароль - выдавила я из себя. Мои пальцы впились в край стола так сильно, что костяшки побелели. - Это не имеет отношения к работе.

- Тогда что это?

Я закрыла глаза. Перед глазами всплыла картинка из прошлого. Мне двенадцать лет. Я сижу на берегу озера, прижимая колени к груди. Рядом со мной - маленькая девочка, моя сестра. Она боится воды. Она плачет, потому что я в шутку сказала ей, что на дне живут тени. Я смеялась. Я думала, это забавно - видеть, как она дрожит. Я сказала ей тогда: "Если тебе будет страшно, просто скажи секретный код. Альфа-семь-Омега-ноль. Это заклинание, которое прогоняет теней".

Через час она соскользнула с мостков. Я слышала всплеск. Я слышала крик. Но я подумала, что она снова капризничает. Я не обернулась. Я продолжала читать книгу, считая, что она просто хочет привлечь внимание. Когда я наконец прыгнула в воду, было уже поздно.

Этот код я не произносила вслух пятнадцать лет. Ни разу. Никому. Даже маме. Даже психологам, которые пытались вытащить меня из посттравматического коккона. Это была моя личная тайна. Моя метка позора. Мой способ идентифицировать себя в мире, где я - та, что не обернулась.

- Кира? - Илья подошел ближе. Его рука зависла в сантиметре от моего плеча, но он не коснулся меня. Он чувство-

вал дистанцию. - Вы побледнели. Что значит этот код?

- Это доказательство - сказала я, открывая глаза. Мой голос дрожал, и я возненавидела себя за эту слабость. - Это доказательство того, что это не подделка. И не ошибка системы.

- Почему?

- Потому что этот набор слов существует только в моей голове. Ни в одном цифровом следе, ни в одной переписке, ни в одном архиве его нет. Если голос на записи знает этот код... значит, это действительно я.

Я посмотрела на дату на мониторе. 21 ноября.

- Через три недели я умру, Илья. И я позвоню вам, чтобы сказать этот код. Почему именно вам? Мы едва знакомы. Мы работаем в разных отделах полгода, и до сегодняшнего дня мы обменялись от силы десятком фраз о пропускном режиме.

Илья отошел к окну. За стеклом расстилался ночной город, залитый неоновым светом, который сверху казался микросхемой.

- Возможно, через три недели мы будем знать друг друга гораздо лучше - пробормотал он, не оборачиваясь. - Или, возможно, я - единственный, кто способен услышать этот сигнал. Вы ведь знаете мою репутацию? "Илья-детектор". Я слышу фальшь в коде. Я вижу дыры в реальности там, где другие видят просто "технический сбой".

Он повернулся ко мне. Его лицо было жестким, сосредото-

точеным.

- У нас есть двадцать дней, Кира. Двадцать дней до того момента, как ваше сердце остановится, а ваш голос совершит прыжок во времени.

- Вы верите в это? - я усмехнулась, пытаюсь вернуть себе привычную маску цинизма. - Вы, человек, который доверяет только логам и цифрам?

- Я доверяю аномалиям - отрезал он. - Обычные вещи скучны и предсказуемы. Но когда система начинает выдавать невозможные результаты, это значит, что мы наткнулись на что-то настоящее. На что-то, что стоит того, чтобы нарушить все протоколы.

Я посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Тело вошло в режим "плато" - состояние высшей концентрации, когда эмоции отключаются, оставляя место только расчету.

- Допустим - сказала я. - Допустим, это правда. Что вы предлагаете делать?

- Для начала - уйти отсюда - Илья быстро собрал свои вещи. - Если этот сигнал зафиксировал я, значит, его скоро зафиксируют и другие. СБ не спит. У них есть свои алгоритмы поиска отклонений. Если они увидят тайм-штамп из будущего, они не будут задавать вопросы. Они просто сотрут нас обоих, чтобы не портить отчетность. Аномалия должна быть устранена.

- Вы хотите сказать, что мы в опасности уже сейчас?

- Мы в опасности с той секунды, как вы сняли трубку, Ки-

ра. Идемте.

Мы вышли из сектора мониторинга. Коридоры здания службы связи были залиты мертвенным светом люминесцентных ламп. Каждый мой шаг отдавался в ушах, как удар метронома. Я чувствовала, как каждый нерв в моем теле натянут. Любое движение в тени, любой шорох за закрытыми дверями кабинетов воспринимался как потенциальная угроза. Инцидент. Статус: критический.

Мы миновали пост охраны. Я кивнула дежурному, стараясь сохранить на лице выражение смертельной скуки, свойственное людям, закончившим двенадцатичасовую смену. Мое сердце колотилось в ритме, который никак не вязался с этой скукой.

Когда мы вышли на парковку, холодный ночной воздух ударил в лицо, принося временное облегчение. Плотность воды сменилась плотностью ночи.

- Садитесь - Илья указал на старую, побитую "Ауди" темного цвета. Машина выглядела как груда металлолома, но я знала, что внутри у нее наверняка стоит электроника, способная взломать пентагон.

Я села на пассажирское сиденье. В салоне пахло старой кожей и канифолью.

- Куда мы едем?

- В место, где нет камер и где эфир чист от государственных частот - Илья завел двигатель. Машина отозвалась низким, утробным рыком. - Мне нужно проанализировать вто-

рую часть записи. Ту, которую я не смог открыть на вашем терминале.

- Была вторая часть? - я резко повернулась к нему. - Вы не сказали.

- Я не хотел говорить это там, где нас могут слушать стены. На вашем терминале стоял ограничитель полосы пропускания. Но я успел скопировать весь пакет на свой носитель. Там есть еще около сорока секунд данных. И судя по структуре файла, это не голос.

- А что?

- Координаты - Илья выжал сцепление, и машина рванула с места, вжимая меня в сиденье. - Координаты и временные метки. Кто-то - или что-то - передает нам маршрут.

Я смотрела, как огни города сливаются в длинные светящиеся нити. Мой внутренний критик, голос старшего смены, монотонно фиксировал: "Нарушение должностной инструкции. Несанкционированный доступ к данным. Уход с объекта с посторонним лицом". Но под этим слоем протоколов росло другое чувство. Странное, пугающее искушение.

Я всю жизнь пыталась предотвратить катастрофы. Я жила в режиме вечного дежурства, боясь пропустить тот самый крик о помощи. И вот теперь катастрофа уже случилась. Она записана на пленку. Она неизбежна, как гравитация. И впервые в жизни мне не нужно было гадать, что делать. Мне нужно было просто следовать за голосом. За своим собственным голосом.

- Илья - позвала я.

- Да?

- Вы сказали, что на записи вы просили меня не делать "этого". Как вы думаете... что именно я собираюсь сделать через три недели?

Он долго молчал, лавируя в потоке машин. Его руки на руле были спокойны, но я видела, как напряжена жилка на его виске.

- Я думаю, Кира, что вы собираетесь сломать мир, чтобы исправить одну-единственную ошибку. И я боюсь, что я вам в этом помогу.

Я откинулась на подголовник и закрыла глаза. Перед глазами снова была озерная вода. Темная, холодная, скрывающая тени.

- Альфа-семь-Омега-ноль - прошептала я.

- Что вы сказали? - не понял Илья.

- Ничего. Просто считаю до десяти. Это помогает при погружении.

Машина неслась во тьму, и я чувствовала, как время вокруг нас начинает сжиматься, превращаясь в тугую, непроницаемую спираль. Двадцать дней. Четыреста восемьдесят часов. Двадцать восемь тысяч восемьсот минут до момента, когда я стану эхом в телефонной трубке.

Мы проехали промзону и свернули к заброшенным складам у порта. Здесь воздух пах солью и ржавчиной. Илья заглушил мотор возле неприметного бетонного бокса.

- Пришли - сказал он. - Здесь мой "чердак". Сюда не добирают сигналы вышек сотовой связи. Полное экранирование.

Мы вышли из машины. Ветер с залива был резким, он пробирал до костей, заставляя мышцы плеч снова сжаться в защитном спазме. Илья открыл тяжелую металлическую дверь, и мы оказались внутри.

Это не было похоже на логово хакера из кино. Никаких гирлянд из проводов и неоновых ламп. Просто чистая, почти стерильная комната, заставленная серверными шкапами и измерительными приборами. В центре стоял широкий стол с тремя мониторами.

- Располагайтесь - Илья кивнул на стул. - Будет небыстро. Мне нужно дешифровать хвост файла. Система кодирования там... нестандартная. Такое ощущение, что ее писали не люди, а нейросеть, сошедшая с ума от избытка данных.

Я села, стараясь не задевать приборы. Мое тело чувствовало себя здесь лишним - слишком биологическим, слишком хрупким среди этого совершенного железа.

- Вы сказали, что ваш отец был инженером - внезапно произнесла я. Сама не знаю, зачем я это спросила. Просто тишина в комнате стала слишком густой.

Илья замер над клавиатурой. Его спина напряглась.

- Был. Великим инженером. Он верил, что любую проблему можно решить, если правильно составить уравнение. Даже семейную жизнь он пытался свести к алгоритмам.

- И у него не получилось?

- У него получилось создать идеальную имитацию - Илья начал быстро печатать. - Когда он хотел внимания, он имитировал сбой системы. Сердечный приступ, гипертонический криз. Он знал, на какие кнопки нажимать, чтобы мы с матерью бегали вокруг него. Он использовал звук своего дыхания как инструмент взлома нашей воли. С тех пор я не доверяю звукам, Кира. Только коду. Код не умеет врать из жажды власти.

- А мой голос на записи? - спросила я. - Он врёт?

Илья остановился и посмотрел на меня. В его взгляде было что-то новое. Не ирония, а почти болезненное любопытство.

- В том-то и дело. Ваш голос звучит так, будто код наконец-то обрел плоть. В нем нет манипуляции. В нем есть только... факт. Смертельный, неоспоримый факт.

Он нажал "Enter", и на мониторах поползли строки символов. Они бежали так быстро, что я не успевала их считать. Но Илья смотрел на них, как на открытую книгу.

- Вот оно - прошептал он. - Смотрите. Это не просто координаты. Это карта нашей сети. Но она изменена. Видите эти узлы?

Он указал на схему, которая начала выстраиваться на центральном экране. Она напоминала нейронную сеть, но в ней были странные, черные провалы.

- Это точки разрыва - пояснил он. - Места, где сигнал выходит из нашей реальности и... возвращается обратно. 21 но-

ября в этих точках произойдет что-то, что вызовет коллапс временного континуума. Или, говоря проще, кто-то построит мост.

- И я на этом мосту? - спросила я, чувствуя, как холод в груди становится невыносимым.

- Вы - не на мосту, Кира. Вы и есть мост. Судя по этим данным, ваш звонок - это не просьба о помощи. Это способ закрепить сигнал. Вы используете себя как маяк, чтобы кто-то другой мог пройти через разрыв.

- Кто?

- Этого я пока не знаю. Но посмотрите на временную метку второго пакета.

Он вывел на экран цифры.

- 1 ноября. Сегодня. 23:45.

Я посмотрела на часы на стене. Было 23:40.

- Через пять минут - мой голос сорвался. - Через пять минут что-то должно случиться?

- Не "что-то" - Илья встал и подошел к шкафу, извлекая оттуда странный прибор, похожий на портативный осциллограф. - Через пять минут в этом секторе должен появиться источник сигнала. И судя по координатам, он появится прямо здесь. В этой комнате.

Я вскочила. Мои мышцы были готовы к рывку. Я оценила расстояние до выхода - три метра. Препятствий нет. Но я не двинулась с места. Какая-то часть меня, та самая, что жаждала делегировать ответственность, шептала: "Останься.

Посмотри. Пусть это случится".

- Илья, это безумие. Мы стоим в запертом подвале и ждем привидение из будущего.

- Мы ждем данные, Кира. Привидения - это по вашей части. Я жду пакет информации.

23:42.

Тишина в комнате стала абсолютной. Казалось, даже сервера перестали гудеть. Я слышала, как кровь шумит в моих жилах. Тук-тук. Тук-тук. Ритм сердца, которого "не было" на записи. Я прижала ладонь к груди, проверяя - жива. Пока еще жива.

- Кира, встаньте за меня - внезапно сказал Илья. Его голос потерял свою обычную резкость. В нем появилось что-то... покровительственное? Нет, скорее профессиональное. Он оценивал риски и выстраивал защиту.

Я не шелохнулась.

- Я не гражданское лицо под защитой, Илья. Я оператор первой категории. Мое место на линии.

Он коротко взглянул на меня и, кажется, впервые за вечер едва заметно кивнул. Уважение. Редкая валюта в его мире.

23:44.

Воздух в центре комнаты начал вибрировать. Это было похоже на марево над раскаленным асфальтом, только здесь было холодно. Температура в помещении упала так резко, что у меня изо рта пошел пар.

- Фиксирую всплеск электромагнитного поля - монотон-

но произнес Илья, глядя на прибор. - Пять тесла... десять... пятнадцать... Это невозможно, нас должно было размазать по стенам таким напряжением.

Но нас не размазало. Напротив, я почувствовала странную легкость. Как в тот момент, когда ты уже оторвался от тумбы, но еще не коснулся воды. Секунда абсолютной свободы от гравитации. Секунда между "уже" и "еще нет".

Прямо над столом, среди мониторов, возникла точка. Маленькая, не больше булавочной головки, сияющая нестерпимым белым светом. Она пульсировала в ритме моего дыхания.

- Кира... - Илья протянул руку к точке, но тут же отдернул ее. - Она реагирует на вас.

Я подошла ближе. Свет не обжигал. Он был... знакомым. Как свет фонарика под одеялом в детстве. Как отблеск солнца на поверхности бассейна перед началом тренировки.

Точка начала расширяться, превращаясь в тонкое светящееся кольцо. И внутри этого кольца я увидела изображение.

Это была я.

Я сидела в каком-то темном помещении. Мое лицо было испачкано чем-то темным - кровью или мазутом. Волосы слиплись. Но глаза... мои глаза на экране горели такой яростью и такой решимостью, какой я никогда не видела у себя в зеркале.

"Будущая я" держала в руках телефонную трубку. Ту самую, старую, из сектора мониторинга.

- Я знаю, что ты смотришь - сказала она. Ее голос был тихим, но он заполнил всю комнату, отражаясь от стен. - Я знаю, что тебе страшно. Но у тебя нет выбора. Ты должна дойти до конца.

- Где ты? - крикнула я, забыв, что это всего лишь запись или проекция. - Что произошло?

- Произошло то, что ты наконец-то обернулась, Кира - "та я" слабо улыбнулась. Это была горькая, страшная улыбка. - Ты прыгнула в воду. Теперь слушай внимательно. 15 ноября Илья совершит ошибку. Он поверит логам больше, чем тебе. Не дай ему этого сделать. Если он уйдет в четвертый сектор один, все закончится здесь.

Изображение начало мерцать. Кольцо света стало нестабильным.

- Илья! - "будущая я" посмотрела куда-то в сторону, мимо меня. - Не верь отцу. Он не умер. Он никогда не умирал. Он за стеной.

Илья дернулся, как от удара током. Его лицо мгновенно стало пепельно-серым.

- Что? - выдохнул он. - Что она сказала?

Но изображение уже рассыпалось на тысячи ярких искр. Точка пульсировала последний раз и исчезла, оставив после себя запах озона и звенящую тишину.

Температура в комнате начала медленно подниматься. Сервера снова запели свою монотонную песню.

Я стояла, обхватив себя руками, чувствуя, как меня бьет

крупная дрожь. Физиологическая реакция на адреналиновый спад. Мое тело требовало тепла и покоя, но мозг продолжал обрабатывать информацию.

Инцидент: Контакт с временной проекцией.

Угроза: Смерть в течение 20 дней.

Статус: Неопределенность.

Я повернулась к Илье. Он стоял, прислонившись к серверной стойке, и смотрел в пустоту. Его руки, всегда такие точные и уверенные, теперь бессильно висели вдоль тела.

- Илья? - позвала я тихо.

- Он умер десять лет назад - произнес он мертвым голосом. - Я сам видел свидетельство. Я сам... я сам выбирал гроб.

- Она сказала, что он не умер. И что он за стеной.

Илья медленно поднял голову. В его глазах больше не было "детектора". В них был первобытный, детский ужас. Тот самый, который я носила в себе пятнадцать лет.

- Если она права... - он сглотнул. - Если она права, значит, вся моя жизнь, все, что я строил, все, во что я верил - это просто еще одна имитация. Еще один алгоритм, написанный им, чтобы контролировать меня.

Я подошла к нему и впервые сделала то, что не входило ни в один мой протокол. Я положила руку ему на плечо. Его мышцы были твердыми, как камень.

- У нас есть двадцать дней, Илья - сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо. - Двадцать дней, чтобы изме-

нить запись. Ты слышал ее. Она сказала, что я прыгнула в воду. Это значит, что на этот раз я не буду ждать на берегу.

Он посмотрел на мою руку, потом на меня. В глубине его серых глаз что-то шевельнулось. Лед начал трескаться.

- Почему вы мне помогаете? - спросил он. - Вы ведь могли просто уйти. Сдать меня СБ, сказать, что я сошел с ума и подделал записи. Вам бы поверили. У вас безупречный послужной список.

Я иронично хмыкнула. Ирония патологоанатома над вскрытым телом.

- Мой список безупречен только потому, что в нем нет живых людей, Илья. Только логи и инструкции. Но на этой записи я увидела кого-то, кто мне нравится гораздо больше, чем я нынешняя. Та женщина в крови... она живая. Даже если ее сердце не бьется.

Я убрала руку и отошла к выходу.

- Завтра 2 ноября. У нас осталось девятнадцать дней и семь часов. Нам нужно понять, что находится в четвертом секторе. И нам нужно найти твоего отца.

Илья выпрямился. Его лицо снова стало маской, но теперь это была маска воина, а не циника.

- Четвертый сектор - это архив глубокого хранения - сказал он, подходя к монитору. Его пальцы снова заплясали по клавишам, но теперь в этом движении была ярость. - Там хранятся данные, которые официально считаются удаленными. Мусор. Ошметки стертых жизней.

- Значит, нам пора покопаться в мусоре - я потянула на себя тяжелую дверь бокса. - Илья?

- Да?

- Не вздумай идти туда один. Это приказ. Мой личный протокол.

Он посмотрел на меня через плечо, и на его губах появилась слабая, почти настоящая улыбка.

ГЛАВА 3: ОТДЕЛ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Коридор к кабинету Ильи в блоке внутренней безопасности тянется бесконечно, как стометровка в бассейне, когда у тебя свело икроножную мышцу, а тренер на бортике даже не думает свистеть. Свет здесь мертвенно-белый, лишенный теней, он выжигает сетчатку и заставляет кожу казаться серой, почти бумажной. Я иду, фиксируя каждый шаг. Пятка, пережат, носок. Мои кроссовки едва слышно всасываются в линолеум. Это не страх. Это режим сохранения энергии перед заплывом на дистанцию, где нет финишной черты. Статус: мобилизация. Угроза: неопределена.

Дверь в его кабинет не имеет ручки, только сенсорную панель. Я прикладываю карту, и замок щелкает с коротким, сухим звуком, напоминающим перелом тонкой кости. Внутри пахнет озоном и застоявшимся кофе. Илья сидит за столом, окруженный мониторами, как паук в центре цифровой паутины. Синие блики от экранов делают его лицо жестким, почти скульптурным. Он не поднимает глаз. Он ждет, когда я нарушу тишину, когда я начну оправдываться или задавать вопросы. Это старый трюк следователей: позволить тишине стать физически ощутимой, чтобы подозреваемый сам начал заполнять ее своей виной.

Я не даю ему этой радости. Я останавливаюсь в трех метрах от стола. Дистанция безопасности. Мои плечи опущены, лопатки разведены, грудная клетка неподвижна. Я перешла на экономное дыхание, как перед погружением. Я считаю секунды. Раз. Два. Три. На двенадцатой секунде он сдается.

- Садись, Кира, - говорит он, не глядя на меня. Его голос звучит как наждачная бумага по металлу. В нем нет той утренней иронии, только холодный расчет. - Нам нужно поговорить о твоих талантах в области системного администрирования.

Я не сажусь. Я остаюсь на ногах, чувствуя, как мышцы бедер наливаются свинцом, готовые к рывку.

- Мои таланты ограничиваются протоколом приема вызовов, Илья. Ты это знаешь. Мой уровень доступа не позволяет мне даже менять заставку на рабочем столе.

Он наконец поднимает голову. В его глазах отражается бесконечный каскад зеленых строк кода. Он выглядит измотанным, но это измотанность хищника, который провел ночь в засаде.

- Тогда объясни мне, как оператор четвертого разряда смогла взломать сервер архивации и подделать временные метки в пятидесяти восьми файлах, - он разворачивает один из мониторов ко мне. - Взгляни на логи, Кира. Это искусство. Чистая работа. Если бы я не знал, что ты проводишь свободное время, считая калории и разглядывая дно бассейна, я бы решил, что у нас завелся гений из АНБ.

Я смотрю на экран. Цифры плывут перед глазами, но я заставляю себя сфокусироваться. Я вижу свое имя. Вижу идентификатор терминала. И вижу время. 22 ноября. Это будущее. Но в логах системы это значит как свершившийся факт, записанный и заархивированный в прошлом.

- Я не хакер, - говорю я ровно. Мой голос не дрожит, хотя внутри что-то мелко вибрирует, как мембрана телефона на беззвучном режиме. - Я даже не знаю, как зайти в биос. Ты ищешь виновного там, где нужно искать системный сбой. Или чудо. Хотя ты в них не веришь.

Илья усмехается. Это не добрая усмешка.

- Чудеса - это ошибки в коде, которые мы еще не научились воспроизводить. Мой отец всегда говорил: если ты видишь привидение, проверь, не подмешал ли тебе кто-то ЛСД в чай. Ты подделала запись, Кира. Я не знаю, зачем. Возможно, это какой-то сложный вид психологического шантажа. Или ты работаешь на тех, кто хочет дискредитировать систему экстренной связи. Но ты совершила одну ошибку. Ты оставила след.

Он встает. Он высокий, и в этом тесном кабинете его присутствие кажется избыточным. Он подходит ближе, нарушая мою зону комфорта. Я чувствую запах его парфюма - что-то древесное, смешанное с запахом перегретого пластика. Мое тело реагирует мгновенно: пульс учащается, но я подавляю его, заставляя сердце биться в ритме метронома.

- Ты думаешь, я не слышу, как ты врешь? - спрашивает

он тихо, склоняясь к моему уху. - У лжи есть своя акустика. Голос становится плотнее, в нем пропадают обертона. Ты сейчас звучишь как синтезатор речи. Слишком правильно. Слишком чисто.

- Ты слышишь то, что хочешь услышать, Илья, - я поворачиваю голову и встречаюсь с ним взглядом. Расстояние между нашими лицами - не больше десяти сантиметров. Я вижу расширенные зрачки и мелкую сетку морщин в углах его глаз. - Ты привык, что звук - это инструмент манипуляции. Твой отец имитировал приступы, чтобы ты не уходил из дома. Ты вырос в мире, где крик - это ложь. Но я не твой отец. И я не подделывала этот файл.

Он отстраняется, словно я его ударила. Упоминание отца для него - это запрещенный прием, удар ниже ватерлинии. Он делает глубокий вдох, и я вижу, как его пальцы произвольно сжимаются в кулаки.

- Не смей, - выплевывает он. - Не смей вплетать сюда мою семью. Мы говорим о фактах. Факт номер один: запись существует. Факт номер два: на записи твой голос. Факт номер три: системное время изменено вручную с твоего аккаунта.

- Инцидент, - произносим мы почти одновременно.

Я фиксирую это совпадение как аномалию. Мы думаем в одном ритме, и это пугает меня больше, чем угроза увольнения или тюрьмы.

- Садись, - повторяет он, на этот раз тише. - Пожалуйста. Я сажусь на край жесткого стула. Мои руки лежат на ко-

лениях, ладонями вниз. Я чувствую текстуру своих джинсов, грубую ткань, которая кажется сейчас единственной реальностью в этом цифровом аду. Илья возвращается в свое кресло и нажимает несколько клавиш.

- Я прогнал файл через спектральный анализатор, - говорит он, глядя в экран. - Я искал склейки. Искал следы нейросетевой генерации. Искал гармонические искажения, которые неизбежны при монтаже. И знаешь, что я нашел?

Он делает паузу. Я слышу, как гудит вентилятор в его компьютере. Этот звук напоминает мне шум воды в трубах бассейна поздно вечером, когда свет уже выключен, и ты остаешься один на один с пустотой.

- Ничего, - продолжает он. - Запись девственно чиста. Если это подделка, то ее делал бог. Или кто-то, кто обладает вычислительными мощностями, которых нет на этой планете. Но есть еще кое-что. Кое-что, что не укладывается в теорию взлома.

Он нажимает кнопку на пульте, и из огромных колонок, расставленных по углам кабинета, начинает литься звук. Это та самая запись. Мой голос, хриплый, прерывистый.

- Илья, если ты это слышишь... беги. Не входи в сектор четыре. Они уже здесь.

Слушать саму себя из будущего - это как смотреть на свое отражение в разбитом зеркале. Ты узнаешь черты, но они искажены, они принадлежат кому-то другому. Той женщине на записи больно. Я чувствую эту боль в своих связках, хотя

сейчас я молчу. У нее повреждено левое легкое - я слышу это по характерному свисту при вдохе. Пневмоторакс. Она умирает.

- Слушай внимательно, - говорит Илья, прибавляя громкость. - Не на голос. Слушай фон.

Я закрываю глаза, превращаясь в одно большое ухо. Это профессиональный навык оператора - отсекай смыслы и фокусироваться на шумах. Белый шум, шорох одежды, далекий гул вентиляции. И вдруг я слышу это.

Тонкий, мелодичный перезвон. Металл о металл. Совсем тихий, почти на грани восприятия.

- Это ключи, - шепчу я, не открывая глаз.

- Именно, - подтверждает Илья. - Ритмичное позвякивание. Кто-то идет или бежит. Но прислушайся к тональности.

Я вслушиваюсь. Среди обычного лязга ключей есть один специфический звук. Высокий, чистый звук маленького свистка. Это мой брелок. Подарок отца, когда я еще занималась в юношеской сборной. Старый, поцарапанный серебряный свисток, который я всегда ношу на связке. У него уникальная трещина на корпусе, которая дает этот странный, чуть дребезжащий звук на высокой ноте.

Я открываю глаза и медленно достаю ключи из кармана. Мои пальцы дрожат, и это выводит меня из равновесия. Я не должна дрожать. Я - профессионал. Но звук на записи и звук моих ключей в реальности идентичны.

- Это не просто запись моего голоса, Илья, - я смотрю на

него, и мир вокруг начинает медленно вращаться, как в центрифуге. - Это запись меня. С моими вещами. В моем будущем.

- Или кто-то украл твои ключи, сделал запись и вернул их на место, - Илья цепляется за логику, как утопающий за соломинку. Его лицо побледнело. Он тоже это слышит. Он не может это игнорировать. - Это рациональное объяснение. Единственное рациональное объяснение.

- Ты сам в это веришь? - спрашиваю я. - Мои ключи всегда со мной. Я сплю с ними под подушкой. Это мой ритуал. После того случая с сестрой... я не оставляю вещи без присмотра. Никогда.

Илья молчит. Он откидывается на спинку кресла и закрывает лицо руками. Это жест капитуляции. Его броня циника дала трещину, и сквозь нее проглядывает то, что он так тщательно скрывал: страх. Не страх перед начальством или тюрьмой, а первобытный ужас перед тем, что не поддается логике.

- Четвертый сектор, - произносит он сквозь пальцы. - Почему она... почему ты сказала мне не входить туда?

- Потому что там что-то есть. Что-то, что убьет меня через девятнадцать дней. И, возможно, убьет тебя.

Я встаю и подхожу к его столу. Теперь я - ведущая в этом танце. Его растерянность дает мне преимущество. Мое тело больше не сковано, оно наполнено энергией, как перед стартовым сигналом.

- Нам нужно проверить логи доступа в четвертый сектор за последний месяц, - говорю я короткими, рублеными фразами. - Кто туда входил? Какие работы проводились? Почему архив глубокого хранения вдруг стал активным?

Илья поднимает голову. Его взгляд снова фокусируется. Он берет себя в руки, и я вижу, как в нем просыпается инженер.

- Официально - никто. Сектор законсервирован три года назад после инцидента с утечкой данных. Там нет даже освещения. Только серверные стойки, которые работают в автономном режиме. Там хранятся ошметки старых баз. Мусор.

- Мусор не убивает людей, Илья. И мусор не заставляет систему связи сходить с ума.

- Есть одна проблема, - он начинает быстро печатать, его пальцы летают по клавиатуре с пулеметной скоростью. - Доступ в четвертый сектор заблокирован на аппаратном уровне. Чтобы туда попасть, нужны два ключа. Мой и...

Он осекается.

- И чьи? - я чувствую, как плотность воздуха в кабинете возрастает.

- Директора по безопасности. Моего отца.

В кабинете воцаряется такая тишина, что я слышу собственное сердцебиение. Оно звучит как тяжелые шаги в пустом коридоре. Бам. Бам. Бам.

- Твой отец пропал два года назад, - напоминаю я тихо. - Его объявили погибшим после того взрыва на подстанции.

- Тело так и не нашли, - Илья смотрит на экран, на котором мигает красная надпись: "Доступ запрещен. Требуется авторизация второго уровня". - Я всегда думал, что он просто сбежал. Устроил этот спектакль, чтобы избавиться от нас. От матери, от меня, от этой работы. Он ненавидел этот город.

- А что, если он не уходил? Что, если он все это время был здесь? В системе?

Илья резко качает головой.

- Это невозможно. Он человек, а не компьютерный вирус. Чтобы выжить в четвертом секторе, нужны ресурсы. Еда, вода, воздух. Там нет ничего, кроме стоек и пыли.

- А если он нашел способ... записать себя? - сама эта мысль кажется мне безумной, но после звонка из будущего границы возможного размылись.

- Ты пересмотрела научной фантастики, Кира, - Илья снова становится собой. Его ирония возвращается, но теперь она звучит натянуто, как струна, готовая лопнуть. - Сознание нельзя оцифровать. Это не файл. Это биохимия, электрические импульсы, сложнейшая сеть нейронов. Мы даже не можем полностью симулировать мозг червя, не то что человека.

- Тогда объясни мне звонок. Объясни ключи. Объясни, почему мой голос на записи знает твое имя и умоляет тебя не входить в архив.

Он не отвечает. Он открывает другой терминал и начинает вводить команды, которые я не успеваю прочитать. Окна

открываются и закрываются, графики сменяют друг друга. Он ищет аномалии в энергопотреблении.

- Смотри, - он указывает пальцем на кривую линию. - Это график потребления энергии четвертым сектором. Видишь эти пики? Они происходят каждые двадцать четыре часа. В три часа ночи.

- И что это значит?

- Это значит, что кто-то или что-то пробуждает систему. Происходит массовый обмен данными. Гигабайты информации улетают куда-то внутрь архива. Это похоже на... на вдох. Словно система дышит.

Я чувствую, как по спине пробегает холод. Плотность воды. Я снова в бассейне, и кто-то держит меня за лодыжку, не давая всплыть.

- Инцидент. Статус: критический, - произношу я по привычке. - Илья, мы должны пойти туда. Прямо сейчас.

- Ты с ума сошла? У нас нет второго ключа. Система безопасности поднимет тревогу, как только мы приблизимся к шлюзу. Нас скрутят раньше, чем мы успеем сказать "будущее".

- Ты - главный инженер. Ты знаешь обходы. Ты всегда хватался, что можешь взломать любую задвижку в этом здании.

Он смотрит на меня долгим, нечитаемым взглядом. В нем смешаны азарт, страх и что-то еще, похожее на уважение.

- Это будет стоить мне карьеры. А тебе - свободы. Ты понимаешь это?

- Я понимаю, что через девятнадцать дней я буду лежать на полу этого архива с пробитым легким. Карьера кажется мне незначительной потерей в сравнении с этим.

Илья медленно встает. Он поправляет пиджак, этот жест кажется мне удивительно человеческим и беззащитным в этой стерильной обстановке.

- Ладно. Но если мы погибнем, я первым делом скажу тебе "я же говорил".

- Договорились.

Мы выходим из кабинета. Коридоры теперь кажутся мне темнее, хотя освещение не изменилось. Каждый шорох, каждый гул лифта заставляет меня вздрагивать. Мое тело в гипертонусе. Я чувствую каждую мышцу, каждый нерв. Мы идем к техническим лифтам, которые ведут в подвальные уровни.

В лифте Илья молчит. Он прислонился к металлической стенке и смотрит в потолок. Я вижу, как под кожей на его шее бьется жилка. Он напуган больше, чем хочет показать. Его религия технической объективности рухнула, и он остался нагим перед лицом иррационального.

- Мой отец не был плохим человеком, - вдруг говорит он, не глядя на меня. - Он просто был одержим. Он считал, что человечество - это устаревшая модель. Слишком много багов. Эмоции, болезни, смерть. Он хотел создать что-то вечное. Что-то, что не ломается.

- И он нашел это в четвертом секторе?

- Я не знаю. Но если он там... если он действительно стоит за всем этим... я не знаю, что я сделаю.

Лифт останавливается с мягким толчком. Двери раздвигаются, открывая вид на темный, заброшенный коридор. Здесь пахнет сыростью и старым бетоном. Это изнанка нашего сияющего технологического рая.

- Мы на месте, - шепчет Илья. - Дальше только пешком.

Мы идем по тоннелю, освещая путь фонариками телефонов. Лучи света выхватывают из темноты сплетения кабелей, ржавые трубы и слои пыли, которые лежат на полу, как выпавший снег. Здесь тихо. Слишком тихо. Даже гул серверов сюда не долетает.

- Стоп, - Илья останавливается перед массивной стальной дверью. - Это шлюз четвертого сектора.

Он подходит к панели управления. Она мертва. Экраны не светятся, кнопки не реагируют на нажатия.

- Странно, - бормочет он. - Питание должно быть. Автономный контур не может просто так отключиться.

Он достает из кармана складной набор инструментов и начинает откручивать сервисную панель. Его движения точны и быстры. Это его стихия. В темноте, копаясь в проводах, он обретает уверенность.

- Кто-то перерезал кабели, - говорит он через минуту. - И это было сделано недавно. Срезы еще блестят.

- Значит, мы здесь не одни.

Я оборачиваюсь, всматриваясь в темноту коридора. Мне

кажется, что я вижу движение на периферии зрения. Тень, которая скользнула за поворот. Мой слух обострен до предела. Я слышу капанье воды где-то далеко. Слышу дыхание Ильи. И слышу... шаги.

Легкие, почти невесомые шаги.

- Илья, быстрее, - шепчу я, кладя руку ему на плечо. Его мышцы твердые, как камень.

- Еще секунду... мне нужно замкнуть контакты напрямую...

Раздается треск, сноп искр на мгновение освещает коридор, и дверь с тяжелым стоном начинает отползать в сторону. Из открывшегося проема веет холодом. Это не просто холод кондиционированного воздуха. Это холод склепа.

Мы заходим внутрь. Фонарики выхватывают бесконечные ряды серверных стоек. Они стоят как черные монолиты, уходя в бесконечность. Но они не гудят. Они молчат.

- Они отключены, - Илья в недоумении проводит лучом по индикаторам. - Все они. Но тогда откуда берутся пики потребления энергии?

Мы проходим вглубь зала. Пыль здесь лежит ровным слоем, на ней нет следов. Кроме наших. Мы - первые живые существа здесь за долгое время.

- Посмотри туда, - я указываю на дальний конец зала.

Там, в самом центре, стоит одна единственная стойка, которая светится мягким пульсирующим синим светом. Она выглядит чужеродно среди этого мертвого железа. К ней тя-

нутся десятки кабелей, которые змеятся по полу, словно вены.

Мы подходим ближе. Это не обычный сервер. Это что-то кастомное, собранное вручную из разных модулей. На корпусе видна гравировка: "Проект Феникс".

- О боже, - выдыхает Илья. Он падает на колени перед установкой. - Это его работа. Я узнаю этот почерк. Эти узлы... он называл их "нейронными мостами".

- Твой отец?

- Да. Он строил это годами. Втайне от всех. Он использовал ресурсы архива, чтобы создать... - он замолкает, не в силах закончить фразу.

Я обхожу стойку. С обратной стороны я вижу монитор. Он включен. На нем нет строк кода или графиков. Там только одна надпись, мигающая в ритме пульсации света:

"ВХОДЯЩИЙ ВЫЗОВ. ПРИНЯТЬ?"

- Илья, смотри.

Он поднимается и встает рядом со мной. Его лицо в синем свете кажется призрачным.

- Не трогай, - говорит он, но его рука уже тянется к сенсорному экрану. - Это ловушка. Это не может быть правдой.

- Мы уже здесь, Илья. У нас нет пути назад.

Он нажимает "Принять".

Из динамиков установки раздается шум. Сначала это просто статика, белый шум, который режет слух. Но потом он начинает оформляться в звуки. Это не голос. Это звуки

окружающей среды.

Я слышу плеск воды. Ритмичные удары. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

- Это бассейн, - шепчу я. - Это звук моих тренировок.

- Откуда здесь эта запись? - Илья лихорадочно ищет источник файла. - Это архив. Но здесь нет записей из внешних камер.

Звук меняется. Теперь это голос. Не мой. Мужской голос, глубокий и спокойный.

- Здравствуй, Илья. Я знал, что ты придешь. И я знал, что ты приведешь ее.

Илья вздрагивает, словно от удара током. Он вцепляется в край стойки так, что костяшки пальцев белеют.

- Отец? - его голос срывается. - Где ты? Выходи!

- Меня нет там, где ты привык меня видеть, сын, - голос звучит отовсюду и ниоткуда одновременно. В нем нет человеческих интонаций, он звучит слишком правильно, слишком чисто. Как синтезатор речи, о котором говорил Илья. - Я стал частью системы. Я стал самой системой.

- Ты спятил, - Илья качает head. - Ты просто загрузил свой голос в программу. Это скрипт. Ты мертв!

- Смерть - это всего лишь потеря доступа к интерфейсу, - голос звучит почти иронично. - Я нашел способ сохранить структуру. Но мне нужны данные. Много данных. Чтобы модель была точной, мне нужно будущее.

Я чувствую, как у меня подкашиваются ноги. "Мне нужно

будущее".

- Это ты звонил мне? - спрашиваю я, выходя вперед. - Ты имитировал мой голос?

- Нет, Кира. Это была ты. Настоящая ты. Из того варианта реальности, который мы сейчас создаем. Информация не течет в одну сторону. В квантовом поле нет "вчера" и "завтра". Есть только точки соприкосновения.

- Зачем? - кричит Илья. - Зачем ты это делаешь?

- Чтобы спасти вас. Или чтобы уничтожить. Я еще не решил. Система ищет оптимальный путь. Четвертый сектор - это не архив. Это вычислительный центр, который просчитывает вероятности. И в большинстве из них, Илья, ты умираешь через девятнадцать дней. Вместе с ней.

Я чувствую, как в животе завязывается тугой узел. Физиология страха. Мои мышцы плечевого пояса напряжены до боли. Я оцениваю пространство. Дистанция до выхода - пятьдесят метров. Время бега - семь секунд. Но за дверью темнота, и там кто-то есть.

- Почему? - мой голос звучит глухо. - Что случится через девятнадцать дней?

- Инцидент, - отвечает голос отца Ильи. - Событие, которое вы не сможете предотвратить, если будете действовать по протоколу. Вы должны нарушить правила. Вы должны стать багом в системе.

В этот момент запись, которую Илья включал в своем кабинете, начинает играть снова. Но теперь она звучит громче.

И в ней появляется новый слой.

На фоне моего крика и звона ключей я слышу другой звук. Тяжелое, механическое дыхание. И звук шагов. Тех самых шагов, которые я слышала в коридоре.

- Они уже здесь, - шепчет мой голос из динамиков.

И в этот момент дверь шлюза, которую мы оставили открытой, с грохотом захлопывается.

Мы в ловушке. В полной темноте, освещаемой только синим пульсирующим светом "Феникса".

- Илья, - я хватаю его за руку. Его ладонь холодная и влажная. - У нас проблема. Статус: красный.

- Я знаю, - отвечает он, и в его голосе я слышу странную смесь ужаса и облегчения. - Теперь я верю тебе, Кира. Каждому твоему слову.

Среди стоек, в глубине зала, загораются два красных огонька. Потом еще два. И еще. Это не индикаторы серверов. Это глаза.

- Нам нужно бежать, - говорю я, хотя бежать некуда. - Илья, ты можешь открыть дверь?

- Нет. Система заблокирована изнутри. Он... он не выпускает нас.

Голос из динамиков раздается снова, на этот раз тише, почти нежно:

- Не бойтесь. Процесс записи начался. Чтобы вы жили в будущем, я должен зафиксировать вашу смерть в настоящем. Это простая арифметика.

Я чувствую, как воздух в зале становится плотным, как вода. Я задерживаю дыхание. Плечи развернуты. Я готова к рывку. Даже если этот рывок приведет меня прямо в пасть того, что скрывается в темноте.

- Кира, - Илья прижимается ко мне. - Если мы не выберемся...

- Заткнись, Илья. Мы выберемся. Это мой личный протокол. Мы не станем данными в его архиве.

Я достаю ключи. Серебряный свисток холодит ладонь. Я подношу его к губам.

- Что ты делаешь? - спрашивает он.

- Нарушаю акустику, - отвечаю я и дую в свисток изо всех сил.

Резкий, пронзительный звук разрезает тишину архива. Он отражается от стен, резонирует с металлическими стойками, врывается в микрофоны "Фе

ГЛАВА 4: ПРОВЕРКА РЕАЛЬНОСТИ

Звон в ушах не проходит. Это не просто звук, это физическая преграда, серая вата, забитая глубоко в слуховые проходы. Когда я дунула в свисток, я не просто пыталась перекричать Илью или тот голос из динамиков. Я пыталась разорвать плотность воздуха, которая стала невыносимой, как толща воды на пятиметровой глубине, когда давление начинает выталкивать глазные яблоки из орбит. Мой тренер говорил: если чувствуешь, что легкие сейчас лопнут, просто пусти один пузырек воздуха, обмани систему. Свисток был моим пузырьком.

Я стою в прихожей своей квартиры. Спина прижата к входной двери. Металл холодный, даже через куртку я чувствую его равнодушную твердость. Это хорошо. Твердость - это статус "стабильно". Мои пальцы все еще сжимают связку ключей так сильно, что края врезаются в ладонь. Я не разжимаю кулак. Физическая боль - отличный заземлитель. Она возвращает меня из того липкого кошмара в архиве в пространство, которое я контролирую. Или думаю, что контролирую.

Илья остался там, внизу, у подъезда. Он хотел подняться, что-то говорил про логи, про искажение частот, про то,

что система "Феникс" не могла выдать такой результат без внешнего взлома. Его голос дрожал. Для него мир рухнул, потому что цифры солгали. Для меня мир просто в очередной раз подтвердил свою злобную непредсказуемость. Я видела его лицо в свете тусклого уличного фонаря - бледное, с тенями под глазами, которые казались глубокими провалами. Он выглядел как человек, который только что узнал, что гравитация - это всего лишь частное мнение. Я отправила его домой. Инцидент исчерпан, статус - наблюдение. Мне нужно было остаться одной, чтобы провести дезинфекцию реальности.

Я начинаю свой ритуал. Это не obsессия, это протокол выживания.

Первый замок. Поворот ключа до упора. Один. Два. Щелчок. Звук сухой, правильный. Металл заходит в паз без сопротивления. Я вынимаю ключ, смотрю на него. Обычный английский замок.

Второй замок. Ригельный. Тяжелый ход. Три оборота. Раз. Два. Три. Мои плечи опускаются на полсантиметра. Гипертонус в трапецевидных мышцах немного спадает, но затылок все еще тяжелый, будто я полчаса держала голову над водой в ожидании свистка на старт.

Третий замок. Цепочка. Старое, надежное железо. Я накидываю ее на крюк.

Я отхожу от двери на три шага. Останавливаюсь. Смотрю на дверь. Закрыто? Да. Точно? Я возвращаюсь. Проверяю

каждый замок еще раз. Нажимаю на ручку. Дверь не шевелится. Хорошо. Повторяю процедуру в третий раз. Это мой ритм. Моя разминка перед тем, как войти в зону тишины. Только после третьего раза я позволяю себе снять кроссовки.

В квартире пахнет хлоркой и застоявшимся чаем. Я специально использую едкие чистящие средства. Запах чистоты для меня - это запах дезинфекции. Если пахнет хлоркой, значит, здесь нет места для микробов, случайных запахов чужой жизни или призраков. Я прохожу на кухню, не включая свет. Мне хватает тусклого сияния уличных фонарей, пробивающегося сквозь жалюзи. Полоски света ложатся на пол, превращая комнату в бассейн с дорожками. Я иду по центральной, стараясь не заступать за края.

Я кладу сумку на стол. В этой тишине звук падения ткани на дерево кажется оглушительным. Я замираю. Слух обострен до предела. Я слышу, как работает холодильник в соседней квартире. Слышу, как капает вода у соседей сверху. Слышу собственное дыхание - прерывистое, поверхностное. Нужно выровнять. Вдох на четыре счета, задержка на два, выдох на шесть. Моя грудная клетка расширяется, ребра давят на кожу. Я снова в строю.

Теперь - инвентаризация. Это самый важный этап. Если я смогу перечислить все, что у меня есть, если я смогу подтвердить наличие каждого предмета, значит, мир не развалился. Значит, та запись в архиве - это технический сбой, галлюцинация, что угодно, но не предсказание.

Я вытряхиваю содержимое сумки прямо на обеденный стол. Предметы разлетаются с сухим стуком. Я начинаю выстраивать их в идеальную линию.

Первое. Смартфон. Экран треснут в левом верхнем углу, старая травма, полученная при падении на кафель в раздевалке. Я провожу пальцем по трещине. Острая. Настоящая. Заряд батареи - сорок два процента. Статус: рабочий.

Второе. Кошелек. Черная кожа, потертая на углах. Внутри три купюры по тысяче рублей, одна пятисотка, мелочь. Карточки в своих слотах. Фотография мамы в прозрачном отделении. Она улыбается, и эта улыбка сейчас кажется мне издевкой. Ты всегда говорила, Кира, что главное - это внимательность. Ну и где была твоя внимательность сегодня? Я закрываю кошелек.

Третье. Пропуск в операторский центр. Моя фотография на пластике выглядит как посмертная маска. Лицо без эмоций, взгляд направлен в бесконечность. Оператор Кира Волкова. Номер 402. Статус: действующий.

Четвертое. Тюбик гигиенической помады. Почти пустой. Запах мяты.

Пятое. Смятый чек из аптеки. Куплен пластырь и антисептик неделю назад.

Шестое. Запасная резинка для волос. Черная, растянутая. Я медленно провожу рукой над столом, пересчитывая предметы снова. Чего-то не хватает. В груди начинает нарастать давление. Это не страх, это ощущение пустоты в легких,

когда ты не рассчитала дистанцию и до бортика еще три метра, а воздуха уже нет. Где он?

Мой брелок-свисток. Мой талисман, мой инструмент, мой личный "прерыватель реальности". Я помню, как сжимала его в архиве. Помню, как подносила его к губам. Я помню холод металла.

Я начинаю лихорадочно шарить по сумке, выворачивая подкладку. Пальцы натываются на что-то маленькое и твердое в самом углу, застрявшее в шве. Я вытягиваю его на свет.

Вот он. Серебряный свисток на короткой цепочке. Маленький, профессиональный, способный выдать сто двадцать децибел, от которых лопаются перепонки и затыкаются слишком умные нейросети. Я кладу его на стол, в самый центр моей импровизированной коллекции.

И тут я замираю. Мои мышцы каменеют. Я чувствую, как волосы на предплечьях встают дыбом. Это реакция тела на несоответствие. Мозг еще не обработал информацию, а тело уже подало сигнал тревоги.

Я беру свисток и подношу его к глазам. В свете фонаря на полированной поверхности серебра видна длинная, глубокая царапина. Она проходит по диагонали, от мундштука до самого основания. Свежая. Края царапины еще не затерлись, они блестят, обнажая чистый металл под слоем патины.

Этой царапины не было утром.

Я точно знаю это. Я проверяю свои вещи каждое утро перед сменой. Это часть моего протокола. Свисток был идеаль-

но гладким. Я чистила его вчера вечером салфеткой для очков. Я помню каждое движение. Я помню отражение своих глаз в его поверхности.

Я медленно сажусь на стул, не сводя взгляда с этой отметины. Откуда она? В архиве я просто дунула в него. Я не роняла его. Я не задевала им металлические стеллажи. Он был в моей руке, а потом я спрятала его в карман куртки, а из куртки переложила в сумку, когда мы бежали к выходу.

В голове всплывает голос с записи. Мой голос.

- Илья, посмотри на свисток. Видишь? Это случилось, когда мы пытались остановить время.

Меня пробирает озноб. Это не тот холод, который бывает от сквозняка. Это внутренний лед, который медленно ползет от позвоночника к конечностям. Я смотрю на свои руки. Они не дрожат. Хорошо. Ногти побелели, потому что я слишком сильно сжала кулаки.

Если предмет здесь, и на нем есть след, которого не было, значит, запись реальна. Значит, контроль - это иллюзия, которую я сама себе продавала все эти годы. Мои замки, мои протоколы, мои трижды проверенные двери - все это мусор. Это как пытаться остановить цунами детским ведерком.

Я встаю и начинаю ходить по кухне. Пять шагов до окна, разворот, пять шагов до двери. Короткая дистанция. В бассейне я могла плыть так часами. Поворот, толчок от бортика, скольжение. Здесь скользить не получается. Воздух стал слишком плотным. Он сопротивляется каждому моему дви-

жению.

Я думаю об Илье. Он сейчас, наверное, сидит в своей стерильной квартире, обложившись мониторами. Пытается найти логическую ошибку. Пытается доказать самому себе, что его "Феникс" просто заглохнул. Я слышала фальшь в его голосе, когда он прощался. Он не верит в глюк. Он напуган до смерти, потому что его религия - техническая объективность - предала его. Его голос на записи звучал так, будто он сломлен. Илья в будущем - это человек, который перестал бороться.

А я? Какая я там, через три недели?

Тот голос... он был спокойнее моего. В нем не было этого постоянного напряжения, этой готовности к рывку. Она - та я из будущего - звучала так, будто она уже проиграла все свои битвы и наконец-то расслабилась. И это пугает меня больше всего. Я боюсь, что та Кира мне нравится больше. У нее нет гипертонуса в плечах. У нее нет необходимости проверять замки трижды. Она просто знает, что произойдет.

Я возвращаюсь к столу. Царапина на свистке кажется мне теперь огромной пропастью. Если я признаю ее существование, я признаю, что время нелинейно. Что причины и следствия могут меняться местами. Что та секунда моей невнимательности в юности, когда я не услышала крик, была не случайностью, а частью какого-то чудовищного алгоритма.

Я помню тот день до секунды. Солнце, запах сосен, вкус дешевого лимонада. И крик. Я подумала, что это просто иг-

ра. Что девчонки дурачатся на пирсе. Я даже не повернула головы. Я продолжала считать гребки. Раз, два, три, вдох. Когда я наконец обернулась, на воде были только круги. И тишина. Такая тишина, от которой хочется содрать с себя кожу.

Вся моя жизнь после этого - это попытка услышать. Моя работа в МЧС, эти бесконечные смены на телефоне, когда я ловлю каждый вздох, каждую паузу в голосе звонящего. Я классифицирую угрозы по тембрам. Я знаю, как звучит настоящий ужас, и как звучит попытка манипуляции. Я - профессиональное ухо страны. И вот теперь я слышу саму себя. И я не знаю, что с этим делать.

Я беру телефон. Пальцы сами находят контакт Ильи. Я хочу нажать "вызов", но останавливаюсь. Что я ему скажу? "Илья, на моем свистке царапина, мир официально сошел с ума"? Он ответит мне техническим термином. Он скажет, что это микротрещина, возникшая из-за резонанса звуковых волн. Он найдет оправдание, потому что без оправданий он не сможет дышать.

Я кладу телефон обратно. Нет. Сначала я должна сама убедиться.

Я иду в ванную. Включаю свет. Резкое сияние люминесцентных ламп бьет по глазам. Я смотрю в зеркало. Бледная кожа, темные круги, губы сжаты в узкую линию. Типичный оператор после двойной смены. Я выгляжу как человек, который забыл, как это - просто быть. Я существую в режиме

ожидания инцидента.

Я включаю воду. Холодная. Я умываюсь, чувствуя, как капли стекают за шиворот. Это помогает. Вода - это моя стихия, даже если она из-под крана. Я закрываю глаза и представляю себе бассейн. Темная вода, освещенная только подводными прожекторами. Тишина, нарушаемая только всплесками. Там все было понятно. Есть дистанция, есть время, есть твои мышцы. Если ты работаешь правильно, ты побеждаешь. Если ты ошибаешься, ты проигрываешь. Никаких записей из будущего. Никаких царапин, возникающих из ниоткуда.

Я вытираю лицо жестким полотенцем. Кожу жжет. Хорошо.

Я возвращаюсь в комнату. Внимание фиксируется на ноутбуке, стоящем на подоконнике. Я не открывала его уже пару дней. В нем нет ничего, кроме рабочих инструкций и пары скачанных фильмов, которые я никогда не посмотрю. Но сейчас мне нужно кое-что другое.

Я открываю крышку. Экран загорается, заливая комнату мертвенным синим светом. Я захожу в личный архив записей. У нас, операторов, есть доступ к системе обучения - там хранятся тысячи звонков, на которых мы тренируемся. Я ищу свой профиль.

Зачем я это делаю? Я хочу сравнить частотные характеристики. Мой голос сегодня и мой голос на той записи. Илья сказал, что это невозможно подделать. Но Илья - человек, а

людям свойственно ошибаться. Особенно когда они напуганы.

Я нахожу свою вчерашнюю смену. Запись номер 892. Звонок от пожилой женщины, у которой заклинило замок в ванной. Мой голос: спокойный, методичный, немного сухой.

- Успокойтесь, мадам. Попробуйте нажать на ручку сильнее и одновременно толкнуть дверь плечом. Помощь уже в пути.

Я слушаю это и чувствую тошноту. В этом голосе нет жизни. Это функция. Это автомат, выдающий стандартные решения. А на той записи... там была женщина. Живая. Напуганная, но решительная. Там была я, которая наконец-то что-то почувствовала.

Я закрываю ноутбук. Хватит. Это путь к безумию.

Я ложусь на кровать, не раздеваясь. Покрывало колючее, но мне плевать. Я смотрю в потолок, где тени от жалюзи рисуют бесконечную решетку.

Статус: инцидент продолжается.

Угроза: потеря идентичности.

Действия: сохранять неподвижность до рассвета.

Мои мысли прерываются коротким вибросигналом телефона. Я вздрагиваю. Плечи мгновенно взлетают к ушам. Я тянусь к столу, рука нащупывает аппарат.

Сообщение от Ильи.

"Проверил логи доступа к серверу Феникса за последние три часа. Посторонних подключений не зафиксировано.

Сигнал шел изнутри системы. Кира, этого не может быть. Файл был создан в 21:15, но дата создания в метаданных - через три недели. Система считает, что это архивный файл, который уже был там. Я не могу это удалить. Он заблокирован на уровне ядра."

Я не отвечаю. Что тут отвечать? Мы оба знаем, что это значит. Мы в ловушке, которую еще не построили.

Я закрываю глаза и пытаюсь уснуть. Но сон не приходит. Вместо него приходят звуки. Я слышу, как в пустой кухне что-то тихо звякнуло. Как будто металл о дерево.

Я замираю. Дыхание остановлено. Сердце бьется медленно, тяжело, как весло в густой тине. Я прислушиваюсь. Тишина.

Я медленно встаю. Мои движения бесшумны, отточены годами тренировок. Я не включаю свет. Я иду к кухне, прижимаясь к стене. Мое тело - это натянутая струна. Если кто-то в квартире, я почувствую это по изменению плотности воздуха.

Я заглядываю в дверной проем. На столе все так же лежат мои вещи. Телефон Ильи светится на столе - пришло новое уведомление. Свет экрана падает прямо на серебряный свисток.

Мне кажется, или он сдвинулся?

Я подхожу ближе. Я помню, как выкладывала предметы в идеальную линию. Свисток лежал параллельно краю стола. Теперь он повернут под углом. Совсем немного, на пару гра-

дусов. Но для меня это все равно что землетрясение в десять баллов.

Я не трогаю его. Я просто смотрю. Рядом со свистком на поверхности стола я вижу крошечную кучку серой пыли. Металлическая стружка. Как будто кто-то только что закончил наносить ту самую царапину.

В этот момент телефон в моей руке взрывается звонком. Я едва не роняю его. Номер скрыт.

Я знаю, кто это. Я чувствую это всей кожей. Это не Илья. И это не рекламный спам.

Я нажимаю на кнопку приема и подношу телефон к уху. Я не говорю "алло". Я просто слушаю.

В трубке тишина. Глубокая, вакуумная тишина архива. А потом - шепот. Мой собственный голос, но на этот раз он звучит совсем близко, будто я сама шепчу себе в ухо:

- Кира, не проверяй замки. Это не поможет. Он уже внутри.

Я бросаю телефон на стол. Он падает рядом со свистком, разбрасывая металлическую стружку. Я пячусь назад, пока не упираюсь спиной в холодильник. Холодный металл вибрирует под моими лопатками.

- Кто "он"? - кричу я в пустоту кухни. Голос срывается, становится хриплым. - Кто внутри?

Ответа нет. Только гудение холодильника и мое собственное бешеное сердцебиение.

Я бросаюсь к входной двери. Проверяю замки. Один, два,

три. Цепочка на месте. Все закрыто. Никто не мог войти. Окна закрыты, я на четвертом этаже.

Я возвращаюсь на кухню, хватаю свисток. Он теплый. Не холодный, каким должен быть металл, лежащий в прохладной комнате, а теплый, как будто его только что держали в руке.

Я сжимаю его так сильно, что царапина впивается в кожу. Боль отрезвляет.

- Ладно, - говорю я вслух. - Ладно. Ты хочешь поиграть?

Я иду к окну и рывком открываю жалюзи. Улица пуста. Фонари заливают асфальт лимонным светом. Никого. Ни одной машины, ни одного случайного прохожего. Город вымер.

И тут я вижу его. На другой стороне улицы, прямо под фонарем, стоит человек. Он одет в длинный темный плащ, капюшон накинут на голову. Он не двигается. Он просто смотрит на мои окна.

Мой внутренний оператор мгновенно включает протокол идентификации. Рост - около ста восьмидесяти. Телосложение - плотное. Угроза - максимальная.

Я хватаю телефон и набираю Илью. Он берет трубку на первом же гудке.

- Кира? Что случилось?

- Илья, он здесь. Под моими окнами.

- Кто? - его голос звучит испуганно.

- Я не знаю. Тот, кто записал нас. Тот, кто царапает мои вещи. Илья, слушай меня внимательно. Забудь про логи. За-

будь про Феникса. Мне нужно, чтобы ты приехал. Сейчас же.

- Кира, я... я не могу. У меня дверь заблокирована.

Я замираю.

- Что значит "заблокирована"?

- Так же, как в архиве. Система безопасности сработала сама. Я заперт в собственной квартире. И, Кира... - его голос срывается на шепот. - В моей гостиной только что включился телевизор. Там идет запись. Нас с тобой. В архиве. Но мы на ней не одни.

Я чувствую, как плотность воздуха достигает критической отметки. Мне нечем дышать.

- Кто там с нами, Илья?

- Я не вижу его лица. Он стоит в тени. Но он держит... он держит твой свисток, Кира. И он наносит на него царапину.

Я смотрю на свисток в своей руке. Тепло от него становится обжигающим.

В этот момент человек под моим окном медленно поднимает голову. Под капюшоном нет лица. Там только тьма, густая и шевелящаяся, как мазут. И в этой тьме загораются два два маленьких огонька - индикаторы работающей камеры.

Я отпрыгиваю от окна, задергивая жалюзи.

- Илья, уходи от телевизора! Слышишь? Не смотри на него!

- Поздно, - говорит он, и его голос звучит так, будто он уже далеко, на другом конце бесконечного тоннеля. - Он смотрит на меня. Кира, он говорит, что время вышло.

Связь обрывается. В трубке - только длинный, монотонный гудок, похожий на сигнал об остановке сердца.

Я стою посреди кухни. В одной руке - телефон, в другой - теплый, исцарапанный свисток. Мой дом больше не крепость. Мои замки - это просто куски железа, которые никого не остановят.

Я чувствую, как в плечах нарастает напряжение. Это сигнал. Мое тело готово к рывку. Больше не будет никаких протоколов. Больше не будет ожидания.

Я подношу свисток к губам.

Если он хочет зафиксировать мою смерть в настоящем, чтобы я жила в будущем, ему придется сначала поймать меня. А я плаваю быстрее всех в этом проклятом городе.

Я дую в свисток. На этот раз звук получается еще более резким, более яростным. Он вибрирует в моих костях, он разрывает тишину квартиры, он выплескивается на улицу, разбивая стекла фонарей.

Я не буду ждать, когда он поднимется.

Я иду к двери. Мои пальцы касаются замков. Один. Два. Три. Я открываю их один за другим. Медленно. Уверенно.

Я распахиваю дверь в темный коридор подъезда.

- Я здесь! - кричу я в пустоту. - Записывай это!

Тишина в ответ кажется плотной, как вода. Но я знаю, как в ней двигаться. Я делаю первый шаг за порог.

Моя мышечная память подсказывает: сейчас будет старт. Главное - не дышать, пока не пройдешь первые пять метров.

Я выхожу в темноту, сжимая свисток в кулаке. Царапина на нем греет мне ладонь, как метка. Метка того, что будущее уже наступило, и в нем я все еще жива. А значит, у меня есть шанс.

Я слышу тяжелые шаги на лестнице. Раз, два, три. Ритмично. Неотвратимо.

Я улыбаюсь. Это не ирония. Это оскал пловца, который видит перед собой финишную ленту.

- Статус: контакт, - шепчу я. - Угроза: нейтрализована моим присутствием.

Я начинаю спускаться вниз, навстречу шагам. Воздух вокруг меня закипает. Я готова к заплыву. Даже если этот бассейн наполнен не водой, а чистым, концентрированным временем.

Я слышу, как Илья в моей голове кричит: "Беги!". Но я не бегу. Я атакую.

Потому что единственный способ победить запись - это стать тем, кто ее делает.

Я делаю еще шаг. Тень внизу лестничного пролета начинает оформляться. Я вижу край темного плаща. Вижу блеск объектива.

Я снова подношу свисток к губам.

Это будет самый громкий звук в его жизни. И самый последний в моей нынешней реальности.

Я вдыхаю полной грудью. Легкие расширяются до предела. Весь мой страх, вся моя ярость, вся моя вина за тот не

услышанный крик из прошлого - все это сейчас превратится в чистую акустическую энергию.

Я дую.

Звук не просто разрывает тишину. Он разрывает саму ткань пространства. Я вижу, как стены подъезда начинают дрожать и расплываться, превращаясь в цифровой шум. Мир вокруг меня превращается в пиксели, в нули и единицы.

И в центре этого распадающегося мира стою я.

Я вижу лицо человека под капюшоном. На долю секунды, прежде чем все окончательно превратится в белый шум, я вижу его.

Это не монстр. И не киборг.

Это Илья. Только постаревший на двадцать лет, с лицом, изрезанным шрамами, и глазами, в которых нет ничего, кроме бесконечной, выжигающей боли.

- Прости, Кира, - говорит он, и его голос звучит одновременно из прошлого, настоящего и будущего. - Но запись должна быть завершена.

А потом наступает абсолютная, оглушительная тишина.

Я чувствую, как мои ноги отрываются от земли. Я больше не в подъезде. Я не в квартире. Я нигде.

Я просто плыву. В пустоте. Без воздуха. Без направления.

Только звук свистка все еще пульсирует в моих висках. Один. Два. Три.

Статус: переход завершен.

Угроза: неопределена.

Местоположение: три недели спустя.

Я открываю глаза.

Я лежу на холодном кафельном полу. Вокруг пахнет хлоркой. Я слышу плеск воды.

Я в бассейне. В нашем старом городском бассейне, который закрыли пять лет назад.

Я поднимаю руку. В моей ладони - серебряный свисток. Царапина на нем исчезла. Он идеально гладкий.

Я слышу крик. С пирса.

- Помогите! Кто-нибудь!

Я вскакиваю. Плечи мгновенно расправляются. Мышцы готовы.

Это не будущее. Это мое прошлое. Тот самый день. Та самая секунда.

- Я слышу! - кричу я, и мой голос звучит над водой, чистый и сильный. - Я иду!

ГЛАВА 5: ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Хлорный туман в легких сменяется сухим, пыльным запахом бетонного подземелья. Я открываю глаза и не вижу воды. Передо мной - руль моей старой Тойоты, обтянутый потертой кожей, и лобовое стекло, покрытое тонким слоем городской копоти. Мои пальцы так сильно сжимают обод, что суставы побелели и превратились в ровный ряд острых косточек. Статус: дезориентация. Угроза: низкая. Местоположение: парковка торгового центра Гранд Плаза, уровень минус два.

Я не в бассейне. Я не спасаю того, кто уже мертв десять лет. Это был не прыжок в прошлое, а просто короткое замыкание в мозгу, вызванное записью. Мой внутренний регистратор фиксирует время: 23:42. Я просидела в этой тишине около пяти минут после того, как голос на пленке замолк. Мой собственный голос, который звучал так, будто он прошел через мясорубку времени и вернулся ко мне в виде фарша.

Я заставляю себя разжать пальцы. Боль в кистях - это хорошо. Боль - это сигнал системы о том, что она все еще функционирует в реальном мире. Я делаю глубокий вдох, задерживаю дыхание на восемь секунд, как перед стартом на стометровке баттерфляем. Воздух здесь тяжелый, пропитанный выхлопными газами и запахом дешевого освежителя, кото-

рый капает из вентиляционных труб. Плотность среды - высокая. Почти как в воде, только вместо сопротивления волн я чувствую сопротивление реальности.

Илья сидит на пассажирском сиденье. Я почти забыла о его присутствии, пока он не пошевелился. Он не смотрит на меня. Его взгляд прикован к экрану ноутбука, который покоится на его коленях. Синее свечение монитора делает его лицо похожим на посмертную маску, высеченную из холодного кварца. Он молчит уже долго, и это молчание кажется мне более опасным, чем любой крик. В его мире, где все подчинено логике кода и чистоте сигнала, то, что мы только что услышали, - это системная ошибка, требующая немедленного удаления.

- Ты слышала это, - говорит он наконец. Это не вопрос. Это констатация сбоя. Его голос лишен эмоций, он сух, как треск ломающейся ветки. - Ты слышала себя.

- Я слышала помехи, Илья. И голос, который использует мой речевой паттерн. Это может быть дипфейк. Технология синтеза речи сейчас позволяет имитировать даже одышку.

Я лгу. Я чувствую, как ложь оседает в горле комом слизи. Я узнаю свои интонации так же безошибочно, как узнаю ритм собственного сердца в стетоскопе. Тот голос на записи - это я. Но та я, которая уже перешагнула через что-то страшное. В ее голосе не было страха, там была только сухая исполнительность оператора, фиксирующего агонию.

- Дипфейк не берет данные из будущего, Кира, - Илья за-

крывает ноутбук. Щелчок крышки звучит как выстрел в закрытом пространстве парковки. - И дипфейк не знает, что через три недели в секторе Б-4 произойдет инцидент.

- Мы здесь, - я киваю на бетонную колонну с трафаретной буквой Б. - Сектор Б. Посмотри вокруг. Здесь пусто. Никакого инцидента. Никакой крови. Просто парковка.

Я выхожу из машины. Мои ноги кажутся тяжелыми, словно на щиколотках закреплены свинцовые грузы для тренировок в глубокой воде. Гипертонус мышц бедер мешает плавной походке. Я иду по бетону, и звук моих шагов разносится под низким потолком, отражаясь от стен и возвращаясь ко мне с небольшой задержкой. Эхо. Еще один способ обмануть восприятие.

Парковка залита ядовито-желтым светом люминесцентных ламп. Некоторые из них мигают, издавая едва слышный высокочастотный писк. Для обычного человека это тишина, но для меня это какофония. Я слышу, как гудит трансформатор в пятидесяти метрах за моей спиной. Слышу, как в трубах наверху течет вода. Слышу, как Илья выходит из машины, и его ботинки на жесткой подошве вгрызаются в бетон.

- Дистанция до ближайшего выхода - пятьдесят метров, - произношу я вслух, классифицируя пространство по привычке. - Время бега в полной экипировке - около семи-восьми секунд. Зон прямой видимости - три. Укрытия - бетонные колонны толщиной в шестьдесят сантиметров. Сектор Б-4 находится в слепой зоне для камер наблюдения. Видишь?

Я указываю на купольную камеру, которая застыла в тридцати метрах от нас. Ее объектив направлен в сторону центрального проезда, но угол разворота не позволяет ей захватить пространство за колонной Б-4. Тот, кто выбирал это место на записи, знал протоколы безопасности торгового центра. Или он сам их создавал.

Илья подходит ко мне. Он держится на расстоянии вытянутой руки. Его личное пространство - это крепость с колючей проволокой. Он не из тех, кто кладет руку на плечо, чтобы успокоить. Он из тех, кто проверяет твой пульс, чтобы понять, врешь ты или нет.

- Запись датирована двенадцатым числом следующего месяца, - говорит он, глядя на пустой прямоугольник парковочного места. - Сегодня двадцать второе. У нас есть три недели до того, как этот звук станет реальностью.

- Или не станет, - я перебиваю его. - Будущее - это не рельсы. Это вода. Ты можешь плыть по течению, а можешь сменить вектор. Если мы знаем, что здесь что-то произойдет, мы просто не придем сюда. Инцидент отменен. Статус: нейтрализовано.

- Ты сама в это веришь? - Илья усмехается. Его ирония всегда направлена в самую слабую точку. - Ты работаешь в службе экстренной помощи. Ты знаешь, что если звонок поступил, значит, событие уже встроено в систему. Ты не можешь просто выдернуть шнур.

Я игнорирую его слова. Я начинаю обходить сектор Б-4 по

периметру. Мой взгляд сканирует пол. Я ищу зацепки, микрочастицы, хоть что-то, что выбивается из стерильной пустоты ночной парковки. Бетон здесь чище, чем в остальных местах. Видимо, уборщики проходят здесь чаще, или же здесь просто редко ставят машины.

И вдруг я останавливаюсь. Мое тело реагирует быстрее, чем мозг успевает обработать картинку. Резкий спазм в диафрагме, задержка дыхания. Плотность воздуха вокруг меня мгновенно возрастает.

- Илья, - зову я. Мой голос звучит тихо, но в нем прорезается та самая сталь, которую я слышала на записи.

Он подходит и замирает рядом.

На светлом асфальте, прямо посреди сектора Б-4, виднеется след от торможения. Две параллельные черные полосы жженой резины. Они начинаются из ниоткуда и обрываются так же внезапно, словно машина материализовалась здесь на полной скорости и тут же исчезла. Но не это заставляет мои волосы на затылке зашевелиться.

След выглядит абсолютно свежим.

Я опускаюсь на корточки. Физиологическая память подсказывает: когда резина горит на бетоне, остается специфический запах. Я наклоняюсь ниже. Да. Тяжелый, едкий аромат горелого каучука. Он еще не успел выветриться. Он висит в воздухе невидимым облаком.

- Этого не может быть, - Илья тоже приседает рядом. Он протягивает руку и касается пальцем черной полосы. - Тем-

пература покрытия в этом месте на три градуса выше, чем в десяти сантиметрах правее. След свежий. Ему не больше пяти минут.

- Но мы были здесь, - я оглядываюсь на свою машину, стоящую в двадцати метрах. - Мы сидели в машине. Мы бы услышали визг тормозов. Мы бы увидели свет фар. Здесь не было никого, Илья. Никого.

Я провожу ладонью по следу. На коже остается серая пыль. Мои мышцы плечевого пояса каменеют. Это физическое ощущение угрозы, которое никогда меня не обманывало. Когда я была подростком и стояла на вышке перед прыжком, я чувствовала это же самое - когда пространство вокруг тебя сжимается, превращаясь в узкий коридор, в конце которого только неизбежность.

- Мы слышали это на записи, - шепчет Илья. Его голос наконец-то дает трещину. В нем больше нет цинизма, только голый, неприкрытый ужас инженера, столкнувшегося с нарушением законов термодинамики. - Визг шин. Тот самый звук, который шел фоном перед тем, как ты... или та ты... начала говорить.

Я встаю. Колени хрустят. Тишина парковки теперь кажется мне обманом. Она не пустая. Она заполнена призраками событий, которые еще не произошли, но уже оставили свои отпечатки. Это как смотреть на звезды: мы видим свет, который был испущен миллионы лет назад, но здесь все наоборот. Мы видим след машины, которая приедет сюда через

три недели.

- Это не баг, Илья, - я смотрю на него сверху вниз. - Это не ошибка в коде. Это наложение слоев. Время здесь произошло, как старый гидрокостюм.

- Время не может прохудиться, Кира. Время - это константа. Это... - он запинается, подыскивая слова, и я вижу, как он злится на собственное бессилие. - Это физически невозможно. Если это след из будущего, значит, причинно-следственная связь нарушена. Значит, следствие произошло раньше причины.

- Добро пожаловать в мой мир, - я криво усмехаюсь. - В моем мире причина часто не имеет значения, когда у тебя на руках труп. Важна только фиксация инцидента. Статус: аномалия. Угроза: критическая.

Я начинаю мерить сектор шагами. Один, два, три... Пятнадцать шагов в длину. Стандартное парковочное место. Но для меня это бассейн, в котором я не вижу дна. Я чувствую, как страх пытается пробраться под кожу, но я привычно топлю его в микродействиях. Я достаю телефон и начинаю фотографировать след. С разных ракурсов. Со вспышкой и без. Я фиксирую каждую деталь, каждую ворсинку резины, вплавленную в бетон. Если я превращу это в набор данных, в отчет, мне станет легче. Инструкция заменяет чувства. Это мой ритуал.

- Нам нужно уходить, - говорит Илья. Он уже стоит у машины, его рука на ручке двери. Он хочет сбежать обратно

в свой мир серверов и понятных алгоритмов. - Мы получили подтверждение. Запись реальна. Локация совпадает. Время... время - это то, с чем нам придется разобраться.

Я не двигаюсь. Я смотрю на колонну Б-4. На ней висит небольшое объявление: - Просьба не оставлять ценные вещи в автомобилях. Администрация не несет ответственности. - Иронично. Будущее - это самая ценная вещь, которую у нас пытаются украсть, и администрация реальности явно умыла руки.

- Подожди, - я прислушиваюсь.

- Что еще? - Илья нервно дергает ручку двери.

- Тишина изменилась.

Я слышу это не ушами, а всем телом. Как пловчиха чувствует приближение другой рыбы в воде по вибрации среды. Звук работающего трансформатора стал глуше. Писк ламп исчез. Воздух стал еще плотнее, почти осязаемым. Он давит на барабанные перепонки.

И тут из глубины парковки, из сектора Г, доносится звук. Это не визг шин. Это шаги. Тяжелые, размеренные шаги человека, который не пытается скрываться. Щелк. Щелк. Щелк. Металлические набойки на каблуках бьют по бетону.

Я мгновенно ухожу в тень за колонну Б-3. Мышцы реагируют на адреналин полной неподвижностью перед рывком. Я хватаю Илью за рукав куртки и дергаю на себя. Он спотыкается, хочет что-то сказать, но я прижимаю палец к губам. Мой взгляд фиксирует его зрачки - они расширены. Он на-

пуган. Его техническая броня дала течь.

Шаги приближаются. Они звучат странно. В них нет ритма живого человека. Слишком ровные паузы между ударами. Слишком механическая точность. Так ходит метроном или человек, который выполняет заученную программу.

Из-за поворота появляется фигура. Она одета в длинный серый плащ, который в желтом свете ламп кажется почти золотым. Лицо скрыто под капюшоном, но дело не в этом. Фигура движется странно. Она словно мерцает. Ее контуры размываются, как будто изображение на старом телевизоре идет с помехами. На секунду мне кажется, что я вижу сквозь нее бетонную стену, а в следующий миг она снова становится плотной и реальной.

Фигура останавливается прямо у следов торможения в секторе Б-4.

Я перестаю дышать. Моя задержка - минута сорок секунд в состоянии покоя. Сейчас я продержусь меньше, сердце колотится о ребра, как пойманная птица. Но я не выдам себя ни одним движением. Я - часть этой тени. Я - вода, застывшая в ожидании.

Человек в плаще наклоняется над черными полосами на полу. Его движения плавные, текучие. Он протягивает руку - длинную, бледную, с тонкими пальцами - и касается бетона точно там же, где минуту назад его касался Илья.

И в этот момент парковка наполняется звуком. Но это звук не из этого мира. Это шепот. Тысячи голосов, сливаю-

щихся в единый гул. Я узнаю свой голос среди них. И голос Ильи. И голоса сотен людей, чьи звонки я принимала за годы работы. Это архив боли, спрессованный в одну секунду.

Илья не выдерживает. Он вскрикивает - негромко, но в этой гулкой тишине звук разлетается, как разбитое зеркало.

Фигура в капюшоне резко поворачивает голову в нашу сторону.

Я вижу его лицо. Или то, что должно быть лицом. Там нет черт. Там только гладкая, матовая поверхность, похожая на экран выключенного смартфона. В нем отражается желтый свет ламп и наши застывшие фигуры в тени колонны.

Статус: контакт. Угроза: за пределами понимания.

Фигура делает шаг к нам. Один. Второй. С каждым ее движением свет ламп над нами гаснет. Темнота пожирает пространство, следуя за этим существом. Оно не идет, оно переписывает реальность под себя, стирая свет и звук.

- В машину! - шепчу я Илье. - Живо!

Я не жду его реакции. Я толкаю его к водительской двери, сама оббегаю машину. Мои движения отточены до автоматизма. Прыжок, рука на ручке, тело влетает в кресло. Ключ в замке зажигания. Двигатель Тойоты взрывается рычанием, которое кажется мне сейчас самым прекрасным звуком во вселенной. Это голос железа, понятный и предсказуемый.

Я втыкаю заднюю передачу. Шины визжат, вгрызаясь в бетон - точно так же, как на той записи. Я чувствую этот звук позвоночником. Мы сами создаем этот след прямо сейчас.

Или мы повторяем то, что уже было записано.

Фигура стоит уже в пяти метрах от капота. В свете моих фар ее плащ кажется сделанным из жидкого серебра. Она поднимает руку, словно хочет нас остановить. В ее жесте нет агрессии, только какая-то бесконечная, вековая усталость.

Я бью по педали газа. Машина срывается с места. Я не смотрю в зеркало заднего вида. Я смотрю только вперед, туда, где за бетонными колоннами виднеется подъем на первый уровень.

- Что это было? - Илья сидит, вжавшись в сиденье. Его руки дрожат так сильно, что он не может попасть пальцем по кнопке блокировки дверей. - Кира, что это было?!

- Это был свидетель, - бросаю я, выкручивая руль. Мы вылетаем на рампу. Свет уличных фонарей впереди кажется ослепительным. - Или виновник. Статус: уклонение от столкновения.

Мы вырываемся из подземелья на ночную улицу. Холодный воздух врывается в приоткрытое окно, вымывая запах паленой резины и мертвой тишины. Я гоню машину по проспекту, не разбирая дороги. Мне нужно пространство. Мне нужна дистанция между нами и тем сектором Б-4.

Через десять минут я паркуюсь в тихом переулке за заправкой. Двигатель остывает с характерным потрескиванием. Илья закрывает лицо руками. Его дыхание прерывистое, с хрипами в конце каждого выдоха. У него начинается паническая атака.

Я не трогаю его. Я знаю, что сейчас слова бесполезны. Я достаю из бардачка бутылку воды и протягиваю ему. Он берет ее, и я слышу, как его зубы стучат о пластиковое горлышко.

- Это не был человек, - говорит он, немного придя в себя. - У него не было лица. У него... Кира, у него не было теплового следа. Когда он шел, датчики моего ноутбука, которые были включены, не зафиксировали изменения температуры. Это была проекция. Но проекция, которая могла касаться бетона.

- Она не просто касалась бетона, Илья. Она слушала его. Она искала нас.

Я смотрю на свои руки. На ладони осталась серая пыль от следа торможения. Я медленно растираю ее пальцами. Она кажется живой. Она вибрирует.

- Ты понимаешь, что мы только что сделали? - Илья поворачивается ко мне. Его взгляд стал острым, как скальпель. - Мы создали тот самый след. Визг шин, который мы слышали на записи... это были мы. Мы поехали туда, потому что слышали запись, и своим присутствием там создали звуковой фон для этой самой записи. Это временная петля.

- Замкнутый цикл, - киваю я. - Инцидент неизбежен, потому что попытка его избежать является его частью.

Я чувствую странное удовлетворение. Мой внутренний критик, этот голос старшего смены, довольно замолкает. Логика восстановлена. Пусть она безумна, но она последова-

тельна. Мы - актеры в пьесе, сценарий которой уже написан. И моя роль - быть тем самым оператором, который зафиксирует финал.

- Нет, - Илья бьет кулаком по торпеде. - Я не приму это. Это поражение. Ты рассуждаешь как диспетчер, который просто записывает время смерти. Но я инженер. Если система зациклилась, значит, в ней есть баг. И этот баг можно исправить. Тот человек в плаще... или что это было... он не просто так там стоял. Он что-то оставил.

Илья тянется к своему ноутбуку и открывает его. Экран оживает. Он быстро стучит по клавишам, вводя какие-то команды. Его лицо снова становится холодным и сосредоточенным. Он нашел свою точку опоры - цифры.

- Я успел запустить сканирование эфира, когда мы были там, - бормочет он. - Широкополосный захват. Если это существо - проекция, оно должно использовать какой-то протокол передачи данных. Ничто не возникает из ничего.

Я смотрю на него и чувствую, как во мне растет искушение. Искушение довериться его алгоритму. Отдать ему штурвал и просто плыть рядом. Он ищет баг, а я ищу спасение. Но в глубине души я знаю: вода всегда побеждает. Она найдет щель в любой броне. Она заполнит любые легкие.

- Смотри, - Илья разворачивает монитор ко мне.

На экране - ломаная линия графика. Она ровная, почти плоская, но в одном месте она взрывается частотным острым пиком.

- Это момент, когда оно коснулось пола, - Илья указывает на пики. - Это не радиоволны. Это звуковые колебания на частотах, которые человеческое ухо не воспринимает. Ультразвуковой код.

- И что там? - я наклоняюсь ближе. Плотность воздуха в машине снова начинает расти.

- Я сейчас пропущу это через фильтр и замедлю.

Он нажимает клавишу. Из динамиков ноутбука доносится странный, чавкающий звук. Он напоминает плеск воды в закрытом резервуаре. Один. Два. Три.

А потом сквозь этот шум прорывается голос.

Это не мой голос. И не голос Ильи.

Это голос моей сестры. Голос девочки, которая утонула десять лет назад, потому что я решила, что ее крик - это просто шутка.

- Кира, - шепчет голос из ноутбука. - Холодно. Здесь очень холодно. Не приходи в Б-4. Пожалуйста.

Я чувствую, как мои мышцы превращаются в лед. Мышечная память срабатывает мгновенно: я чувствую тяжесть мокрого купальника, соленый вкус воды во рту и тот самый ужас, который я похоронила под слоями профессиональной отстраненности.

- Выключи это, - мой голос звучит чужой, надтреснутый.

- Кира, это... - Илья смотрит на меня с ужасом и жалостью. Это сочетание для меня невыносимо. Я ненавижу, когда меня жалеют. Жалость - это признание поражения.

- Выключи! - я почти кричу.

Он захлопывает ноутбук. Тишина в машине становится оглушительной. Я слышу, как тикают мои часы на запястье. Секунда за секундой. Мы не просто в петле времени. Мы в ловушке личного ада.

- Она умерла, Илья, - я говорю это медленно, вколачивая каждое слово в пространство между нами. - Я видела ее тело. Я опознавала ее. Ее нет. Это не может быть она.

- Но это ее голос. Ты сама это чувствуешь. Твое тело на него реагирует.

Я смотрю на свои руки. Они не дрожат. Они абсолютно неподвижны, как у хищника перед броском. Но внутри меня все кричит. Каждая клетка моего тела, которая помнит ту воду, сейчас пульсирует в ритме этого шепота.

- Это ловушка, - я возвращаю себе контроль. Классификация: психологическая атака. Цель: дестабилизация объекта. Статус: под угрозой. - Тот, кто прислал эти записи, знает мою историю. Он использует мои травмы как рычаг. Это манипуляция.

- Или это предупреждение, - Илья качает головой. - Если твоя сестра... или то, что осталось от ее голоса в информационном поле... просит тебя не приходить, значит, двенадцатого числа здесь произойдет что-то пострашнее обычного инцидента.

Я смотрю в лобовое стекло. Ночной город кажется мне декорацией, нарисованной на старом холсте. За этим холстом

скрывается пустота, в которой бродят существа без лиц и звучат голоса мертвых детей.

- Мы поедem к тебе, - говорю я, заводя мотор. - Мне плевать на твои границы и твое личное пространство. Ты будешь копать этот код, пока не найдешь источник. А я... я буду слушать.

- Слушать что?

- Тишину, Илья. Теперь я знаю, как она звучит перед тем, как все закончится.

Я выезжаю с заправки. Мои плечи расправлены, взгляд сфокусирован на дистанции в сто метров впереди. Я не спасатель. Я не героиня. Я просто оператор, который получил вызов и не может его сбросить.

В моем кармане вибрирует телефон. Я знаю, что это не обычное сообщение. Я чувствую это по ритму вибрации - три коротких, три длинных, три коротких. SOS. Сигнал бедствия из будущего, которое уже здесь.

Я не достаю телефон. Я просто крепче сжимаю руль.

Дистанция до цели - двадцать один день.

Плотность среды - максимальная.

Дыхание - задержано.

Старт.

ГЛАВА 6: ТЕНЬ ИЛЬИ

Бетонный массив парковки торгового центра - это идеальный резонатор. Здесь каждый звук множится, дробится о низкий потолок и возвращается к тебе в искаженном виде. Я стою у своей машины, рука замерла на дверной ручке. Металл холодный, почти ледяной, хотя на улице еще держится вечернее тепло. Воздух здесь имеет свою плотность, отличную от уличной. Он тяжелый, пропитанный запахом старой резины, выхлопных газов и какой-то химической лимонной отдушки, которой пытались замаскировать сырость. Я чувствую это кожей, как чувствую воду перед прыжком с тумбы. Сопротивление среды.

Мои плечи автоматически каменеют. Дельтовидные мышцы натягиваются, создавая защитный каркас вокруг шеи. Это старая привычка оператора 112: когда ситуация переходит из разряда штатной в инцидент, тело должно стать монолитом. Никаких лишних движений. Дыхание переходит в экономный режим. Вдох на четыре счета, задержка, выдох на шесть. Кислород должен расходоваться рационально, когда мозг начинает обсчитывать траектории.

Я слышу его раньше, чем вижу. Шаги. Ритмичный стук подошв о шлифованный бетон. Звук сухой, уверенный. Человек не прячется, но и не спешит. Дистанция - метров пятнадцать. Направление - сектор Б-4, за моей спиной, чуть ле-

вее. Тень от колонны начинает удлиняться, ломаясь на стыках плит.

- Ты долго будешь стоять в этой позе, Кира? - Голос Ильи звучит без привычных помех телефонной линии. Он здесь, в реальности, и от этого его тембр кажется еще более жестким. В нем нет ни капли сочувствия, только сухой аналитический интерес.

Я не оборачиваюсь сразу. Сначала я фиксирую статус. Объект: Илья. Состояние: агрессивное. Угроза: неопределенная.

Я медленно поворачиваю голову. Он стоит в пяти метрах, прислонившись к серой колонне с намалеванной цифрой четыре. На нем та же темная куртка, руки в карманах. Свет люминесцентных ламп над ним мигает с частотой примерно тридцать герц. Это раздражает сетчатку, но я не моргаю.

- Ты следил за мной от самого дома, - я констатирую факт, а не задаю вопрос. В моем голосе нет возмущения. Только протокольная точность. - Использование ресурсов слежки без санкции. Нарушение дистанции.

Илья усмехается. Улыбка не затрагивает его глаз. Его взгляд - это сканирующий луч, который ищет битые пиксели в моем поведении. Он смотрит на мою правую руку, которая все еще сжимает ручку двери.

- Оставь протоколы для стажеров, - он делает шаг вперед. - Давай поговорим о том, зачем ты пыталась стереть логи доступа в облачное хранилище десять минут назад. Прямо

из машины. Через публичный вай-фай заправки. Это было... непрофессионально. Даже для тебя.

Я чувствую, как в области солнечного сплетения начинает ворочаться холодный комок. Он видел. Он мониторил мою активность в реальном времени. Моя попытка почистить хвосты была импульсивным жестом, секундной слабостью человека, который хочет верить, что цифровой след можно смыть, как грязь с ладоней. Но в мире Ильи грязи не существует. Есть только данные.

- Я ничего не стирала, - говорю я, глядя ему прямо в переносицу. - Я проверяла целостность архива.

- Врешь, - он говорит это легко, почти небрежно. - Твой пульс сейчас в районе ста десяти ударов в минуту. У тебя расширены зрачки, хотя свет здесь бьет прямо в лицо. И ты задержала дыхание на вдохе. Классика. Ты пытаешься уничтожить улики, Кира. Что там было? Еще одно сообщение от тебя из будущего? Или, может быть, ты сама записываешь эти файлы, чтобы свести меня с ума?

Он подходит ближе. Теперь между нами метра полтора. Моя зона комфорта давно пробита. Я чувствую запах его парфюма - что-то древесное, смешанное с запахом перегретого железа и кофе. Это запах человека, который живет в серверных и не верит в существование души, если ее нельзя оцифровать.

- Ты считаешь, что я способна на такую сложную мистификацию? - Я приподнимаю бровь. Ирония - мой единствен-

ный доступный инструмент защиты. - Создать нейросетевой слепок своего голоса, взломать защищенные каналы 112, подделать метаданные сервера времени? И все это ради чего? Чтобы посмотреть, как ты будешь морщить лоб над кодом?

- Ради контроля, - Илья делает еще полшага. - Люди делают безумные вещи, когда теряют контроль. Твоя жизнь - это сплошной ритуал. Ты выстраиваешь обувь по линейке, ты перепроверяешь замки по три раза, ты работаешь в службе, где каждый вздох фиксируется таймером. Тебе страшно, что мир хаотичен. И ты создала этот баг, чтобы почувствовать себя важной. Главной героиней в триллере про временную петлю.

Его слова бьют в цель, но я не позволяю мышцам лица дрогнуть. Это его метод - вскрывать человека, искать уязвимость в логике. Он вырос в семье, где звук был оружием. Его отец симулировал приступы, чтобы управлять окружающими. Илья научился не верить звуку. Для него мой голос - это просто набор частот, которые можно деформировать.

- Мой контроль закончился в тот момент, когда я услышала тебя на записи, - я понижаю голос до шепота. - Помнишь, что ты там говорил? Ты просил меня уйти. Ты звучал так, будто у тебя в горле битое стекло. Ты тоже это подделал?

Илья на мгновение замолкает. Его лицо становится неподвижной маской. Я вижу, как на его шее пульсирует вена. Его паузы - это не раздумья. Это работа процессора. Он пе-

ребирает варианты. Он не может простить технике то, что она выдала результат, который не вписывается в его картину мира.

- Та запись - мусор, - наконец говорит он. - Ошибка компиляции. Глюк в ядре системы. Я найду, откуда пришел сигнал, и когда я это сделаю, ты окажешься либо в тюрьме за фальсификацию, либо в психиатрической клинике.

- А если нет? - Я делаю шаг навстречу, сокращая дистанцию до минимума. Теперь я вижу мелкие морщинки в углах его глаз. - Если через двадцать один день мы действительно окажемся в той точке? Ты же чувствуешь это, Илья. Ты чувствуешь, как воздух становится плотнее. Как вода заполняет легкие. Ты не веришь мне, но ты веришь своим логам. И логи говорят тебе, что звонок пришел из системы. Изнутри.

Я вижу, как его пальцы в карманах куртки сжимаются в кулаки. Он злится. Злость - это хорошо. Злость - это реакция живого организма на угрозу, которую нельзя игнорировать.

В моей голове всплывает воспоминание. Мне семнадцать лет. Бассейн СКА. Финальный заплыв на четыреста метров. Я иду второй. Вода кажется густой, как сироп. Я слышу крик с трибун, но не могу разобрать слов. Мне кажется, что это просто шум, подбадривание. Я касаюсь бортика и вижу, что на трибунах паника. Кто-то упал. Кто-то кричал о помощи, а я просто считала гребки. Я неверно оценила сигнал. Я приняла реальную смерть за фоновый шум.

Эта ошибка выжжена на моей подкорке. С тех пор я не

пропускаю ни одного звука. Я классифицирую каждый шорох. И сейчас голос Ильи звучит для меня как сигнал тревоги, который он сам отчаянно пытается заглушить.

- Ты хочешь, чтобы я тебе подчинилась? - Я смотрю ему в глаза. - Чтобы я отдала тебе все записи и ушла в тень? Не получится. Мы связаны этим багом, как сиамские близнецы. Ты - мой единственный шанс понять, что происходит, а я - твой единственный свидетель.

- Свидетель чего? Твоего безумия? - Он криво усмехается, но в его интонации появляется трещина. - Ты даже не представляешь, с чем играешь. Если это утечка из закрытых протоколов тестирования, нас обоих сотрут раньше, чем мы доедем до твоего дома.

- Значит, поедем к тебе, - я повторяю фразу, которой закончилась наша прошлая встреча. - Ты будешь копать код. Ты найдешь источник. А я буду следить, чтобы ты не пропустил момент, когда тишина станет окончательной.

Мы стоим на пустой парковке, два человека, которые ненавидят друг друга за то, что вынуждены быть вместе. Тень от колонны между нами похожа на глубокую трещину в бетоне.

В этот момент тишину разрывает резкий, сухой звук. Это не крик, не выстрел. Это звук уведомления на телефоне. Но он звучит иначе. Не тот стандартный писк, к которому привык современный человек. Это тяжелая, низкая вибрация, которая, кажется, идет прямо от пола.

Илья дергается. Он достает телефон из кармана. Его лицо подсвечивается мертвенно-голубым светом экрана.

- Что там? - Я делаю шаг, пытаюсь заглянуть через его плечо.

Он не отвечает. Его пальцы замерли над сенсором. Я вижу, как его глаза расширяются. Это длится всего секунду, но для меня, привыкшей считать микро-движения, это вечность. Его пульс, судя по вене на шее, подскочил до критических отметок.

- Илья? - Я касаюсь его предплечья. Мышцы под курткой твердые, как камень.

Он медленно поворачивает экран ко мне. Мои глаза цепляются за строку состояния.

Система 112. Входящий инцидент. Статус: Критический.

Время поступления: 22:42.

Номер абонента: Не определен.

Геолокация: Не определена.

Но самое страшное не это. Под строкой основного инцидента висит пометка, которую может видеть только администратор системы с высшим уровнем доступа.

Архивный тег: T-21.

- Еще один? - Мой голос звучит чуждо, будто это не я говорю, а кто-то другой внутри меня.

- Это не просто звонок, - Илья говорит тихо, и его голос больше не похож на скальпель. Скорее на тупой нож. - Это обратный вызов. Система сама инициировала соединение с

номером, которого не существует.

- Слушай, - я замираю.

Из динамика его телефона начинает идти звук. Сначала это просто статика. Белый шум, похожий на шелест листвы или на звук воды, уходящей в слив. Но потом сквозь помехи прорывается голос.

Это женский голос. Он звучит чисто, без искажений, которыми грешили предыдущие записи. Он звучит так близко, будто женщина стоит прямо за нашими спинами на этой пустой, холодной парковке.

- Кира, - говорит голос. - Ты не успеваешь. Плотность воды слишком высокая. Тебе нужно сбросить балласт.

Я чувствую, как у меня подкашиваются ноги. Это мой голос. Но не тот, который я слышу в своей голове каждый день. И не тот, который я слышала на записях смен. Это голос женщины, которая уже все решила. Которая прошла через то, что мне только предстоит. В нем нет страха. В нем есть только усталость и какое-то странное, пугающее спокойствие.

- Сбрось балласт, Кира, - повторяет голос. - Илья не справится. Он пытается починить то, что должно быть разрушено. Оставь его на парковке. Уходи одна.

Илья резко отдергивает телефон, будто он обжег его. Он смотрит на меня так, будто видит во мне монстра. Его лицо искажено смесью гнева и первобытного ужаса.

- Что это, черт возьми, такое? - Он почти кричит. - Как ты это сделала? Это какая-то трансляция? Ты взломала мой

телефон?

- Я стою перед тобой! - Я вскидываю руки. - Мои руки пусты! Как я могла это сделать?

- Ты... ты подготовила это заранее. Ты знала, что мы будем здесь. Это психологическая атака. Твой отец был военным связистом, верно? Ты знаешь, как работать с оборудованием!

Его обвинения сыплются градом. Это его защитный паттерн. Когда система выдает ошибку, которую нельзя объяснить кодом, он ищет виноватого среди людей. Он возвращается в свое детство, где любой звук был манипуляцией. Он видит во мне своего отца, который имитировал сердечные приступы. Он видит во мне ложь.

- Заткнись! - Я перебиваю его, используя командный тон оператора, принимающего вызов о массовом ДТП. - Просто замолчи и слушай!

На экране телефона Ильи продолжает идти отсчет времени соединения. 00:45... 00:46... 00:47...

Голос на записи замолкает на секунду, а потом раздается звук, который заставляет мое сердце пропустить удар. Это звук бьющегося стекла и резкий, пронзительный гудок автомобиля. А следом - тяжелый, глухой удар, от которого вибрирует сам воздух в записи.

- Илья, посмотри на время, - шепчу я.

В углу экрана телефона Ильи часы показывают 22:45.

Время на записи, которое отображается в метаданных вызова - 22:45.

Но дата. Дата - через три недели от сегодняшнего дня.

- Это происходит прямо сейчас, - говорит Илья. Его голос дрожит. - Но это происходит не здесь. И не с нами. Но система регистрирует это как текущее событие.

Он лихорадочно начинает тыкать в экран, пытаюсь отследить маршрутизацию вызова. Его пальцы летают по стеклу, открывая терминальные окна, вводя команды. Я вижу строки кода, бегущие по экрану. Для меня это просто символы, но для него - это карта реальности.

- Вызов идет через... через мой домашний сервер? - Он поднимает глаза на меня. В них теперь нет ничего, кроме чистого, неразбавленного недоумения. - Это невозможно. Мой сервер зашифрован. К нему нет доступа извне.

- Голос сказал: оставь его на парковке, - я повторяю слова своего будущего "я". - Значит, если мы сейчас разойдемся, то, что записано, станет правдой? Или наоборот?

- Если мы разойдемся, я никогда не узнаю, как ты это провернула, - Илья восстанавливает маску циника, но она сидит на нем криво, как плохо подогнанный гидрокостюм. - Нет. Ты никуда не пойдешь одна. Мы едем ко мне. Сейчас.

Он хватает меня за локоть. Его хватка стальная. В обычных обстоятельствах я бы применила болевой прием - резкий поворот кисти, удар в уязвимую точку на предплечье. Но сейчас я позволяю ему вести себя.

Мы идем к его машине - черному внедорожнику, который стоит в тени, как затаившийся хищник. Я чувствую, как бе-

тон под моими ногами вибрирует. Или это просто дрожат мои колени?

Я оператор. Моя работа - слушать и классифицировать.

Инцидент: Второй звонок из будущего.

Угроза: Прямое указание на гибель или катастрофу через 21 день.

Статус: Мы в игре, правил которой не знаем.

Когда мы садимся в машину, салон встречает нас запахом новой кожи и какой-то стерильной чистоты. Илья захлопывает дверь, и звуки парковки мгновенно отсекаются. Мы оказываемся в герметичной капсуле.

Он не заводит двигатель. Он сидит, положив руки на руль, и смотрит прямо перед собой.

- Почему ты не испугалась? - Спрашивает он, не поворачивая головы.

- Кто сказал, что я не испугалась? - Я смотрю на свои руки. Они лежат на коленях, неподвижные, чужие. - Просто мой страх выглядит иначе. Он похож на оцепенение. На задержку дыхания перед глубоким погружением. Если я начну кричать или бегать, я утону.

- Ты сумасшедшая, Кира. Ты и та женщина на записи. Вы обе сумасшедшие.

- Возможно, - соглашаюсь я. - Но это сумасшествие подтверждено твоими логам. Поехали, Илья. У нас осталось меньше трех недель, чтобы понять, почему я хочу тебя бросить. И почему ты так боишься остаться один.

Он резко заводит мотор. Рев двигателя в закрытом пространстве парковки звучит как стартовый выстрел. Машина срывается с места, шины визжат на шлифованном бетоне.

Я смотрю в боковое зеркало. Тень колонны номер четыре быстро удаляется, пока не исчезает в темноте. Мне кажется, что там, в тени, кто-то остался стоять. Кто-то, кто знает финал этой истории.

Мы выезжаем на ночное шоссе. Город подмигивает нам миллионами огней, но я знаю, что это иллюзия. За каждым окном, за каждой светящейся вывеской скрывается пустота. Мы не просто едем в квартиру айтишника-социопата. Мы входим в зону, где время теряет свою линейность.

Мой телефон в кармане снова вибрирует. Три коротких, три длинных, три коротких.

SOS.

Я не достаю его. Я знаю, что это сообщение не от службы спасения. Это сообщение от меня.

Дистанция до цели сокращается.

Плотность среды растет.

Я закрываю глаза и считаю гребки.

Раз. Два. Три. Четыре.

Главное - не открывать рот, пока мы не вынырнем. Если вообще вынырнем.

Илья гонит машину на пределе скорости. Он пытается убежать от звука, который уже внутри него. Он еще не понимает, что в цифровом мире нет расстояний. Есть только за-

держка сигнала. И наша задержка составляет двадцать один день.

Я чувствую, как его напряжение передается мне через спинку сиденья. Его тело - это натянутая струна. Если она лопнет, нас обоих разнесет в клочья.

- Илья, - тихо говорю я.

- Что? - Огрызается он.

- Ты ведь услышал не только мой голос, верно? В конце, перед самым ударом. Там был звук.

Он молчит. Его челюсти сжаты так сильно, что на скулах гуляют желваки.

- Там был твой голос, Илья. Ты не просил меня уйти. Ты кричал мое имя. Ты звал меня так, будто я - единственное, что отделяет тебя от бездны.

Он резко бьет по тормозам. Машина замирает посреди пустого шоссе. Тишина обрушивается на нас, как бетонная плита. Илья поворачивается ко мне. В его глазах я вижу то, что он так тщательно скрывал за своим кодом и иронией.

Там нет цифр. Там только страх маленького мальчика, который внезапно понял, что его отец не притворяется. Что смерть реальна, и она звучит именно так.

- Я никогда не зову на помощь, - шепчет он. - Никогда.

- В будущем, которое мы только что услышали, ты это сделал, - я протягиваю руку и накрываю его ладонь своей. Его кожа ледяная. - И это значит, что мы уже проиграли. Или только начинаем понимать, за что стоит бороться.

Он не убирает руку. Мы сидим в темноте, на обочине реальности, два заложника будущего, которое неумолимо приближается со скоростью шестьдесят секунд в минуту.

Я чувствую, как воздух в салоне становится плотным, как вода в глубоком бассейне. Я задерживаю дыхание.

Старт был дан давно. Мы просто пропустили выстрел.

Теперь время идет не вперед. Оно сворачивается в спираль, в центре которой - мы. На этой парковке, в этой машине, в этой жизни, которая больше нам не принадлежит.

- Поехали, - говорит Илья, и в его голосе впервые появляется что-то человеческое. Какая-то надломленная, болезненная решимость. - У нас много работы. Если я не могу взломать время, я взломаю саму возможность этого будущего.

Я киваю. Я оператор. Моя задача - удерживать линию. Даже если на другом конце - тишина. Даже если на другом конце - я сама, захлебывающаяся в темноте.

Мы трогаемся с места. Впереди - огни города, который еще не знает, что он уже записан. Что каждый его звук, каждый крик и каждый шепот - это всего лишь файл в архиве, который кто-то уже начал удалять.

Я смотрю на индикатор сети на телефоне Ильи. Пять папок. Полный прием. Но я знаю, что мы уже вне зоны доступа. Мы в мертвой зоне, где не работают законы физики, а работают только законы памяти и вины.

Двадцать один день.

Это много или мало, чтобы научиться дышать под водой?

Я не знаю.

Я просто считаю гребки.

Пять. Шесть. Семь. Восемь.

В темноте за окном мне чудится всплеск. Но это всего лишь дождь, который начинает бить по лобовому стеклу, превращая мир в размытое полотно из света и тени.

Мы едем в самое сердце бага. И я впервые чувствую, что мне не хочется, чтобы это закончилось. Потому что пока звучат эти страшные звонки, я точно знаю: я еще жива. Мы оба еще живы.

И это единственная истина, которая имеет значение в мире, где будущее уже наступило, а прошлое никак не хочет нас отпускать.

- Кира, - говорит Илья, когда мы подъезжаем к его дому. - Если на следующей записи я буду просить тебя убить меня... пообещай, что ты этого не сделаешь.

Я смотрю на его профиль, подсвеченный оранжевым светом уличных фонарей.

- Я не могу этого обещать, Илья. В моей инструкции нет такого пункта. Я должна спасать. Но иногда спасение выглядит как милосердный выстрел.

- Ты пугаешь меня больше, чем эти звонки.

- Хорошо, - я слегка улыбаюсь. - Значит, ты еще способен чувствовать плотность среды. Выходи. Нам пора начинать вскрытие.

Мы выходим из машины. Ночной воздух кажется удиви-

тельно свежим, но я знаю, что это обман. Это просто пауза между вдохами. Настоящая работа начнется сейчас, за закрытыми дверями, под гул серверов и мерцание мониторов.

Там, где голос из будущего ждет своего часа, чтобы снова напомнить нам о том, кто мы есть на самом деле.

Всего лишь звуковые волны в бесконечной пустоте.

Всего лишь баг в системе, которая никогда не ошибается.

Я делаю глубокий вдох и вхожу в подъезд вслед за Ильей.

Дверь закрывается с тяжелым, окончательным стуком.

Счет пошел на часы.

Плотность - критическая.

Связь - установлена.

ГЛАВА 7: ВТОРОЙ ЗВОНОК

Тяжелая дверь технического центра захлопывается за моей спиной, отсекая шум города, и я сразу чувствую, как меняется плотность среды. Здесь, в недрах службы 112, воздух всегда кажется высушенным, стерилизованным, пропитанным озоном и статическим электричеством от сотен серверов. Это моя естественная среда обитания, мой бассейн с хлорированной водой, где каждый гребок выверен до миллиметра. Но сегодня вода кажется слишком густой, почти как мазут. Мои плечи каменеют, привычный мышечный зажим в трапеции сообщает: статус - красная зона. Я иду по длинному коридору, считая шаги. Двадцать два до поворота, пятнадцать до гермодвери. Это успокаивает. Числа не врут, в отличие от интонаций.

Илья идет впереди. Его походка - это походка человека, который привык, что пространство расступается перед его интеллектом. Он не оборачивается, но я слышу его дыхание. Оно сбивчивое, неритмичное. Он нервничает, хотя пытается скрыть это за агрессивным постукиванием ключей в кармане. Для него это здание - просто склад железа. Для меня - храм фатальных ошибок и запоздалых спасений. Я слышу, как гудят лампы дневного света. Тонкий, едва уловимый писк на грани слышимости. Обычные люди его не замечают, но у меня слух настроен на поиск аномалий. В бассейне ты

слышишь не всплеск, ты слышишь нарушение ритма дыхания пловца на соседней дорожке. Здесь я слышу, как город медленно умирает и возрождается в каждом звонке.

- Сюда, - бросает Илья, прикладывая карту к считывателю.

Звук срабатывающего замка - сухой щелчок, похожий на перелом тонкой кости. Мы входим в святая святых: серверную лабораторию аудиоанализа. Здесь прохладно, термостат держит стабильные восемнадцать градусов. Идеально для машин, паршиво для людей. Я чувствую, как по коже бегут мурашки, и это не от холода. Это предчувствие рывка. Перед стартом на пятидесятиметровке в легких всегда остается этот последний, самый важный глоток воздуха, который ты должен растянуть на всю дистанцию. Сейчас я делаю именно такой вдох.

Илья падает в кресло перед мониторами. Его движения резкие, почти судорожные. Он не смотрит на меня, его пальцы уже танцуют по клавиатуре. Вспыхивают окна программ, бегут строки логов, разворачиваются спектрограммы звуковых волн. Красные, зеленые, синие линии - кардиограмма чьей-то возможной смерти.

- Файл пришел три минуты назад, - говорит он, не отрываясь от экрана. - Источник тот же. Прямой обход всех шлюзов. Это не просто хакер, Кира. Это кто-то, кто живет внутри системы. Как паразит в печени.

- Давай послушаем, - я стою у него за спиной, сложив руки на груди. Мои ладони сжимают локти. Физиологический

блок. Я закрываюсь.

- Сначала я прогнал его через фильтры, - Илья наконец поворачивается ко мне. Его лицо в синем свете мониторов кажется восковой маской. - Там много шума. Но я вытащил голос. Точнее, оба голоса.

Я киваю. Мой голос на записи из будущего. Это звучит как бред сумасшедшего, как сюжет дешевого триллера, но мое тело верит в это больше, чем разум. Мышцы помнят то, чего еще не случилось. Это инверсия памяти. Я сажусь на край соседнего стола, стараясь не касаться Илью. Его поле слишком заряжено, меня бьет током от его присутствия.

- Включай.

Он нажимает пробел.

Сначала идет тишина. Но это не абсолютная тишина, это цифровой вакуум, в котором слышно шуршание одежды и чье-то тяжелое, хриплое дыхание. А потом я слышу себя.

- Я сказала: нет. Это нарушение всех протоколов. Я не буду этого делать.

Мой голос на записи звучит иначе. В нем нет той профессиональной отстраненности, которую я пестую годами. Он живой. Он злой. В нем лязгает металл. Я слышу в нем отчаяние, которое я обычно успешно топлю на дне самого глубокого бассейна.

- У тебя нет выбора, Кира, - отвечает другой голос.

Это голос-аноним. Он пропущен через модулятор, превращен в механический скрежет, в котором стерты все ин-

дивидуальные черты. Но я чувствую его структуру. Это не робот. Это человек, который очень старается казаться машиной. В его интонациях сквозит ледяное превосходство.

- Выбор есть всегда, - я на записи почти кричу. - Я не позволю тебе использовать меня для этого. Если ты думаешь, что можешь диктовать условия, просто потому что знаешь, что случится через десять минут...

- Я знаю, что случится через всю твою жизнь, - перебивает Модулятор. - Ты же хочешь искупить ту ошибку? Хочешь перестать слышать крик той девочки в каждой телефонной трубке? Сделай, что я говорю. Открой доступ к линии три.

- Пошел ты, - отвечаю я на записи.

Я вздрагиваю. Я никогда не ругаюсь на работе. Это табу. Это распад личности. Оператор 112 - это функция, это алгоритм спасения. Функция не может послать абонента. Это системный сбой. Мой внутренний критик, этот бессменный старший смены в моей голове, фиксирует нарушение: несоблюдение этики общения, утрата самоконтроля, угроза репутации службы.

- Слышишь? - Илья ставит на паузу. - Ты с ним споришь. Ты вступаешь в конфликт. Это не похоже на твой обычный режим - я-робот-примите-помощь.

- Это не я, - шепчу я, хотя знаю, что это ложь. Это я. Мои связки, моя манера растягивать гласные перед тем, как отрезать фразу. - Я никогда не спорю на работе. Это база. Первое правило инструктажа. Если абонент агрессивен, мы перево-

дим звонок или используем скрипт деэскалации. То, что ты сейчас включил - это профессиональное самоубийство.

- Или это момент, когда ты наконец стала настоящей, - Илья смотрит на меня в упор. - Посмотри на спектрограмму. Видишь эти пики? Это твой адреналин. Ты на пределе. Ты сражаешься.

- Я не должна сражаться, Илья. Я должна помогать. Если я начинаю воевать с абонентом, значит, я проиграла. Статус: инцидент с потерей контроля.

Я встаю и начинаю ходить по комнате. Пять шагов до шкафа с документацией, пять шагов обратно. Мое тело требует движения, оно хочет выплеснуть это напряжение в воду, совершить мощный толчок от бортика и уйти в скольжение, где нет звуков, только давление воды на барабанные перепонки. Но воды нет. Есть только холодный свет и голос из будущего, который обвиняет меня в человечности.

- Слушаем дальше, - говорит Илья. Его голос стал тише. Он видит, как меня накрывает.

Запись продолжается.

- Ты не понимаешь, с кем играешь, - говорит Модулятор. - Цена твоего упрямства - не твоя жизнь. На нее мне плевать. Цена - те, кто сейчас рядом с тобой. Ты думаешь, ты их защищаешь? Ты их подставляешь под удар.

- Я сама решу, кого подставлять, - я на записи звучу так, будто у меня в руках нож, а не телефонная трубка. - Больше никаких звонков. Я блокирую терминал.

- Ты не сможешь. Ты уже в системе.

И тут на заднем плане записи раздаётся звук.

Короткий, мелодичный сигнал уведомления. Тройной восходящий тон с легким синтетическим эхом.

Илья замирает. Его рука, лежащая на мышке, дергается. Он бледнеет так стремительно, что кажется, будто из него выкачали всю кровь.

- Останови, - говорю я. Мой голос звучит чужо из-за того, что я перестала дышать. Плотность воздуха стала критической. Я вхожу в режим задержки дыхания. Четыре минуты без кислорода - мой предел. Сейчас пошла первая секунда.

- Ты это слышала? - Илья оборачивается ко мне. Его глаза расширены.

- Это был твой телефон, Илья.

- Нет, это невозможно. Этот рингтон... я сам его написал. Это кастомный код, он стоит только на моем аппарате. Я не выкладывал его в сеть, я не передавал его никому. Это мой личный триггер на критические ошибки в сервере.

Он медленно достаёт свой смартфон из кармана. Кладёт его на стол между нами. Черный прямоугольник пластика и стекла выглядит сейчас как детонатор.

- На записи... - я сглатываю, горло саднит, как после долгого заплыва в ледяной воде. - На записи этот звук раздался прямо за моей спиной. Когда я спорила с этим человеком.

- Значит, я был там, - Илья произносит это так, будто пробует на вкус яд. - Я был рядом с тобой в тот момент. В буду-

щем. Через сколько там? Через две недели?

- Три недели, если верить метаданным первого звонка.

Мы молчим. Гул серверов становится невыносимым. Я чувствую, как каждая деталь этого помещения начинает давить на меня. Стены сужаются. Это классическая паническая атака, но я не даю ей ходу. Я классифицирую ее как побочный эффект гипертонуса. Мои мышцы готовы к рывку, но бежать некуда. Мы заперты в настоящем, которое уже отравлено будущим.

- Послушай еще раз, - Илья перематывает запись на несколько секунд назад. - Слушай фон. Не нас, а то, что за нами.

Он выкручивает громкость на максимум. Звук становится грязным, вылезают артефакты сжатия, но за нашим спором, за механическим лязгом Модулятора, я слышу ритмичный стук.

Тук-тук. Тук-тук.

- Это не сердце, - шепчу я.

- Нет. Это датчик давления в системе охлаждения, - Илья указывает на стойку в углу лаборатории. - Он барахлит уже неделю. Я всё собирался его заменить. Этот специфический стук... он есть только здесь. В этой комнате.

- Значит, этот разговор произойдет не просто в будущем. Он произойдет здесь. В этой лаборатории. С твоим телефоном на столе.

Я чувствую, как по спине стекает холодная капля пота.

Это ощущение похоже на то, как вода затекает под плавательные очки - раздражающее, мешающее обзору, предвестник того, что ты можешь потерять ориентацию в пространстве.

- Кира, посмотри на меня, - Илья встает и делает шаг ко мне. Я инстинктивно отступаю на полшага. Мое тело не доверяет никому, даже тому, кто через три недели будет стоять за моей спиной, когда я буду рушить свою жизнь.

- Илья, ты понимаешь, что это значит? - я стараюсь говорить ровно, рублеными фразами, как того требует протокол при работе с пострадавшими в состоянии шока. - Это не просто запись. Это сценарий. Мы сейчас находимся в декорациях, которые уже утверждены. Каждый наш шаг ведет нас к этой точке. Твой рингтон, этот сломанный датчик... мы просто актеры, которые еще не выучили текст, но сцена уже построена.

- Я не верю в сценарии, - он встряхивает головой, отбрасывая со лба темную прядь. Его цинизм дает трещину, и сквозь нее проглядывает тот испуганный мальчик, чей отец имитировал смерть, чтобы контролировать семью. - Я верю в переменные. Если мы знаем, что звук датчика есть на записи, мы можем его починить прямо сейчас. Мы можем изменить условия задачи.

Он хватается отвертку со стола и направляется к серверной стойке. Его движения лихорадочны. Он хочет взломать будущее с помощью обычного инструмента.

- Стой! - я перехватываю его за запястье. Его кожа горячая, моя - ледяная. Контрастный душ реальности. - Ты не понимаешь. Если ты его починишь, запись не исчезнет. Она уже существует. Мы слышали ее. Если ты изменишь фон, это не значит, что разговор не состоится. Это значит, что мы просто не знаем, где он состоится. Сейчас у нас есть преимущество. Мы знаем локацию. Мы знаем статус угрозы. Это контролируемый инцидент.

Он замирает, тяжело дыша. Его глаза мечутся по моему лицу, пытаюсь найти там опору. Но я сама - зыбучий песок.

- Ты права, - он медленно опускает руку. - Черт, ты права. Протокол. Всегда этот чертов протокол. Ты даже в ад пойдешь по инструкции, да?

- В аду инструкции не работают, Илья. Там нет связи с диспетчером.

Я отпускаю его руку. На его запястье остаются красные пятна от моих пальцев. Я не рассчитала силу. Мышечная память пловца - я всегда жму на воду сильнее, чем нужно, чтобы почувствовать опору.

- Давай разберем голос Модулятора, - я возвращаюсь к монитору, стараясь перевести тему в рабочее русло. - Ты можешь снять маску? Вернуть исходные частоты?

Илья садится обратно. Он глубоко вдыхает, пытаюсь вернуть себе маску холодного технократа. Его пальцы снова начинают бегать по клавишам, но уже медленнее, осторожнее.

- Это сложная модуляция, Кира. Это не обычный питч-

шифтер из магазина приложений. Тут использован алгоритм случайных искажений. Он постоянно меняет частотную сетку. Чтобы это расшифровать, мне нужно время. Много времени. И мощностей этого сервера может не хватить.

- У нас есть время, - я смотрю на часы на стене. Два часа ночи. - У нас есть три недели.

- Ты действительно думаешь, что он даст нам эти три недели? Он уже знает, что мы слушаем это. Он провоцирует нас. Этот рингтон на записи... он был там не случайно. Он хотел, чтобы я понял: я тоже в игре. Что я не просто технарь на подхвате, а участник событий.

- Зачем ему это?

- Чтобы разобщить нас? - Илья горько усмехается. - Или наоборот, чтобы связать нас так крепко, чтобы мы не могли действовать поодиночке. Взлом через эмоции. Мой отец был мастером таких штук. Он создавал ситуацию, в которой ты не мог не реагировать. Ты был вынужден играть по его правилам, потому что на кону всегда было что-то жизненно важное. Твое спокойствие. Твоя вера в реальность.

Я смотрю на график звуковой волны. В одном месте она делает странный скачок, почти вертикальный пик.

- Что это? - я указываю пальцем на экран.

Илья увеличивает масштаб.

- Похоже на микро-сбой при записи. Или... подожди.

Он накладывает несколько фильтров, отсекая низкие частоты. Звук становится тонким, дребезжащим, как комар над

ухом.

- Это ультразвуковой маркер, - шепчет он. - Он вшит в саму дорожку. Его не услышать человеческим ухом, но микрофон его фиксирует.

- И что он означает?

- Это геометка. Но не GPS. Это метка помещения. В каждое современное здание вшиты системы умного оповещения, которые работают на определенных частотах. Этот маркер... он соответствует нашему техцентру. Сектор Б-4.

- Это и есть эта комната, - я закрываю глаза.

Плотность среды становится такой высокой, что я чувствую физическую боль в груди. Мне нужно выплыть. Мне нужно на поверхность.

- Илья, на записи я говорю о "линии три". Что это такое? У нас в 112 нет деления на линии по номерам. У нас есть сектора, есть дежурные смены, есть спецсвязь. Но "линия три" - я никогда не слышала этого термина.

Он хмурится, его лицо отражается в черном стекле выключенного второго монитора.

- Линия три... - он начинает быстро вводить команды в поисковую строку внутренней базы данных. - Это старое обозначение. Из тех времен, когда система только проектировалась. Десять лет назад. Это был закрытый канал для прямой связи с правительственным бункером на случай глобальной катастрофы. Технически он существует до сих пор, но он законсервирован. У него нет физического выхода на пульта

операторов.

- Но на записи он требует, чтобы я открыла к нему доступ.

- Значит, через три недели этот канал будет активен. Или кто-то собирается его активировать. И для этого ему нужна ты. Твой голос, твой биометрический ключ. Как у старшего смены с высшим допуском.

Я смотрю на свои руки. Они сухие, бледные, со следами хлорки, которая, кажется, въелась в поры на молекулярном уровне. Эти руки должны спасать людей от пожаров, аварий и сердечных приступов. Но на записи они открывают дверь в какой-то персональный ад.

- Я не сделаю этого, - говорю я, глядя на свое отражение. - Что бы он ни обещал. Искупление не покупается предательством.

- А если на кону будет не твоя совесть, а чья-то жизнь? - Илья поворачивается ко мне. Его взгляд жесткий, лишенный всякой жалости. - Если он скажет, что убьет меня, если ты не нажмешь на кнопку? Или убьет еще десять человек? Тех, кого ты должна спасти по инструкции?

Я молчу. Мой алгоритм дает сбой. Если один пункт инструкции противоречит другому, система входит в бесконечный цикл. Спасти одного ценой нарушения безопасности системы? Или пожертвовать одним ради сохранения протокола?

В моей голове всплывает лицо Лены. Той девочки из моего прошлого. Ей было пятнадцать. Она кричала в старом за-

брошенном парке, а я прошла мимо, решив, что это просто подростковые игры. Я была тогда на пике своей спортивной формы, я чувствовала себя неуязвимой, я была уверена, что я - мерило реальности. Я ошиблась. Ее крик не был шуткой. И я не спасла ее, потому что неверно интерпретировала звук.

Вся моя работа в 112 - это попытка переслушать тот крик. Сделать его реальным. Ответить на него.

- Он знает про Лену, - шепчу я. - На записи он упомянул ее. Он знает мою ядерную травму.

- Он знает всё, Кира. Он - это ты, я, эта система. Это будущее, которое уже наступило, просто мы еще до него не дошли. Мы как пловцы в длинном туннеле. Свет в конце - это не выход, это прожектор поезда, который едет нам навстречу.

Илья резко захлопывает крышку ноутбука, хотя запись идет с сервера. Звук получается громким, как выстрел в тишине.

- Хватит на сегодня, - говорит он. Его голос дрожит. - Если мы продолжим, мы просто сойдем с ума здесь, под этим чертовым датчиком.

Я киваю. Мои ноги кажутся ватными. Я оцениваю расстояние до выхода. Пятнадцать шагов до гермодвери, двадцать два до поворота. Но сейчас эти числа не приносят облегчения. Они просто фиксируют мой путь в пространстве, которое мне больше не принадлежит.

Мы выходим из лаборатории. Коридоры службы 112 ка-

жуются бесконечными. Я слышу, как в операционном зале, за несколько этажей отсюда, мои коллеги принимают звонки. "Служба 112, что у вас случилось?". Тысячи трагедий в прямом эфире. Город дышит, стонет, просит о помощи. И где-то в этом потоке звуковых волн прячется тот, кто уже знает финал моей истории.

Когда мы выходим на улицу, ночной воздух бьет в лицо своей фальшивой свежестью. Город подмигивает огнями, как огромный компьютер, который занят вычислениями нашего будущего.

- Я подвезу тебя, - говорит Илья. Он не предлагает, он констатирует.

- Нет, я пройду. Мне нужно сбросить плотность.

- Кира, это опасно.

Я иронично улыбаюсь. Моя ирония - это щит из оргстекла. Прозрачный, но твердый.

- Опасно будет через три недели, Илья. Сейчас я просто женщина, которая идет домой после тяжелой смены. Статус: норма.

- Ничего уже не норма, - он смотрит на меня с какой-то странной тоской. - Мы оба это знаем. Тот звук на записи... мой рингтон. Он будет преследовать меня. Я буду ждать его каждую секунду.

- Не жди. Просто живи. В инструкции сказано: при возникновении неопределенности сохраняйте позицию до получения четких указаний. Мои указания - иди спать.

Я разворачиваюсь и иду прочь, не оборачиваясь. Мои шаги по асфальту звучат четко. Раз-два, раз-два. Ритм дыхания - на четыре счета вдох, на шесть - выдох. Я вхожу в этот ночной город как в открытую воду. Я не знаю, что там, на глубине, но я умею держаться на плаву.

Но в моих ушах всё еще звучит мой собственный голос из будущего. "Пошел ты". Я никогда так не говорю. Но та, другая Кира, на записи... она мне нравится. В ней есть что-то, чего нет во мне нынешней. У нее есть смелость проиграть.

Я иду мимо закрытых магазинов, мимо пустых остановок. Я чувствую, как плечи постепенно расслабляются. Но это не покой. Это затишье перед рывком.

Мой телефон в кармане вибрирует.

Я замираю. Сердце делает лишний толчок, сбивая ритм. Я медленно достаю трубку.

Экран светится. Сообщение от неизвестного номера.

"Линия три ждет своего оператора. Дыши глубже, Кира. Вода прибывает".

Я смотрю на текст, и плотность воздуха вокруг меня мгновенно возрастает до предела. Я стою посреди пустого тротуара, и мне кажется, что я на дне бассейна, а кто-то сверху медленно закрывает крышку.

Я не удаляю сообщение. Я сохраняю его. Это мой новый протокол. Моя новая реальность.

Я делаю глубокий вдох, фиксируя каждую секунду этого момента. Я еще жива. Я еще здесь. Но счетчик уже запущен,

и звук уведомления Ильи - это тиканье бомбы, которую мы сами заложили в свое будущее.

Я иду дальше, и мои тени на асфальте кажутся мне длиннее, чем обычно. Будто они уже дотянулись до того дня, когда я сорвусь на крик.

Статус: активное ожидание.

Угроза: подтверждена.

Плотность: критическая.

Я справлюсь. Пловцы не тонут. Они просто иногда уходят на глубину, чтобы проверить, на что они способны без кислорода.

Я дохожу до своего подъезда, открываю дверь. Темнота внутри кажется мне знакомой и почти уютной. Это та самая темнота, из которой рождаются все голоса мира. И где-то там, среди них, мой собственный голос уже произносит слова, которые изменят всё.

Я просто должна дойти до них вовремя.

ГЛАВА 8: ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЦИНИЗМА

Подвал пахнет озоном и жженой пылью. Это запах стерильного электричества, которое живет своей жизнью за матовыми панелями серверных стоек. Здесь всегда плюс восемнадцать. Идеальная температура для того, чтобы железо не сошло с ума, и совершенно неподходящая для того, чтобы я перестала чувствовать холод в лопатках. Мои плечи забиты. После утреннего заплыва мышцы обычно расслабляются, но сейчас они как натянутые тросы. Я стою у входа, прислонившись к косяку, и фиксирую дистанцию. До Ильи пять метров. До выхода семь. Путь отхода свободен. Угроза: потенциальная. Статус: неопределенность.

Илья сидит перед тремя мониторами. Его спина кажется слишком узкой для человека, который пытается взломать само время. Он вбивает команды с такой скоростью, будто от этого зависит подача кислорода в его личный акваланг. Стук клавиш сухой, drobный, как пулеметная очередь в пустом тире. Я слышу, как он задерживает дыхание на вдохе. Это плохой знак. В бассейне это называют "мертвым объемом". Если не выдохнешь вовремя, легкие начнут гореть.

- Ты можешь не дышать мне в спину? - бросает он, не оборачиваясь. - Твое присутствие создает слишком много шума.

- Я молчу, Илья. - Мой голос звучит ровно. - Это шум твоего собственного пульса.

- Мой пульс в норме. Я проверил логи. Сигнал, который пришел на твой телефон, зашифрован сложным протоколом. Это не просто анонимайзер. Это многослойная обертка. Как матрешка, внутри которой вместо куклы лежит бритвенное лезвие.

Он резко разворачивается на кресле. Его лицо в синеватом свете экранов выглядит как гипсовая маска. Глаза воспалены. Он пытается выглядеть циничным, но я вижу, как подрагивает его правое веко. Физиологический маркер: нервное истощение. Уровень стресса выше восьми баллов по десятибалльной.

- Ты нашел, откуда был звонок? - спрашиваю я, игнорируя его выпад.

- Это самое веселое, Кира. Ты ведь любишь загадки? Ты же у нас эксперт по крикам в темноте.

Я чувствую, как внутри что-то щелкает. Старая травма напоминает о себе тупой болью в груди. Тот крик из прошлого. Тот случай, когда я решила, что это просто дурацкая шутка, и продолжила плыть свою дистанцию. Пятьдесят метров вольного стиля. Двадцать восемь секунд, которые стоили кому-то жизни. С тех пор я не верю в шутки. Я верю только в протокол.

- Оставь иронию для своих алгоритмов, - говорю я. - Говори фактами.

- Факты тебе не понравятся. Я пытался отследить шлюз. Обычно такие звонки идут через прокси-серверы в странах с низкой социальной ответственностью. Сингапур, Панама, чертов Маврикий. Но этот файл... он не пришел извне.

Он замолкает. В серверной становится слишком тихо. Слышно только гудение вентиляторов. Воздух становится плотным, как вода на глубине десяти метров. Мне трудно сглотнуть.

- Что значит "не извне"? - Мой голос звучит чуть тише, чем хотелось бы.

- Это значит, что пакет данных был сформирован внутри нашего защищенного контура. Здесь, Кира. В этой комнате. Или на одном из терминалов, имеющих прямой доступ к ядру системы.

Илья поворачивается обратно к монитору. Его пальцы снова начинают танцевать по клавиатуре, но теперь в их движениях нет прежней уверенности. Он ошибается. Я вижу, как он нажимает Backspace три раза подряд. Его руки начинают заметно дрожать. Это не просто тремор. Это страх человека, который всю жизнь верил в логику, а столкнулся с тем, что дважды два внезапно равно пяти.

Я подхожу ближе. Теперь между нами меньше метра. Я чувствую запах его пота - резкий, адреналиновый. Это запах страха. Он боится цифр так же сильно, как я боюсь тишины. Для него код был единственным безопасным местом в мире, где никто не имитирует сердечные приступы, чтобы при-

влечь внимание. Его отец выстроил вокруг него лабиринт из манипуляций, и Илья сбежал в мир единиц и нулей. Но теперь нули начали кусаться.

- Ты проверил авторизацию? - спрашиваю я, кладя руку на спинку его кресла.

- Я проверяю всё! - огрызается он. - Ты думаешь, я дилетант? Система логирует каждое касание. Если кто-то зашел в контур, остался след. Цифровой отпечаток. Но здесь пусто. Понимаешь? Пусто, как в твоей голове после восьмичасовой смены на пульте. Файл возник из ниоткуда и ушел на твой номер, используя внутренний протокол обмена.

Я смотрю на экран. Строчки кода бегут вверх. Для меня это просто бессмысленные символы, но я чувствую их ритм. Как ритм гребков. Если сбиться, потеряешь скорость. Если потеряешь скорость - утонешь.

- Илья, посмотри на меня.

Он не реагирует.

- Илья, это приказ. Посмотри на меня.

Он медленно поворачивает голову. В его глазах - пустота. Он словно заглянул в бездну и обнаружил, что бездна знает его пароль от вай-фая.

- Твой отец имитировал приступы, чтобы управлять тобой, - говорю я, чеканя каждое слово. - Ты научился распознавать ложь в звуке. Ты веришь только железу. Но сейчас железо говорит тебе правду, которую ты не хочешь слышать. Тебе нужно делегировать мне часть своего контроля. Ты не

ВЫВОЗИШЬ.

Его лицо искажается. На секунду мне кажется, что он сейчас сорвется, начнет орать или выставит меня вон. Но он просто сдувается. Его плечи опускаются. Он выглядит как подросток, который заблудился в торговом центре.

- Я не могу это объяснить, Кира. Это системный баг, которого не может быть. Это как если бы кофемашина вдруг начала цитировать Шекспира на латыни.

- Или как если бы я услышала свой собственный голос из будущего, - добавляю я. - Мы в одной лодке, Илья. И у нас пробоина ниже ватерлинии.

Он делает глубокий вдох, пытаясь вернуть себе маску циника.

- Ладно. Допустим. Я попробую вскрыть метаданные самого контейнера. Если звонок был сгенерирован внутри, у него должен быть создатель. У каждого процесса в этой системе есть "отец".

Он вводит длинную команду. Экран мигает черным, затем выбрасывает каскад белых строк. Илья замирает. Его дыхание становится прерывистым, как у пловца на финишном рывке, когда кислорода в крови уже нет, а сердце колотится где-то в районе горла.

- Что там? - я наклоняюсь ниже, почти касаясь его плеча своим.

- Это невозможно, - шепчет он. - Это какая-то ошибка. Скрипт. Кто-то взломал мои учетные данные и подставил

имя.

- Чье имя?

Я смотрю на монитор. В нижней части экрана, в строке "Created by", светится запись.

User ID: 001-ALPHA.

Name: Илья В. Rozanov.

Status: Admin/Root.

Timestamp: 21 days from current server time.

Я чувствую, как по моей коже пробегает холод. Это не тот холод, что в серверной. Это холод изнутри, из костей. Физиология восприятия: полная неподвижность перед рывком. Мое тело реагирует на угрозу единственным доступным способом - я превращаюсь в камень.

- Ты создал этот файл через три недели? - мой голос звучит чутко, как настроенная струна.

- Нет! - он почти кричит, вскакивая с кресла. - Сегодня восьмое число! Я не мог создать его двадцать девятого! Это... это логическая петля. Это бред!

Он начинает мерить комнату шагами. Пять метров туда, пять метров обратно. Его движения дерганые, хаотичные. Он больше не хозяин этого пространства. Он - заложник.

Я остаюсь на месте. Я смотрю на его имя на экране. Илья В. Розанов. Тот самый человек, который только что доказывал мне, что звук - это инструмент взлома, а чувства - это мусор. Теперь его собственная техническая объективность предала его. Его бог - код - указал на него пальцем.

- Илья, остановись. - Я перехватываю его за локоть, когда он проходит мимо.

Его рука твердая, как дерево. Мышцы напряжены до предела. Он смотрит на меня, и в его взгляде я вижу то, что он так тщательно скрывал за своей иронией. Первобытный, неоправданный ужас.

- Это не я, Кира. Ты должна мне верить. Я бы не стал... я не знаю, как это сделать. Даже если бы захотел.

- Я знаю, что это не ты нынешний, - говорю я, и сама удивляюсь тому, как спокойно звучат мои слова. - Но это ты через три недели. Тот ты, который уже знает то, чего не знаем мы.

Я чувствую, как плотность воздуха вокруг нас меняется. Мы больше не подозреваемый и следователь. Мы - две точки на одной прямой, которая ведет к обрыву. И этот обрыв уже зафиксирован в логах системы.

- Ты слышал свой голос на записи? - спрашиваю я.

- Нет. Я не стал слушать. Я только смотрел пакеты данных. Я не хотел... - Он осекается. - Я боялся услышать правду.

- Циник боится правды? Какая ирония.

- Пошла ты, Кира.

Он вырывает руку, но уже без злости. В его жесте - отчаяние. Он возвращается к консоли и дрожащими пальцами нажимает "Play" на аудиофайле, который прикреплен к логу.

Из динамиков доносится шум. Сначала это просто статика, белый шум, напоминающий шелест воды в бассейне, когда ты уходишь на глубину и слышишь только работу насо-

сов. А потом раздаётся голос.

Это голос Ильи. Но он другой. В нем нет той скорости, того напора, к которому я привыкла. Он звучит устало. И в нем есть что-то еще. Что-то, что заставляет мои волосы на затылке встать дыбом. В нем есть нежность.

- Кира, если ты это слышишь, значит, мы все-таки не успели. Не верь цифрам. Смотри на воду. Помнишь, как ты говорила про плотность? Она становится критической. Я нашел способ отправить это обратно, но цена... - голос прерывается резким звуком, похожим на помехи или на всплеск воды. - Не доверяй мне, когда я скажу, что всё под контролем. Я буду врать. Мы оба будем врать.

Запись обрывается.

Илья сидит неподвижно. Его руки лежат на коленях ладонями вверх. Это поза абсолютной сдачи. Он разгромлен. Его маска циника разбита вдребезги, и под ней оказывается обычный, испуганный человек, который только что услышал собственный смертный приговор. Или нечто худшее.

- "Смотри на воду", - повторяю я шепотом. - Что это значит?

- Я не знаю, - он качает головой. - Я ненавижу воду. Я никогда не умел плавать. Это твоя стихия, не моя.

Я закрываю глаза и на секунду возвращаюсь в тот день, когда я не услышала крик. Я стояла на тумбе, поправляла очки. Воздух был теплым и влажным. Я была уверена, что контролирую всё. Свою скорость, свое дыхание, свою жизнь.

А в это время в паре десятков метров от меня кто-то уходил на дно, и его голос тонул в шуме трибун.

Теперь ситуация повторилась. Только теперь кричат не мне, а я сама. Из будущего. И Илья - тот, кто должен был стать моей технической броней, - оказывается слабым звеном. Или самым важным.

- Статус: инцидент подтвержден, - говорю я в пустоту серверной. - Угроза: внутренняя. Плотность: максимальная.

- Хватит своего операторского бреда, Кира! - Илья вскакивает, его лицо пылает. - Мы только что услышали, как я из будущего признаюсь в том, что буду тебе врать! Какая, к черту, плотность? Мы в дерьме! По уши!

Я подхожу к нему вплотную. Я выше его на пару сантиметров из-за подошвы своих ботинок. Я смотрю ему прямо в глаза, фиксируя каждую расширенную пору на его коже.

- Ты сейчас замолчишь и будешь слушать меня, - мой голос падает до опасного регистра. - У меня синдром выжившего. Я живу в режиме вечного дежурства десять лет. Я не боюсь дерьма. Я боюсь только одного - пропустить сигнал. Мы его получили. Ты - автор этого сигнала. Это значит, что через три недели ты будешь достаточно жив и достаточно умен, чтобы взломать систему и отправить нам предупреждение. Это не поражение, Илья. Это план.

Он смотрит на меня так, будто видит впервые. Его дыхание понемногу выравнивается. Мышечный тонус возвращается, но теперь это не напряжение страха, а готовность к дей-

ствию. Мой расчет верен: ему нужен был авторитет. Кто-то, кто скажет, что делать, когда логика ломается.

- И что нам делать? - спрашивает он. Его голос всё еще дрожит, но в нем появляется сталь.

- Мы сделаем то, что ты умеешь лучше всего. Мы найдем, где этот файл хранится сейчас. Если он создан через три недели, значит, в системе уже есть его "тень". Код не берется из ниоткуда. У него должен быть фундамент.

- Ты хочешь, чтобы я искал артефакты будущего в текущем коде? - он криво усмехается. - Это теоретически невозможно.

- Теоретически ты сейчас должен пить кофе и хамить коллегам, а не слушать свой голос из будущего. Так что забудь про теорию. Плыви, Илья. Просто плыви.

Он садится за клавиатуру. На этот раз он не делает лишних движений. Он входит в состояние потока. Я вижу, как его пальцы движутся ритмично, без сбоев. Это похоже на хороший кроль. Экономно, мощно, эффективно.

Я отхожу к стене и сползаю по ней вниз. Силы внезапно покидают меня. Это реакция на адреналиновый пик. Мои колени дрожат, и я обхватываю их руками, пытаюсь сохранить остатки тепла.

Серверная гудит. Этот звук становится моим новым фоном. Я думаю о том, что голос Ильи на записи звучал так, будто он меня любит. И это пугает меня больше, чем сама петля времени. В моем мире любовь - это уязвимость. Это

то, что заставляет тебя отвлечься, когда нужно слушать. Это та секунда невнимания, которая убивает.

Я смотрю на Илью. Его затылок, его согнутая спина, свет мониторов, отражающийся в его очках. Он ищет правду в цифрах, потому что боится правды в людях. Мы два сломанных механизма, которые пытаются починить друг друга, используя бракованные детали.

- Кира, - зовет он через полчаса. Его голос звучит странно.

Я поднимаюсь, преодолевая сопротивление мышц.

- Нашел?

- Я нашел не файл. Я нашел директорию. Она скрыта под шестнадцатью слоями шифрования. И знаешь, как она называется?

- Удиви меня.

- "Летний бассейн".

Я чувствую, как земля уходит у меня из-под ног. Летний бассейн. Место, где всё закончилось десять лет назад. Место, которое я вычеркнула из своей памяти, заменив его хлорированной водой городских спорткомплексов.

- Открой ее, - шепчу я.

- Я не могу. Нужен ключ. И это не пароль. Система требует биометрический слепок.

- Чей? Его? - я киваю на экран, где всё еще светится его имя.

- Нет. Твой.

Илья поворачивает ко мне монитор. На нем мигает окно

запроса. Красный курсор пульсирует в такт моему сердцу.

- Тебе нужно приложить палец к сканеру, Кира. И, судя по метаданным, тебе нужно сделать это прямо сейчас. Если мы опоздаем хоть на минуту, директория самоликвидируется.

Я смотрю на сканер на его клавиатуре. Маленькое стеклянное окошко, которое кажется мне входом в бездну. Мои пальцы ледяные. Я не знаю, что там, внутри этой папки. Может быть, там ответы. А может быть, там тот самый крик, который я не захотела услышать десять лет назад, записанный в высоком качестве и разложенный на спектры.

- Кира, время идет, - Илья смотрит на часы. - У нас сорок секунд.

Я делаю шаг вперед. Мои ноги тяжелые, как в лапах. Расстояние в один метр кажется бесконечным заплывом против течения.

- Статус: неизбежность, - шепчу я.

- К черту статус! Просто нажми!

Я прикладываю большой палец к стеклу. Оно холодное. Секунда ожидания кажется вечностью. Сканер вспыхивает зеленым. По экрану бегут строки дешифровки.

И вдруг шум серверной исчезает. Наступает абсолютная, вакуумная тишина. А потом из колонок раздается не голос, не музыка, а звук всплеска воды. Громкий, отчетливый. Как будто кто-то прыгнул с вышки прямо здесь, рядом с нами.

Илья вскрикивает и откидывается назад. Я хватаюсь за край стола, чтобы не упасть.

На мониторе медленно разворачивается изображение. Это запись с камеры наблюдения. Плохое качество, зернистость, черно-белая картинка. Я узнаю это место мгновенно. Летний бассейн "Дельфин". Десять лет назад.

Я вижу себя - молодую, самоуверенную, в ярком купальнике. Я стою на старте. А рядом, в воде, кто-то бьется, пытаюсь удержаться на поверхности.

- О боже, - шепчет Илья. - Это же...

Но я не слушаю его. Я смотрю на правый угол экрана. Там, в тени под навесом, стоит человек. Он одет в современную куртку, которая никак не вписывается в моду десятилетней давности. Он держит в руках телефон. И он смотрит прямо в камеру.

Это Илья. Нынешний Илья. Или тот, из будущего.

Он поднимает руку и делает жест - прикладывает палец к губам. "Тише".

Экран гаснет. Серверная снова наполняется гудением вентиляторов.

Я стою, не в силах пошевелиться. Мои ладони мокрые, хотя в комнате сухо. Я чувствую, как плотность воздуха достигает своего предела. Я больше не плыву. Я тону. Но на этот раз я не одна на дне.

Илья медленно поворачивается ко мне. Его лицо белое, как бумага.

- Кира... я никогда там не был. Я клянусь. Я даже не знал, где находится этот бассейн.

- Теперь знаешь, - говорю я, и мой голос кажется мне чужим. - Теперь мы оба там.

Я смотрю на свои руки. Они дрожат. Это не страх. Это мышечная память. Мое тело помнит тот прыжок, который я совершила через секунду после того, как запись оборвалась. Прыжок, который ничего не изменил.

Но теперь у нас есть три недели. Двадцать один день, чтобы переписать лог.

- Нам нужно уходить отсюда, - говорю я, возвращаясь в режим протокола. Это моя защита. Моя броня. Если я знаю, что делать, я не обязана чувствовать. - Илья, бери диски. Мы не можем оставить это здесь.

- Кира, ты видела... ты видела меня там? Это был я!

- Я видела цель, Илья. Статус: активное ожидание закончилось. Мы переходим в фазу прямого столкновения.

Я разворачиваюсь и иду к выходу. Мои шаги твердые. Пловцы не тонут, пока они двигаются. И я буду двигаться, даже если мне придется плыть через само время.

Илья догоняет меня у двери. Он тяжело дышит. Он хватается за плечо, заставляя остановиться.

- Почему ты такая спокойная? Тебя только что показали в прошлом вместе со мной, которого там не было! Это ломает всё, во что я верил!

- Потому что я привыкла к тому, что будущее уже записано, - отвечаю я, глядя ему в глаза. - Для меня это просто еще одна дистанция. И я не собираюсь приходить второй.

Я выхожу в коридор, и темнота здания кажется мне знакомой. Это та самая темнота, в которой рождаются все голоса. И теперь я знаю, что мой голос - не единственный, который я должна услышать.

Мы идем к выходу, и наши тени на стенах кажутся огромными. Они уже там, в том дне, у бассейна. Они ждут нас.

Я делаю глубокий вдох. Воздух здесь уже не такой плотный. Или я просто научилась дышать под водой.

Счетчик запущен. Двадцать один день.

Я справлюсь. Пловцы не тонут. Они просто иногда уходят на такую глубину, где свет уже не виден, но где только и начинается настоящая жизнь.

Я открываю дверь на улицу. Холодный ночной воздух бьет в лицо. Я жива. Я здесь. И теперь у меня есть союзник, чей алгоритм, возможно, действительно мощнее моего собственного. Даже если он сам об этом еще не знает.

- Илья, - говорю я, не оборачиваясь.

- Что?

- Не ври мне. Даже когда скажешь, что всё под контролем.

Он молчит долго, почти целую вечность. А потом я слышу его тихий, надтреснутый голос:

- Постараюсь. Но не обещаю. Я ведь всё-таки администратор этой системы. А администраторы всегда врут пользователям, чтобы те не сошли с ума.

Я усмехаюсь. Это хороший знак. Цинизм возвращается. Значит, мы еще поборемся.

Мы идем к машине, и я чувствую, как ритм моего сердца синхронизируется с тиканьем часов на приборной панели. Мы в игре. И правила этой игры мы узнаем по ходу заплыва.

Статус: в движении.

Угроза: принята.

Плотность: рабочая.

Я нажимаю на газ, и мы растворяемся в огнях города, который еще не знает, что его будущее уже было записано в подвале старой серверной. И что мы - те самые люди, которые собираются это будущее взломать.

ГЛАВА 9: РИТУАЛЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Воздух на улице кажется слишком густым, почти осязаемым. После стерильной, пересушенной кондиционерами атмосферы серверной, ночной город наваливается на легкие как толща воды на глубине четырех метров. Мои плечи каменеют, гипертонус мышц привычно зажимает шею. Это физиологический отклик на неопределенность. Статус: выход из защищенного периметра. Уровень угрозы: не классифицирован, но потенциально критический. Я иду на полшага впереди Ильи, бессознательно оценивая траекторию движения и возможные точки укрытия. Расстояние до кофейни через дорогу - сорок два метра. В моем темпе это примерно тридцать секунд кролем, если бы асфальт вдруг превратился в голубую дорожку бассейна. Но асфальт серый, мокрый и враждебный.

Илья идет тяжело. Его дыхание сбито, шаг неритмичен. Я слышу, как подошвы его ботинок шаркают по плитке - плохой признак. Потеря координации, падение концентрации. Он все еще переваривает звук собственного голоса из будущего. Для него, человека, привыкшего доверять только логам и коду, это равносильно системному сбою, после которого железо обычно отправляют в утиль. Я чувствую его пани-

ку кожей, она вибрирует в воздухе как низкочастотный гул неисправного трансформатора.

- Нам нужно сесть, - говорю я, не оборачиваясь. Голос сухой, короткий, как щелчок предохранителя.

- Зачем? Нам нужно убираться отсюда, Кира. Ты слышала запись. Там не было рекомендации выпить латте.

- Слышала. Но сейчас твой процессор перегрет. Ты начнешь совершать ошибки. Инцидент превратится в катастрофу из-за человеческого фактора. Кофе - это протокол. Пять минут на стабилизацию.

Я выбираю кофейню с панорамными окнами. Дилетант подумает, что это опасно - мы как на ладони. Профессионал знает: это дает обзор. Никто не подойдет незамеченным. Мы заходим внутрь. Запах пережженных зерен и дешевого сиропа бьет в нос. Для меня это запах контроля. В любой непонятной ситуации возвращайся к базовым физиологическим потребностям. Еда, вода, сон, безопасность. Мы пропускаем последний пункт, значит, нужно усилить остальные.

Я указываю Илье на столик в углу, спиной к стене, лицом к входу. Классика. Он подчиняется механически, как сломанная игрушка. Садится, кладет руки на стол, и я вижу, как дрожат его пальцы. Он пытается это скрыть, сцепляя их в замок, но сухожилия на тыльной стороне ладоней натянута как струны.

- Два двойных эспрессо. Черных. Без сахара, - бросаю я официанту, даже не глядя в меню. Меню - это лишний шум,

мешающий обработке данных.

Официант, парень с сонными глазами и татуировкой в виде штрих-кода на шее, кивает и уходит. Я фиксирую его: рост метр восемьдесят, вес около семидесяти, правша. Не опасен. Пока что.

- Ты всегда такая? - Илья наконец поднимает на меня глаза. В них больше нет того холодного технического превосходства, которое я видела в серверной. Только выжженная пустота и остатки иронии, которыми он пытается прикрыть дыру в своей картине мира.

- Какая - такая?

- Как будто у тебя в голове постоянно работает счетчик Гейгера. Или ты ждешь, что сейчас из-за стойки выскочит ниндзя. Это утомляет, Кира. Просто смотреть на тебя утомляет.

Я чувствую, как губы стягивает сухая усмешка. Он прав. Это утомляет и меня. Но это цена, которую я плачу за то, что еще не захлебнулась. Моя мышечная память помнит не только хлорку и стартовые тумбы. Она помнит ту секунду в юности, когда я расслабилась. Когда я решила, что крик в темноте - это просто чья-то дурацкая шутка. Девочка из соседнего подъезда тогда не вернулась домой. Я стояла в десяти метрах и поправляла наушники. С тех пор мой внутренний оператор никогда не уходит на перерыв.

- Это называется ситуационная осведомленность, - отвечаю я, наблюдая за тем, как официант ставит перед нами

чашки. - И это единственная причина, по которой мы сейчас обсуждаем твой экзистенциальный кризис в тепле, а не лежим в кювете. Пей.

Илья берет чашку. Обжигается. Морщится. Его лицо постепенно обретает краски.

- Это бред, - шепчет он, глядя в темную жижу. - Тот голос... Это был я. Но я этого не говорил. Я не мог этого сказать. У меня в голове нет таких слов. "Береги ее". Ты серьезно? Я никого не берегу, Кира. Я администратор системы. Моя работа - следить, чтобы пакеты данных доходили из точки А в точку Б. Люди - это просто шум в канале.

- Шум заговорил, Илья. И он знает твой пароль от корня.

- Не иронизируй. Это не помогает.

- Наоборот. Это единственное, что помогает не сойти с ума, когда реальность начинает напоминать фильм категории Б. Посмотри на меня.

Он поднимает взгляд. Я начинаю свой ритуал. Я беру салфетницу и сдвигаю ее ровно на два сантиметра вправо. Затем поправляю ложку на блюде так, чтобы она лежала параллельно краю стола. Пересчитываю пакетики с сахаром в вазочке. Их семь. Нечетное число. Плохо. Я достаю один и кладу его в карман. Шесть. Четность - это порядок.

- Что ты делаешь? - Илья смотрит на мои руки с легким отвращением.

- Микродействия. Моя методика. Когда мир рушится, нужно контролировать то, что поддается контролю. Рассто-

яние между чашкой и краем стола. Количество вдохов в минуту. Плотность узла на шнурках. Если я могу выстроить эти мелкие детали в идеальную линию, значит, я еще в игре. Это создает иллюзию безопасности, которая со временем становится фундаментом для реальных действий.

Илья издает короткий, лающий смешок.

- Это суеверие, Кира. Психоз, завернутый в обертку из профессиональной деформации. Ты пытаешься лечить системную ошибку переключением вилок. Это как если бы я пытался остановить хакерскую атаку, протирая монитор тряпкой.

- Называй как хочешь. Но пока ты высмеиваешь мои вилки, ты перестал дрожать. Заметил?

Он замирает. Смотрит на свои руки. Пальцы действительно неподвижны. Он делает большой глоток кофе, морщится от горечи. В его глазах вспыхивает прежний огонек - злой, расчетливый. Хорошо. Циник вернулся в здание. С циником я смогу работать. С испуганным мальчиком, который услышал привидение - нет.

- Ладно, - говорит он, ставя чашку. Стук керамики о дерево звучит как выстрел. - Допустим, мы принимаем это как факт. Запись подлинная. Технически это невозможно, но эмпирически подтверждено. Значит, у нас есть временная петля или какой-то вид предсказательного алгоритма, который научился имитировать звук. Что дальше по твоему протоколу?

- Дальше - анализ контекста. На записи ты сказал: "Начинайте бежать". Ты не сказал "уйди", не сказал "спрячься". Бежать - это процесс, подразумевающий преследование. Значит, за нами уже идут. Или пойдут в ближайшее время. Статус: активная фаза инцидента.

- Кто? Кто может стоять за этим? "Система"? Это просто софт, Кира. У софта нет ног, он не может гнаться за тобой по улице.

- У софта есть пользователи. И у софта есть владельцы. Ты сам сказал, что администраторы всегда врут. Кому ты врешь, Илья? Кому ты подчиняешься?

Он откидывается на спинку стула. В его позе появляется что-то оборонительное. Он скрещивает руки на груди - классический блок. Я чувствую запах его страха, смешанный с запахом дорогого парфюма и серверной пыли. Он боится не только записи. Он боится того, что я могу залезть ему под кожу.

- Я работаю на корпорацию, чье название тебе ничего не скажет, - быстро говорит он, слова вылетают как пули из пулемета. - Мы занимаемся обработкой больших данных. Прогнозные модели для рынков, логистика, иногда - государственные контракты. Ничего магического. Чистая математика. Если "Система" выдала такой результат, значит, в нее загрузили данные, которые мы не видели. Кто-то скормил ей наши психопрофили, наши привычки, наши маршруты... и она просто экстраполировала будущее.

- И голос? Она экстраполировала твой голос через три недели? - я подаюсь вперед, сокращая дистанцию. Воздух между нами становится плотным, как вода перед грозой. - Илья, не держи меня за дуру. Я слышу ложь. Твои связки напрягаются, когда ты пытаешься выдать эту версию. Голос на записи был не просто звуковым файлом. Там была одышка. Там был страх. Алгоритмы так не ошибаются. Они слишком идеальны. А ты там был... живым. И надломленным.

Он молчит. Секунду, две, три. В кофейне кто-то смеется. Девушка за соседним столиком фотографирует свой десерт. Обычная жизнь течет мимо нас, ленивая и безопасная. Они не слышат тиканья часов, которые отсчитывают время до нашего конца. Или до нашего начала.

- Мой отец всегда говорил, - Илья начинает медленно, и его голос меняется. Он становится глубже, в нем появляется какая-то старая, застарелая боль. - Звук - это самый простой инструмент взлома. Если ты можешь заставить человека слушать, ты можешь заставить его верить. Он имитировал сердечные приступы, когда мать хотела уйти. Он падал на пол, задыхался, издавал эти жуткие хрипы... и она оставалась. Каждый раз. Я вырос в доме, где крик не означал боль, а шепот не означал нежность. Это были просто скрипты. Поэтому я ушел в код. Код не имитирует. Он либо работает, либо нет.

Я смотрю на него и вижу не самоуверенного айтишника, а того самого ребенка, который стоит в коридоре и слушает

фальшивые стоны за дверью. Мой внутренний критик фиксирует: уязвимость обнаружена. Но я не использую ее для удара. Мы в одной связке. Его травма - это его броня, как и моя.

- Твой отец был мастером манипуляций, - говорю я мягче.
- Но эта запись... Она не манипуляция. Она предупреждение. Тот ты, из будущего, он не пытался тебя заставить что-то сделать ради своей выгоды. Он звучал как человек, который уже проиграл и пытается спасти хотя бы тебя. И меня.

- И это пугает меня больше всего, - отрезает Илья. - Если я из будущего сдался, то какие шансы у меня нынешнего? Я ненавижу проигрывать, Кира. Особенно самому себе.

Он снова берется за кофе, но чашка уже пуста. Он смотрит на дно, как будто надеется найти там ответы в кофейной гуще. Я чувствую, как мое тело начинает вибрировать. Это не страх. Это адреналин. Сигнал к старту. Я чувствую, что мы засиделись. Безопасность этого места - иллюзия, которая начала истончаться.

- Нам пора, - я встаю. Мои движения резкие, точные. - Нужно сменить локацию. У тебя есть место, где нет камер, нет умных домов и нет доступа к сети?

- В этом городе? Ты шутишь? Здесь даже у мусорных баков есть IP-адреса.

- Значит, найдем такое место. Движение - это жизнь. Как только мы замираем, мы становимся мишенью.

Я поднимаю руку, призывая официанта. Тот самый парень

со штрих-кодом на шее подходит к нам. Он движется как-то слишком плавно, почти бесшумно. Мой внутренний радар выдает предупреждение: изменение паттерна поведения. Пять минут назад он был сонным и неуклюжим. Сейчас его движения сфокусированы.

- Счет, пожалуйста, - говорю я, прикрывая ладонью телефон на столе.

- Конечно. Секунду.

Он лезет в карман фартука, достает терминал и небольшой квиток. Кладет его на стол перед Ильей. Я внимательно слежу за его руками. Пальцы длинные, чистые, без следов кофе или работы на кухне. Слишком чистые для официанта в ночную смену.

- Спасибо, - Илья тянется за кошельком.

- Пожалуйста. Приятного вечера. И... осторожнее на дорогах. Ночью видимость обманчива.

Официант разворачивается и уходит в сторону служебного входа. Я не спускаю с него глаз, пока он не скрывается за дверью. Что-то не так. Фраза про видимость - это не просто вежливость. Это маркер.

- Кира, ты чего застыла? - Илья берет счет. - Расплатимся и пойдем. Я знаю одну старую квартиру в районе промзоны, она оформлена на подставное лицо, там даже электричество через раз работает...

Он замолкает на полуслове. Я вижу, как его лицо бледнеет. Нет, оно не просто бледнеет, оно становится серым, как

пепел. Его глаза расширяются, фиксируясь на чеке.

- Что там? - я делаю шаг к нему, мгновенно переходя в режим "инцидент".

Он не отвечает. Просто медленно переворачивает термо-бумагу обратной стороной ко мне.

На белом поле, под списком заказанных позиций, от руки, быстрым, размашистым почерком написано всего пять слов. Чернила еще не совсем просохли, они слегка размазаны по краям, словно тот, кто писал, очень торопился.

ХВАТИТ СЛУШАТЬ, НАЧИНАЙТЕ БЕЖАТЬ.

Мир вокруг меня замирает. Звук работающей кофемашины превращается в гул турбины самолета. Я чувствую, как легкие сжимаются, требуя кислорода. Это не вода. Это вакуум. Мой мозг мгновенно обрабатывает информацию.

Объект: официант.

Действие: передача сообщения.

Источник сообщения: неизвестен, но содержание совпадает с записью.

Статус: компрометация периметра.

Угроза: немедленная.

- Илья, вставай, - мой голос звучит как команда на тренировке, не допускающая возражений. - Спокойно. Без резких движений. К выходу.

- Но как... как он узнал? Откуда он... - Илья заикается, его логическая броня рассыпалась в прах.

- Неважно. Дыши. Просто дыши и иди за мной.

Я хватаю свою сумку, не глядя, нащупываю в кармане ключи от машины. Мы выходим из-за стола. Я чувствую спиной взгляды немногих посетителей, но не оборачиваюсь. Мой фокус - дверь. Стеклянная преграда между нами и улицей.

Мы толкаем дверь и выходим в прохладную сырость ночи. Город все тот же, но теперь он кажется огромным механизмом, который только что лязгнул затвором, запирая нас внутри.

- В машину? - шепчет Илья. Его трясет. Теперь по-настоящему.

- Нет. Машина - это маячок. Ее отследят по камерам за три минуты. Нам нужно в метро, пока оно не закрылось. Или в подворотни. Нам нужно исчезнуть из цифрового поля.

Я оглядываюсь на окна кофейни. Официанта нигде не видно. Зато у входа стоит черный седан с работающим двигателем. Фары выключены, но из выхлопной трубы идет легкий пар. Этого седана не было здесь, когда мы входили.

- Иди, - я толкаю Илью в плечо, направляя его в сторону узкого переулка между домами. - Быстро. Не беги, не привлекай внимания, просто быстрый шаг. Как будто ты опаздываешь на свидание.

Мы ныряем в темноту переулка. Запах мусора, мокрого кирпича и страха. Мои мышцы горят, готовые к рывку. Я чувствую, как плотность воздуха вокруг нас нарастает. Это больше не город. Это бассейн с акулами, и мы только что

пустили кровь.

- Кира, - Илья хватает меня за рукав, останавливая. - Тот парень... официант. У него на шее был штрих-код.

- Я видела. И что? Сейчас у каждого второго такие татуировки.

- Это не татуировка. Это маркировка сотрудников технического департамента моей компании. Но я никогда не видел его в офисе. Это значит, что "Система" - это не только код. Это люди, которые встроены в структуру города так глубоко, что мы их не замечаем, пока они не принесут нам счет.

Я смотрю на него, и в моей голове окончательно складывается пазл. Мой внутренний критик замолкает, уступая место чистому инстинкту выживания.

- Значит, они не просто наблюдают, - говорю я, чувствуя, как адреналин достигает пика. - Они играют с нами. И записка была не предупреждением. Она была стартовым pistolетом.

- И что теперь?

- Теперь мы делаем то, что нам велели. Мы начинаем бежать. Но по моим правилам.

Я слышу, как в начале переулка хлопает дверь машины. Тяжелый, качественный звук закрывающегося немецкого авто. Затем - шаги. Размеренные, уверенные. Не один человек. Двое. Может, трое.

Я закрываю глаза на долю секунды, вызывая в памяти карту района. Мы в ловушке, если пойдем прямо. Впереди ту-

пик с высоким забором. Справа - запертые двери складов. Слева - старая пожарная лестница.

- Наверх, - шепчу я, указывая на ржавое железо, уходящее в небо.

- Ты с ума сошла? Я высоты боюсь.

- Выбирай: высота или те ребята с маркировкой на шее. У тебя пять секунд, Илья. Время пошло.

Я не жду его ответа. Я прыгаю, цепляясь за нижнюю перекладину. Металл холодный и скользкий, но мои руки, привыкшие к многочасовым тренировкам, держат крепко. Я подтягиваюсь, чувствуя, как работают широчайшие мышцы спины. Это знакомое чувство силы дает мне секундную вспышку уверенности.

Илья, чертыхаясь под нос, следует за мной. Он неуклюж, он задевает ногами стену, он дышит так громко, что, кажется, его слышно на другом конце города. Но он лезет. Страх - отличный мотиватор, даже для тех, кто верит только в алгоритмы.

Мы забираемся на первый уровень, когда тени внизу входят в переулочек. Я прижимаюсь к стене, становясь частью тени. Илья замирает рядом, я чувствую его лихорадочный пульс даже через куртку.

Внизу останавливаются двое. На них серые неприметные куртки, в руках - какие-то приборы, похожие на планшеты. Они не кричат "стой, стрелять буду". Они вообще не издают ни звука. Один из них поднимает планшет, и я вижу синева-

тое свечение экрана.

- Сигнал здесь обрывается, - доносится негромкий голос. Спокойный, будничный голос человека, который обсуждает покупку хлеба. - Они ушли в "серую зону".

- Проверь тепловизор. Они не могли уйти далеко.

Я задерживаю дыхание. Это упражнение я отработывала годами. Вход на три счета, задержка на семь, выдох на восемь. Мое тело переходит в режим энергосбережения. Сердце замедляется. Я становлюсь неодоушевленным предметом.

Илья пытается сделать то же самое, но его легкие горят. Я вижу, как он борется с желанием кашлянуть. Я кладу руку ему на плечо, сжимая чуть сильнее, чем нужно. Передаю ему свой покой. Мою холодную, расчетливую уверенность пловца, который знает, что кислорода хватит до конца дистанции.

Люди внизу медлят. Один из них делает шаг к лестнице, и мое сердце делает лишний толчок. Статус: критический. Если он посмотрит вверх, мы станем мишенями в тире.

Но в этот момент где-то в конце улицы раздается грохот перевернутого бака и визг кошки. Тени мгновенно разворачиваются в сторону шума.

- Там. Движение.

Они срываются с места, исчезая в темноте так же бесшумно, как появились.

Я жду еще минуту. Считаю до шестидесяти. Медленно. Каждая секунда - это удар капли воды о кафель бассейна.

- Ушли? - шепчет Илья. Его голос дрожит.

- На время. Они вернуться, как только поймут, что кошка - это не мы. Нам нужно на крышу. Оттуда можно перейти на соседнее здание и спуститься в другом квартале.

Мы продолжаем подъем. Ржавое железо стонет под нашим весом, и каждый скрип кажется мне громом. Мы выбираемся на плоскую крышу, покрытую старым рубероидом. Город отсюда выглядит иначе. Тысячи огней, которые теперь кажутся глазами хищника.

Илья падает на колени, жадно хватая ртом воздух. Его лоб блестит от пота, волосы слиплись. Он выглядит так, будто пробежал марафон.

- Кира... это не может быть правдой. Это какая-то... до-полненная реальность. Психологический эксперимент. Скажи мне, что это тест для сотрудников безопасности.

Я подхожу к краю крыши, глядя вниз на пустую улицу. Черный седан все еще стоит у кофейни. Его фары внезапно вспыхивают, разрезая тьму двумя холодными мечами.

- Это не тест, Илья. Тесты не присылают записки от тебя самого из будущего. И в тестах не используют тепловизоры для охоты на своих коллег.

Я поворачиваюсь к нему. В свете далеких рекламных щитов его лицо кажется маской.

- Теперь ты понимаешь, почему я занимаюсь микродействиями? Почему я считаю пакетики с сахаром?

- Потому что ты знала... - он осекается. - Ты всегда знала, что этот день настанет. Что мир перестанет быть логичным.

- Я знала, что хаос всегда побеждает, если у тебя нет алгоритма борьбы с ним. Мой алгоритм - выжить. Твой был - понять. Сейчас нам придется их объединить.

Я подхожу к нему и протягиваю руку.

- Вставай, админ. Нам нужно найти ту твою квартиру в промзоне. И молись, чтобы там действительно не было электричества. Потому что сейчас любой вольт - это предатель.

Он берет мою руку. Его ладонь холодная, но хватка крепкая. В нем что-то ломается и перестраивается. Циник умирает, уступая место игроку.

- Знаешь, что самое паршивое? - говорит он, поднимаясь.

- Что?

- Я так и не допил тот кофе. А он был чертовски дорогим.

Я усмехаюсь. Это хороший знак. Если он еще может шутить о деньгах, значит, его процессор еще не сгорел.

- Я куплю тебе целый мешок кофе, когда мы выберемся из этой записи. Обещаю.

- Ловлю на слове.

Мы идем по крыше, перепрыгивая через вентиляционные шахты. Мы - две точки на огромной карте, за которыми следит невидимое око. Но пока мы в движении, пока мы меняем ритм и траекторию, мы существуем.

Статус: в бегах.

Угроза: активное преследование.

Плотность: запредельная.

Я чувствую, как в моих легких снова появляется место

для вдоха. Мы еще не победили. Мы даже не начали бороться по-настоящему. Но мы вышли из зоны поражения первой волны. И теперь я точно знаю: тот голос на записи не врал. Мы действительно должны бежать. И мы будем бежать, пока у нас не кончится воздух. Или пока мы не найдем способ переписать этот гребаный сценарий.

Мы доходим до края крыши соседнего здания. Внизу - темный двор, заставленный строительными лесами.

- Прыгаем? - спрашивает Илья, глядя в бездну.

- Нет. Спускаемся по лесам. Прыжки - это для кино. В реальности мы просто переломаем ноги.

Я первая встаю на шаткую конструкцию. Металл дрожит под ногами. Я чувствую себя так, будто стою на трехметровой вышке перед прыжком в воду, которой нет. Только темнота и ожидание.

- Илья, - говорю я, не глядя на него.

- Что?

- Тот официант... он ведь не просто так передал записку.

Он мог нас сдать прямо там.

- Значит, в "Системе" есть те, кто на нашей стороне. Или те, кто ведет свою игру.

- Или это часть алгоритма, - шепчу я себе под нос. - Часть ритуала, который мы обязаны пройти.

Мы начинаем спуск. Город дышит нам в спину холодным ветром, и я точно знаю: завтрашний день уже наступил. И нам в нем очень не рады. Но у меня в кармане шестой паке-

тик сахара, а в голове - четкий ритм заплыва. Раз-два. Вдох.
Раз-два. Гребок. Мы еще поборемся за свою воду.

ГЛАВА 10: ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Ботинки бьют по асфальту с глухим звуком, который в пустом дворе разлетается рикошетом от кирпичных стен. Мы только что слезли с лесов, и мои пальцы до сих пор хранят холод ржавого металла и запах влажной строительной пыли. Это было непрофессионально - спускаться вот так, на виду у всех окон, но прыгать в темноту было бы еще глупее. У меня в плечах поселился привычный спазм, мышцы забились, как после долгой серии спринтов на спине. Илья идет впереди, его походка быстрая, нервная, он постоянно поправляет рукав куртки, будто проверяет, на месте ли его невидимые датчики.

- Машина за углом, - бросает он через плечо. Голос сухой, лишенный интонаций, как зачитанный вслух лог ошибок. - Если там "хвост", мы его увидим на выезде.

Я не отвечаю. Лишние слова - это лишний расход кислорода. Мой внутренний протокол переключился в режим Инцидент. В этом состоянии мир сужается до простых геометрических фигур и векторов движения. Воздух стал плотным. Я чувствую это кожей, как чувствуешь воду, когдаходишь в нее на большой скорости - она перестает быть жидкостью и превращается в податливый, но упрямый бетон. Мы ныряем в узкий проход между домами. Под ногами хрустит битое стекло, и этот звук кажется мне оглушительным, как старто-

вый пистолет.

Его Ауди стоит в тени, припаркованная носом к выезду. Профессионально. Илья снимает сигнализацию, и фары на секунду разрезают темноту двора. Я запрыгиваю на пассажирское сиденье, фиксируя время: 02:44. Мое тело автоматически оценивает эргономику салона: ремень безопасности, замок двери, расстояние до лобового стекла. Я проверяю свои ладони - сухие. Это хорошо. Если ладони потеют, ты теряешь контроль над гребком.

- Пристегнись, - Илья уже заводит мотор. Двигатель не ревет, он ровно гудит, обещая мощность. - Мы не поедем через центр. Пойдем по набережной, там меньше камер, которые они контролируют.

- Кто - они? - спрашиваю я, пристегиваясь. Металлическая защелка щелкает, как затвор. Статус: зафиксирована.

- Те, кто считает, что имеют право редактировать наше завтра, - он резко включает заднюю передачу, разворачивается на пяточке и вылетает из двора.

Я смотрю в боковое зеркало. Мой слух настроен на частоту помех. В операторской я научилась слышать тишину между словами, в которой прячется правда. Сейчас я слышу, как Илья дышит - часто, поверхностно. Он боится, хотя его лицо выглядит как маска из холодного пластика. Цифры на приборной панели светятся неоновым синим, отражаясь в его зрачках.

Мы выезжаем на пустую улицу. Фонари проносятся мимо

ритмично, как разделительные поплавки на дорожке в бассейне. Раз, два, вдох. Раз, два, поворот. Я привыкла мерить жизнь дистанциями. Четыреста метров - это больно. Восемьсот - это уже вопрос религии. А город ночью - это бесконечный заплыв в мутной воде, где ты не видишь дна.

- За нами, - говорю я через три минуты. Мой голос звучит чужим, механическим.

- Где? - Илья бросает короткий взгляд в зеркало заднего вида.

- Черный внедорожник. Выехал из переулка через сорок секунд после нас. Держит дистанцию пятьдесят метров. Номера не читаются, фар нет, только габариты.

- Может, просто полуночник, - Илья прибавляет газ, но я чувствую, как его пальцы сильнее сжали руль. Суставы побелели.

- Нет. Он повторил наш маневр на перекрестке с нарушением правил. Это не случайность. Это захват цели.

Илья молчит. Он проверяет систему, как он всегда делает. Я вижу, как он нажимает что-то на сенсорном экране, выводит карту, какие-то графики. Для него этот мир состоит из данных. Для меня - из плотности сопротивления.

- Попробуем уйти через складскую зону, - он резко дергает руль вправо. Шины взвизгивают, и меня вжимает в дверь.

Физиологическая реакция: выброс адреналина, частота сердечных сокращений около ста десяти, мышечный тонус в норме. Я не чувствую страха в его классическом понима-

нии. Страх - это когда ты не знаешь, что делать. А я знаю. Я должна фиксировать.

Внедорожник не отстает. Он идет за нами, как тень, плавно и неотвратно. В его движениях есть что-то хищное, лишнее человеческой суеты. Тот, кто сидит за рулем, знает эту машину и этот город лучше, чем Илья.

- Он сокращает, - замечаю я. - Дистанция тридцать метров.

- Вижу, черт возьми, я вижу! - Илья срывается на крик, и тут же осекается. Его маска циника треснула. Ему не нравятся ситуации, которые нельзя решить перепрошивкой кода. - Они не должны были так быстро нас вычислить. Записка официанта... это была ловушка.

- Или тест, - поправляю я. - Тест на скорость реакции.

Мы влетаем в лабиринт промзоны. Здесь нет фонарей, только редкие лампы над входами в ангары. Стены из профнастила отражают звук нашего мотора, множат его, создавая иллюзию, что нас преследует целая стая. Мои плечи горят. Я хочу сорвать этот ремень, выскочить из машины и поплыть - быстро, до разрыва легких, туда, где вода скроет меня от этого преследования. Но воды нет. Есть только сухой, пыльный воздух и запах перегретого железа.

Илья маневрирует между фурами, припаркованными у обочин. Его вождение - это хаос, замаскированный под расчет. Он пытается запутать след, но черный внедорожник повторяет каждый изгиб нашего пути с пугающей точностью.

Как будто между нашими машинами натянут невидимый трос.

- Кира, посмотри в бардачке, - быстро говорит он. Его голос снова стал плоским. - Там должен быть планшет. Синий чехол.

Я нахожу его за секунду. Мои пальцы работают быстрее мыслей. Статус: предмет найден.

- Включи. Пароль - дата моего первого взлома, 0410.

- Я не знаю дат твоих взломов, Илья. Давай по делу.

- Черт. 0-4-1-0. Заходи в приложение Спектр. Там поток с камер наружного наблюдения, которые я успел перехватить. Мне нужно знать, что на следующем перекрестке.

Я открываю приложение. Экран слепит меня своей яркостью. Картинка дергается, зернистая, черно-белая. Я вижу нашу машину сверху - маленькое светлое пятно, убегаящее от большого темного.

- На следующем повороте тупик, - говорю я, глядя на экран. - Там ремонт дороги, разрыта траншея. Тебе нужно уходить левее, через дебаркадер.

- Там проезд закрыт воротами!

- Тарань их. Или мы станем частью статистики ДТП в этом районе.

Илья стискивает зубы. Я слышу скрежет его зубов даже сквозь гул мотора. Это звук предельного напряжения. Мы вылетаем на открытую площадку. Впереди - массивные железные ворота, запертые на цепь. В зеркале заднего вида

внедорожник включает дальний свет. Ослепительно белый поток заливает салон, превращая все в сюрреалистическую сцену из дешевого боевика. Но это не кино. У меня во рту вкус меди - я прикусила щеку на повороте.

- Держись! - кричит Илья.

Я вжимаюсь в кресло, группируюсь, как перед прыжком с тумбы. Подбородок к груди, мышцы пресса напряжены. Удар.

Грохот рвущегося металла, звон цепей, машину подбрасывает так, что я едва не бьюсь головой о потолок. Мы пролетаем сквозь ворота, оставляя за собой облако искр. Илья не сбавляет скорость. Мы на территории какого-то старого завода. Здесь пахнет мазутом и заброшенностью.

- Статус? - спрашиваю я, переводя дыхание.

- Радиатор цел, подвеска вроде тоже, - Илья быстро глядит на приборы. - Но мы у них как на ладони.

Я смотрю на планшет. Внедорожник не стал таранить ворота. Он остановился перед ними. На зернистом экране видно, как из него выходят двое. Высокие, в темной одежде. Они не бегут. Они просто стоят и смотрят нам вслед.

- Они остановились, - передаю я. - Почему они остановились?

- Потому что им не нужно нас догонять, - Илья резко тормозит, и машина замирает посреди пустого цеха с выбитыми окнами. - Они уже сделали то, что хотели.

- И что же они хотели?

Илья не отвечает. Он медленно опускает руки с руля. Его пальцы дрожат. Это мелкий, едва заметный тремор, который он пытается скрыть, сжимая кулаки.

- Посмотри на время, Кира.

Я смотрю на часы. 02:59.

- И что?

- На записи, которую ты слышала... на той самой записи из будущего... в этот момент я должен был сказать фразу про мост. Помнишь?

Я помню. Каждое слово из той записи выжжено в моей памяти, как хлорка выжигает слизистую глаз после трехчасовой тренировки. - Мы не доедем до моста, Кира. Система нас видит. - Это был твой голос. Спокойный и обреченный.

- Мы сейчас не на мосту, - говорю я, пытаюсь вернуть логику в это безумие. - Мы в заброшенном цеху. Алгоритм нарушен. Мы свернули не туда.

- Или они заставили нас свернуть именно сюда, - Илья поворачивается ко мне. Его лицо в полумраке кажется серым. - Ты не понимаешь. Мост - это не место. Это состояние. Это точка невозврата.

Я чувствую, как плотность воздуха вокруг меня зашкаливает. Мне трудно сделать вдох. Это не астма, это психосоматика, моя старая травма вылезает наружу, напоминая о том дне, когда я не услышала крик, потому что была слишком занята своим ритмом. Я тогда тоже думала, что контролирую ситуацию. Что я - лучшая, что я - оператор своей жизни.

- Выходи из машины, - говорю я. Мой голос звучит резко, как команда тренера.

- Что? Зачем?

- Выходи. Нам нужно сменить среду. Здесь мы заперты в консервной банке.

Мы выходим. Ночной воздух завода кажется еще более холодным и колючим. Под ногами бетонная крошка и какой-то мусор. Тишина здесь такая абсолютная, что я слышу, как остывает двигатель Ауди - щек, щек, щек. Металл сжимается. Мы тоже сжимаемся.

Я подхожу к краю платформы, с которой когда-то отгружали продукцию. Внизу - железнодорожные пути, заросшие травой. Город где-то там, за горизонтом бетонных коробок, светится тусклым маревом.

- Ты слышишь? - шепчет Илья, подходя сзади.

- Что?

- Звук. Как будто... гудение.

Я прислушиваюсь. Обостренный слух оператора, привыкшего вычленять шепот из грохота помех, фиксирует низкочастотный гул. Он идет не снаружи. Он идет отовсюду. Будто сама земля под нами превратилась в огромный сервер, который работает на пределе возможностей.

- Это город, Илья. Он никогда не спит. Трансформаторы, метро, вентиляция.

- Нет. Это не город. Это сигнал.

Он вытаскивает свой телефон и смотрит на экран. Я за-

глядываю через его плечо. На дисплее нет сети. Совсем. Но при этом по экрану бегут строки кода, бесконечные колонки цифр, которые сменяют друг друга с такой скоростью, что человеческий глаз не успевает их зафиксировать.

- Они взломали устройство? - спрашиваю я.

- Нет, - Илья качает головой, и в его голосе я слышу настоящий, неподдельный ужас. - Они взломали реальность. Это не мой код. Это вообще не человеческий код.

Я чувствую, как у меня по спине пробегает холод. Мои мышцы сокращаются в непроизвольном спазме. Это предстартовая лихорадка, но без надежды на финиш. Я смотрю на свои руки и вижу, что они слегка светятся в темноте. Или это просто блики от экрана?

- Нам нужно идти, - говорю я, хватая его за локоть. Мои пальцы впиваются в его куртку. - Илья, слышишь меня? Нам нельзя здесь оставаться. Это ловушка. Помнишь, что ты сказал на записи? Система нас видит. Если мы будем стоять на месте, она нас поглотит.

Он смотрит на меня, и я вижу в его глазах ту самую измотанность, которую так долго скрывала сама. Он хочет, чтобы кто-то принял решение за него. Чтобы кто-то сказал: делай раз, делай два. Его вера в цифры рухнула, и теперь он просто напуганный мальчик, который понял, что отец-инженер был прав - звук может быть инструментом взлома. А тишина - это самый опасный звук.

- Куда идти? - спрашивает он.

- Туда, где нет камер. Вниз, на пути. По путям можно выйти к реке. Вода экранирует многие сигналы. К тому же, там нет датчиков движения, только старое железо.

Мы спускаемся с платформы. Прыжок на гравий отдается болью в коленях. Я фиксирую: инцидент продолжается, статус - бегство. Мой внутренний критик фиксирует каждую секунду промедления. Мы идем по шпалам, спотыкаясь в темноте. Илья дышит мне в затылок.

- Почему ты мне помогаешь? - вдруг спрашивает он. Его голос в этой пустоте звучит слишком громко. - Я ведь обвинял тебя. Думал, что ты - часть Системы.

- Потому что я слышала твой голос на записи, - отвечаю я, не оборачиваясь. - Ты там звучал так, будто тебе нечего терять. А я знаю это чувство. Когда ты уже проиграл главный заплыв в своей жизни, тебе становится все равно, насколько холодная вода в следующем. Ты просто прыгаешь, потому что стоять на бортике еще больнее.

- Ты про тот случай десять лет назад? - он знает. Конечно, он пробил мою биографию до самого дна.

- Да. Я не услышала крик. Я думала, это шутка. Я классифицировала угрозу как ложную. И человек погиб. С тех пор я не верю своим ушам, Илья. Я верю только протоколам. Но сейчас... сейчас протоколы молчат.

Мы идем молча еще минут десять. Рельсы уводят нас все дальше от завода, в сторону реки. Воздух становится влажным, и мне становится легче дышать. Моя стихия близко.

Вода не врет. Она просто есть. Она принимает тебя любой, если ты умеешь с ней договариваться.

Вдруг Илья останавливается и хватает меня за плечо.

- Смотри, - он показывает назад, на завод.

Над крышей цеха, где мы оставили машину, поднимается странное свечение. Оно не похоже на пожар. Это ровный, мертвенно-бледный свет, пульсирующий в такт тому самому гулу, который мы слышали. А потом свет просто гаснет. И вместе с ним исчезает гул.

Я вытаскиваю свой телефон. Сети по-прежнему нет, но время... время на экране замерло. 02:59.

- Мои часы показывают три ночи, - я смотрю на механический циферблат на запястье. - Илья, время расходится.

- Это не время расходится, - он садится прямо на рельс, обхватив голову руками. - Это мы выпали из потока. Они нас вырезали, Кира. Как битый сектор на диске. Мы здесь, но нас нет для Системы.

- Это же хорошо? Значит, они нас не видят.

- Это значит, что они могут сделать с нами что угодно, и никто не зафиксирует инцидент. Нет логов - нет преступления.

Я подхожу к нему и кладу руку на плечо. Его мышцы твердые, как камень. Гипертонус. Я знаю, как это лечится. Нужно просто начать двигаться.

- Вставай. Нам нужно к реке. Если мы выберемся к воде, у нас будет шанс.

- Шанс на что? - он поднимает на меня глаза. В них - пустота.

- Шанс доказать, что мы - не битые сектора. Что мы - живые.

Мы продолжаем путь. Рельсы выводят нас к высокому берегу. Внизу течет река, черная и блестящая, как расплавленный битум. Она кажется неподвижной, но я знаю, какое там течение. Сильное, коварное, с водоворотами у опор старого моста. Того самого моста, до которого мы якобы не должны были доехать.

И тут я вижу его.

Черный внедорожник стоит прямо на берегу, у самой воды. Его фары выключены, но я узнаю этот силуэт. Он не мог оказаться здесь раньше нас. Это физически невозможно. Мы шли по путям, он должен был объезжать полгорода.

- Как? - шепчет Илья.

- Не знаю. Но статус изменился. Теперь это не преследование. Это засада.

Мы замираем в тени густых кустов. Мое тело реагирует мгновенно: задержка дыхания, полная неподвижность. Я оцениваю дистанцию. До машины метров пятьдесят. До воды - тридцать. Если мы побежим, они успеют нас перехватить. Если будем стоять - они нас найдут.

Дверь внедорожника медленно открывается. Из нее выходит человек. Он не похож на тех двоих с завода. Этот ниже ростом, в светлом плаще, который кажется почти белым в

лунном свете. Он делает несколько шагов к воде и останавливается.

- Кира! Илья! - кричит он.

Его голос... я вздрагиваю всем телом. Этот голос я узнаю из тысячи. Это не голос с записи. Это голос, который я слышала в наушниках тысячи раз за последние годы.

- Это мой начальник смены, - шепчу я. - Майор Серов.

- Твой начальник? - Илья смотрит на меня с подозрением.

- Ты сказала, что ты одна в этом.

- Я и была одна! Я не знаю, что он здесь делает. Он должен быть на дежурстве.

Серов стоит у воды и курит. Огонек сигареты пульсирует, как маленькое красное сердце.

- Выходите! - снова кричит он. - Я знаю, что вы там. Не усложняйте. Мы просто хотим поговорить.

- "Мы"? - переспрашивает Илья. - Он сказал "мы".

Я смотрю на внедорожник. Окна тонированы, но мне кажется, что я вижу внутри движение. Плотность воздуха вокруг нас становится невыносимой. Это уже не вода. Это густой кисель, в котором застревает каждое движение.

- Илья, слушай меня внимательно, - я поворачиваюсь к нему, наши лица совсем рядом. - Когда я скажу "старт", ты бежишь к воде. Не к машине, не к Серову. К воде. Прыгаешь и ныряешь как можно глубже.

- Я плохо плаваю, Кира.

- Я тебя вытащу. Просто доверься моему алгоритму.

- Почему ты думаешь, что он нас не застрелит?

- Потому что им нужны не наши трупы. Им нужны мы - как доказательство того, что будущее можно менять. Или как способ его зафиксировать.

Серов бросает сигарету в воду. Она гаснет с едва слышным шипением.

- Кира, я знаю про запись! - его голос меняется, в нем появляется та самая интонация, которую он использует, когда успокаивает самоубийц на линии. - Ты думаешь, ты особенная? Ты думаешь, ты одна слышишь эти звонки? Мы все их слышим. Вся служба 112 - это один большой приемник будущего. Просто ты единственная, кто решил, что это ошибка, а не инструкция.

Я чувствую, как у меня подкашиваются ноги. Весь мой мир, выстроенный на протоколах и правилах, начинает рушиться. Если Серов прав... если вся моя работа была лишь выполнением команд из будущего... то кто я тогда?

- Не слушай его, - Илья сжимает мою руку. Его ладонь теперь горячая и твердая. - Это манипуляция. Он взламывает тебя, Кира. Не звуком, так смыслом.

- Кира, иди сюда, - Серов делает шаг в нашу сторону. - У нас мало времени. В 03:15 этот сектор будет зачищен. Вы должны войти в Систему добровольно. Это единственный способ выжить.

Я смотрю на часы. 03:12. У нас три минуты.

- Старт! - выдыхаю я.

Мы срываемся с места одновременно. Гравий летит из-под ног, ветки бьют по лицу, но я не чувствую боли. Я чувствую только ритм. Раз-два. Раз-два. Мои легкие работают как меха. Илья бежит рядом, он тяжело дышит, он неуклюж, но он не отстает.

- Стоять! - орет Серов.

Я слышу хлопок. Это не выстрел, это звук электрошокера или какого-то другого устройства. Мимо моего уха проносится что-то, от чего воздух начинает вибрировать.

- Прыгай! - кричу я Илье.

Мы долетаем до обрыва. Внизу - темная бездна реки. Я не думаю о глубине, о камнях или холоде. Я просто возвращаюсь домой.

Полет кажется бесконечным. Время растягивается, как резиновый жгут. Я вижу лицо Серова - оно искажено не гневом, а каким-то странным сочувствием. Я вижу черный внедорожник, который внезапно начинает... растворяться? Нет, это невозможно. Он просто теряет четкость контуров, превращаясь в скопление пикселей.

А потом - удар.

Вода принимает меня жестко. Это не ласковое прикосновение бассейна, это столкновение с реальностью. Холод прошивает тело до костей, выбивая остатки воздуха из легких. Я ухожу глубоко вниз. Пузырьки воздуха щекочут лицо. Темнота. Тишина.

Я вынырываю через несколько секунд, жадно хватая ртом

воздух. Рядом барахтается Илья. Он бьет руками по воде, уходит под нее, снова появляется. Его глаза полны ужаса.

- Спокойно! - я подплываю к нему, перехватываю под подбородок, как учили на курсах спасателей. - Не дыши водой. Просто держись за меня.

Я разворачиваюсь и начинаю грести к середине реки. Течение подхватывает нас, неся прочь от берега, от Серова, от черного внедорожника. Я работаю одной рукой и ногами, чувствуя, как мышцы наливаются свинцом. Но это хорошая тяжесть. Это тяжесть жизни.

Я оборачиваюсь назад, на берег.

Там никого нет. Пустой берег, освещенный луной. Ни Серова, ни машины, ни следов на песке. Только старый завод на горизонте и густой туман, поднимающийся от воды.

- Где они? - шепчет Илья. Он перестал бороться и просто висит на моей руке, доверив мне свою жизнь.

- Их нет, - отвечаю я. - Их никогда не было в этом моменте.

Я смотрю на свои часы. 03:15.

В этот момент небо над городом озаряется короткой, бесшумной вспышкой. Как будто кто-то нажал на выключатель или перезагрузил сервер. Гул, который преследовал нас, исчезает окончательно. Остается только плеск воды и наше дыхание.

Мы плывем по течению еще долго. Я не чувствую холода, я чувствую только плотность воды, которая теперь кажется мне самой надежной защитой в мире. Я - Кира, бывшая

пловчиха, оператор службы спасения, человек, который не услышал крик десять лет назад. Но сегодня я услышала тишину. И эта тишина сказала мне больше, чем любая запись из будущего.

- Кира, - тихо говорит Илья.

- Что?

- Ты была права. Вода... она действительно экранирует. Я больше не слышу их.

- Кого?

- Себя на записи. Голос в моей голове... он замолчал.

Мы выбираемся на другой берег километра через три. Здесь пологий склон, поросший ивняком. Я буквально вытаскиваю Илью на песок, и мы оба падаем, не в силах пошевелить даже пальцем. Моя одежда весит тонну, тело дрожит от переохлаждения, но внутри у меня странное спокойствие.

Илья лежит на спине, глядя в небо.

- Знаешь, что самое странное? - спрашивает он.

- Что?

- Когда Серов стоял там, на берегу... я посмотрел на камеру дорожного наблюдения, которая висела на столбе рядом с ним.

- И?

- Она не работала. У нее не горел индикатор. Она была мертва. А значит, нас никто не видел. Ни Система, ни Серов... никто.

Я сажусь, обхватив колени руками. Мой внутренний про-

токол пытается классифицировать это событие, но не находит нужной категории. Это не инцидент. Это не угроза. Это... свобода?

Я достаю из кармана мокрый пакетик сахара. Один из тех, что я таскаю с собой как оберег. Сахар внутри превратился в кашу, но я все равно сжимаю его в кулаке.

- Илья, посмотри на свой телефон.

Он достает гаджет. Экран треснул после прыжка, но он светится.

- Сеть появилась, - говорит он удивленно. - Три палки. И время... 03:22.

- А теперь посмотри входящие.

Он нажимает на иконку сообщений. Его лицо бледнеет еще сильнее, чем после купания в ледяной воде.

- Что там? - спрашиваю я.

Он молча протягивает мне телефон. На экране одно новое сообщение. Номер не определен. Текст короткий, рубленый, как мои мысли в режиме протокола:

ОБЪЕКТЫ ВНЕ ЗОНЫ ДОСЯГАЕМОСТИ. СТАТУС: УДАЛЕНО. СЛЕДУЮЩАЯ ТОЧКА - МОСТ. 04:00.

Я смотрю на часы. У нас есть тридцать восемь минут, чтобы решить, хотим ли мы снова стать частью алгоритма или останемся в этой пустоте, где нас больше не существует.

- Мы не поедem к мосту, - говорит Илья. Это звучит не как вопрос, а как утверждение.

- Поедем, - отвечаю я, вставая и протягивая ему руку. -

Но не как жертвы. А как те, кто пришел за ответами.

Мои плечи больше не болят. Мышечная память подсказывает: впереди решающий заплыв. И

ГЛАВА 11: АРХИВЫ БОЛИ

Дождь за стеклом машины превращает город в размытую акварель, где серый мешается с грязно-желтым. Я смотрю на капли, которые срываются с лобового стекла и летят вверх, подчиняясь скорости. Мои плечи забиты так, словно я только что проплыла три километра баттерфляем против течения. Мышцы на загривке превратились в два тугих жгута. Я знаю это состояние. Это гипертонус перед финальным рывком. Когда кислорода в легких уже нет, а до бортика еще вечность. Воздух в салоне кажется плотным, почти осязаемым, как холодная вода в открытом бассейне в октябре.

Илья молчит. Он сжимает руль так, что костяшки пальцев белеют, становясь похожими на обточенную гальку. Его профиль в свете встречных фар выглядит как чертеж, выполненный твердым карандашом. Никаких лишних линий. Никакой мягкости. Он пахнет озоном, мокрой кожей и тем специфическим холодным потом, который выделяет тело, когда мозг уже зафиксировал угрозу, но еще не выбрал стратегию защиты.

- Мы не поедem к мосту, - повторяет он, и его голос в этот раз звучит тише.

- Это я уже слышала. Куда тогда? - Я стараюсь, чтобы мой голос звучал по-операторски плоско. Субъект. Объект. Локация.

- Ко мне. Моя квартира - это единственное место, где я могу гарантировать, что нас не слушают. Хотя теперь я уже ни в чем не уверен.

Он резко сворачивает в переулок, игнорируя знак поворота запрещен. Машину заносит на мокрой брусчатке, и я чувствую этот миг потери сцепления каждой клеточкой кожи. Мое тело реагирует мгновенно: я не вскрикиваю, я просто замираю, превращаясь в монолит. В воде это спасает - если ты не паникуешь, ты сохраняешь плавучесть.

Мы паркуемся во дворе сталинки с высокими, как в sklepe, потолками. Подъезд встречает нас запахом старой пыли и сырого подвала. Лифт ползет вверх со скоростью раненой улитки. Илья нервно барабанит пальцами по металлической панели. Его ритм сбит. Это не четыре четверти, это какая-то ломаная синкопа страха.

- Ты ведешь себя так, будто за нами гонятся призраки, - говорю я, глядя на его отражение в тусклом зеркале лифта.

- Призраки предсказуемы, Кира. Они действуют по канонам жанра. А то, что мы слышали на записи... это математическая аномалия с моим голосом. Это хуже.

Его квартира напоминает не жилье, а серверную, в которую случайно поставили диван. Везде провода, мониторы, какие-то блоки с мигающими светодиодами. Ни одной фотографии, ни одного цветка, ни одной лишней детали, которая могла бы зацепиться за взгляд и напомнить о том, что здесь живет человек. Стерильность как форма протеста.

- Проходи. Кофе не предлагаю, у меня только растворимый, и он на вкус как мазут, - бросает он, направляясь к главному столу, где светятся три огромных монитора.

- Мне не нужен кофе. Мне нужны ответы. Ты сказал, что занимаешься распознаванием голоса. Покажи.

Я сажусь на край жесткого стула, не снимая куртки. Мое тело отказывается расслабляться. Я чувствую, как под лопаткой пульсирует мелкий нерв. Тик. Сигнал системы о перегрузке.

Илья садится в кресло, и его пальцы начинают летать по клавиатуре. Звук механических клавиш заполняет комнату. Щелк-щелк-щелк. Это звучит как метроном.

- Я всю жизнь учусь ловить ложь в звуках, - говорит он, не оборачиваясь. - Мой отец был мастером симуляции. Он мог изобразить сердечный приступ так достоверно, что даже кардиографы, казалось, начинали врать в его пользу. Он манипулировал матерью через интонации. Один обертон - и она бежала за лекарством. Другой - и она плакала полночи. Я вырос в среде, где звук был оружием взлома человеческой психики. Поэтому я ушел в цифру. Цифру нельзя заставить плакать. Она либо есть, либо ее нет.

Он нажимает Enter, и на экранах разворачиваются графики спектрального анализа. Тысячи мелких зазубрин, похожих на кардиограмму сумасшедшего.

- Смотри, Кира. Это запись твоего звонка из будущего. Я прогнал ее через три фильтра. Видишь эти пики? Это не

просто модуляция. Это отпечаток. Мой отпечаток. Но есть одна деталь.

Он увеличивает фрагмент волны.

- Здесь, в районе десяти килогерц, есть микропаузы. Так не дышит живой человек. Так работает алгоритм, который достраивает фразы на основе базы данных. Но база данных - это я. Мои звонки, мои разговоры за последние десять лет. Кто-то скормил нейросети всю мою жизнь.

Я смотрю на эти синие линии и чувствую, как холод пробирается под ребра. Это не просто технология. Это кража личности.

- То есть ты хочешь сказать, что голос на записи - это программа?

- Программа, которая знает меня лучше, чем я сам. Но она делает ошибки. Она слишком идеальна. В живой речи есть мусор: причмокивания, неровные вдохи, микро-запинки. Здесь они имитированы, но ритм слишком математичен.

Илья поворачивается ко мне. Его глаза блестят лихорадочным светом.

- Но есть кое-что еще. Я залез в облачные архивы твоего ведомства. Ты ведь знаешь, что я могу это сделать за пять минут. Я искал пересечения. Почему ты? Почему я? Почему именно сейчас?

Он делает паузу, и в этой тишине я слышу, как гудит холодильник в кухне. Тяжелый, низкий звук, который давит на барабанные перепонки.

- Кира, расскажи мне про дело номер 04-88.

Мое сердце совершает сухой, болезненный толчок. Дыхание перехватывает, как при входе в ледяную воду. Тело помнит. Мышцы живота сокращаются, защищая внутренние органы.

- Откуда ты...

- Я нашел его в твоём личном деле. Оно помечено как закрытое, но с грифом "ошибка интерпретации". Десять лет назад. Ты была оператором на пульте.

Я закрываю глаза. Перед внутренним взором не квартира Ильи, а темный зал диспетчерской. Запах дешевого чая и хлорки. Гарнитура, которая давит на висок.

- Это был звонок в три часа ночи, - говорю я, и мой голос кажется мне чужим, словно он записан на старую пленку. - Девочка. Лет четырнадцать. Она смеялась. Она говорила, что они с друзьями играют в прятки в заброшенном коллере и она не может найти выход. Она хихикала между фразами. Я решила, что это пранк. Подростковая шутка. Я слышала смех, Илья. Я была уверена, что это игра. Я не отправила группу.

Я сглатываю. В горле комом стоит сухая ярость на саму себя, которая не проходит годами.

- Через два часа ее нашли. Она не смеялась. У нее была истерика, перешедшая в стадию паралича голосовых связок. То, что я приняла за смех, было спазматическими вдохами при гипервентиляции. Она задыхалась от ужаса, а ее гортань

выдавала эти звуки. Она умерла от остановки сердца до того, как приехали спасатели, которых вызвал случайный обходчик.

Я открываю глаза. Илья смотрит на меня без жалости. В его взгляде только холодный исследовательский интерес. И это лучше, чем сочувствие. Сочувствие делает меня слабой, а мне нужно быть плотной, как вода.

- Ты выжила в той ситуации профессионально, но сдохла внутри, - констатирует он. - С тех пор ты живешь в режиме вечного дежурства. Ты не пропускаешь ни одного звука. Ты анализируешь каждый вдох собеседника. Ты стала идеальным инструментом. Именно поэтому ты подошла им.

- Кому - им? - я подаюсь вперед. Плечи ноют.

- Тем, кто строит эту систему. Смотри сюда.

Он открывает папку с отсканированными документами из того старого дела. Фотографии с места происшествия. Черно-белые, зернистые. Заброшенный вход в коллектор, ленты оцепления, серые лица понятых.

- Я восстановил эти снимки. Убрал шумы, добавил четкости через нейронку.

Он увеличивает одну из фотографий. На заднем плане, за спинами полицейских, стоит мужчина в длинном пальто. Его лицо частично скрыто тенью от козырька кепки, но подбородок и линия губ видны отчетливо.

- Узнаешь? - спрашивает Илья.

Я всматриваюсь в пиксели. Моя мышечная память реаги-

рует раньше, чем мозг выдает фамилию. Вдоль позвоночника пробегает электрический разряд. Это ощущение старта. Когда ты стоишь на тумбе, пальцы вцепляются в шероховатый край, и ты ждешь сигнала.

- Это... это не может быть он.

- Виктор Аркадьевич. Твой нынешний куратор. Мой начальник в департаменте анализа больших данных, - Илья произносит это медленно, смакуя каждое слово. - Десять лет назад он был рядовым консультантом по психоакустике на том вызове. Он был тем, кто писал заключение о твоей "ошибке интерпретации". Он не уволил тебя. Он тебя сохранил. Как редкий экземпляр.

Я чувствую, как мир вокруг начинает вибрировать. Все эти годы я считала, что он спас мою карьеру, потому что верил в мой потенциал. Он подходил ко мне в коридорах, клал руку на плечо и говорил: "Все ошибаются, Кира. Главное - сделать выводы". И я делала. Я стала параноиком контроля. Я стала лучшей.

- Он не спасал меня, - шепчу я. - Он меня дрессировал.

- Именно. Ты - его идеальный датчик. А я - его идеальный кодер. Он свел нас вместе не сейчас. Он вел нас к этой точке десять лет. Все эти звонки, эти записи из будущего - это не сбой в матрице. Это финальный тест системы. Или начало масштабного внедрения.

Илья встает и начинает ходить по комнате. Его движения резкие, дерганые. Он напоминает запертого в клетке хищни-

ка, который внезапно понял, что прутья решетки - это тоже часть его тела.

- Сообщение про мост в четыре утра. Слышишь? - он замирает.

- Что?

- Тишину. В этой квартире идеальная звукоизоляция, но я слышу, как работает сервер в соседней комнате. Он нагружен. Кто-то удаленно качает данные.

Он бросается к монитору, но экран внезапно гаснет. Затем второй. Третий. Комната погружается в полумрак, освещаемая только тусклым светом уличного фонаря, пробивающимся сквозь дождь.

- Нас отключили, - констатирует Илья. Его голос звучит на удивление спокойно. Это спокойствие человека, который только что увидел дно пропасти, в которую падает.

Я встаю. Моя куртка шуршит в тишине. Каждый звук теперь кажется мне усиленным в сто крат. Я слышу собственное сердцебиение - ровное, тяжелое. Бум. Бум. Бум. Семьдесят ударов в минуту. Я в рабочей зоне.

- Нам нужно уходить. Если они контролируют сеть, они уже знают, что мы вскрыли архив.

- Куда? К мосту? - Илья усмехается. - Это ловушка, Кира. Очевидная, как грабли в мультфильме.

- На мосту в четыре утра будет Виктор Аркадьевич, - говорю я, проверяя обойму своего табельного. Железо холодное и надежное. - Или тот, кто прикидывается им. Если мы

не придем, мы так и останемся "удаленными объектами". Ты хочешь быть удаленным, Илья?

Он смотрит на свои руки. Он технарь. Он привык воевать с кодом, а не с людьми. Его мир рухнул, когда его собственный голос предал его на записи.

- У меня есть бэкап, - вдруг говорит он. - На физическом носителе. Старая флешка, зашифрованная по протоколу, который он сам же и забраковал пять лет назад. Он о ней не вспомнит.

Он лезет под стол, вырывает какой-то блок и достает маленькую черную пластиковую щепку.

- Здесь всё. Логи, записи, его старые отчеты. Если мы доберемся до кого-то, кто стоит выше него...

- Выше него только небо, Илья. Он - глава департамента с неограниченным доступом. Нам не к кому идти, кроме как к нему самому.

Мы выходим из квартиры. В коридоре пахнет гарью. На лестничной клетке горит только одна лампочка, и та мигает, создавая эффект стробоскопа. В такие моменты зрение подводит, нужно полагаться на слух и тактильные ощущения. Я иду первой. Шаг - замираю. Слушаю. Тишина. Слишком глубокая для жилого дома.

- Кира, - шепчет Илья мне в затылок. - Почему ты тогда не отправила группу? На самом деле.

Я останавливаюсь на пролете. Между вторым и первым этажом.

- Потому что я хотела, чтобы это было шуткой, - отвечаю я, не оборачиваясь. - Мне было двадцать два. Я только что рассталась с парнем, у меня болела голова, и я хотела, чтобы мир был проще, чем он есть. Я выбрала комфортную интерпретацию реальности вместо пугающей. Это стоило жизни человеку.

- Мы все выбираем комфортную реальность, - говорит он.
- До тех пор, пока реальность не начинает звонить нам на мобильный из будущего.

Мы выходим на улицу. Дождь усилился. Теперь это стена воды. Я чувствую себя как в бассейне, когда тренер заставляет плыть с закрытыми глазами, ориентируясь только по шуму воды у ушей.

Машина Ильи стоит на месте, но я вижу, что замок со стороны водителя вскрыт. Тонкая работа. Профессиональная.

- Не подходи, - я хватаю его за локоть. Мои пальцы впиваются в его предплечье. Мышечная память: захват спасателя. Не дать утопающему утащить тебя на дно.

- Что там?

- Внутри кто-то есть. Или что-то.

Я обхожу машину по дуге. Стекла тонированные, ничего не видно. В свете фонаря блестит тонкая нить, натянутая от двери к внутренней панели. Классика. Примитивно, но эффективно.

- Они не хотят нас убивать, Илья. Они хотят нас задержать. Мост - это точка сборки.

В этот момент мой телефон вибрирует в кармане. Я вздрагиваю. Это не звонок. Это уведомление.

Я достаю гаджет. На экране - фото. Сделано только что. Мы с Ильей стоим у его подъезда. Вид сверху. С крыши соседнего дома.

И подпись: "Время пошло. 03:45".

- Пятнадцать минут, - говорю я. - Нам нужна другая машина.

- Здесь везде камеры, Кира. Нас ведут.

- Значит, мы пойдем там, где камер нет.

Я вспоминаю карту района. Здесь, за гаражами, есть старый спуск к набережной. Узкая лестница, заросшая кустами. Там нет освещения, нет наблюдения. Только грязь и битое стекло.

Мы бежим. Мои кроссовки скользят по мокрой траве. Дыхание становится рваным, но я загоняю его в ритм. Вдох на три шага, выдох на три. Как на длинной дистанции. Илья бежит тяжело. Он не привык к физическим нагрузкам. Я слышу его хриплый вдох. Он на грани срыва темпа.

- Давай, Илья! Еще немного! - я почти тащу его за собой.

Мы влетаем в темноту аллеи. Здесь воздух еще плотнее. Запах прелой листвы и мазута. Я чувствую, как адреналин сжигает остатки усталости. Это то самое "второе дыхание", которое приходит на последних пятидесяти метрах.

Мы выскакиваем к набережной. Река черная, маслянистая. В ней отражаются огни города, растягиваясь в длинные

золотистые иглы. Мост виден вдалеке. Огромная стальная конструкция, похожая на скелет доисторического животного.

- Как мы туда доберемся? Пешком не успеем, - Илья опирается на колени, пытаясь отдышаться.

- Смотри.

У причала качается старый катер. На нем табличка "Частная собственность". Замка нет, только цепь, намотанная на кнехт.

- Ты умеешь этим управлять? - спрашивает он, глядя на меня с сомнением.

- В моем деле было написано, что я выросла на Волге? - я прыгаю на палубу. Катер стонет под моим весом. - Мой отец был бакенщиком. Я научилась заводить мотор раньше, чем читать.

Я копаюсь в проводах под приборной панелью. Здесь всё старое, аналоговое. Никаких чипов, никакой удаленной блокировки. Только медь и искра.

Мотор чихает, выбрасывает облако сизого дыма и заводится. Ритмичный стук поршней успокаивает меня. Это живой звук. Настоящий.

- Садись! - кричу я.

Илья запрыгивает на борт в тот момент, когда я даю полный ход. Катер задирает нос, разрезая черную воду. Брызги летят в лицо, они соленые от городской пыли и холодные, как лед. Я чувствую себя на своем месте. Вода - это моя сти-

хия. Здесь я быстрее, сильнее, здесь я контролирую плотность пространства.

- Посмотри на часы! - кричит Илья из-за шума мотора.

- 03:55! Мы успеваем!

Я смотрю на приближающийся мост. Под его сводами тьма кажется абсолютной. Но в этой тьме я вижу силуэт. Одна фигура. Стоит у самой опоры.

Человек в длинном пальто.

Мои руки на штурвале напрягаются. Я чувствую, как мышцы спины превращаются в стальную пластину. В голове всплывают слова из Библии Персонажей: "Она воспринимает стресс через задержку дыхания".

Я перестаю дышать.

Я просто смотрю в прицел этой реальности.

- Илья, приготовь флешку, - говорю я, не оборачиваясь. - И если я скажу прыгать - прыгай в воду. Не думай. Просто прыгай.

- Я плохо плаваю, Кира.

- Я тебя вытащу. Я всегда вытаскиваю тех, кто тонет. В этот раз я не ошибусь в звуке.

Мы входим в тень моста. Рев мотора отражается от бетонных сводов, создавая оглушительную какофонию. Я сбрасываю газ. Катер по инерции скользит к опоре.

Человек делает шаг вперед. Свет фонаря падает на его лицо.

Виктор Аркадьевич. Он выглядит точно так же, как на фо-

то десятилетней давности. Словно время для него застыло в той точке, где я совершила свою ошибку.

- Вы вовремя, - говорит он. Его голос не перекрывает шум воды, но я слышу его отчетливо, как будто он звучит у меня в голове. - Я всегда знал, Кира, что твоя дисциплина - это твой лучший и худший дар.

Я глушу мотор. Наступает тишина, в которой слышно только, как вода бьется о борт катера. Плеск-плеск. Ритм за-
тухающего пульса.

- Зачем всё это? - я выхожу на нос катера. Рука лежит на рукоятке пистолета, но я не вытаскиваю его. Пока нет. - Звонки, записи, подделка голоса Ильи. Это ваш новый проект? Психологическое подавление через аудио-манипуляции?

Виктор Аркадьевич улыбается. Это сухая, безжизненная улыбка.

- Это не проект, Кира. Это эволюция. Мы учим систему не просто распознавать голос, а предсказывать его. Звонок из будущего - это не магия. Это расчет вероятностей. Основанный на твоих психотипах, на ваших паттернах поведения. Система знала, что ты не поедешь к мосту сразу. Она знала, что ты поедешь к Илье. Она знала, что он вскроет архивы. Всё, что вы сделали за последние три часа, было предсказано алгоритмом с точностью до 98 процентов.

Илья делает шаг вперед, сжимая в руке флешку.

- И эти 2 процента? - его голос дрожит, но он держится.

- Где ошибка?

- Ошибка в том, что вы всё еще здесь, - Виктор Аркадьевич достает из кармана небольшое устройство, похожее на пульт. - Вы должны были испугаться и исчезнуть. Уйти в бега. Стать "удаленными объектами" официально. Но ваша иррациональная потребность в ответах... она мешает чистоте эксперимента.

Я чувствую, как воздух вокруг становится электрическим. Волоски на руках встают дыбом. Это не физиология. Это приборы. Где-то под мостом работают мощные излучатели.

- Кира, посмотри на него, - шепчет Илья. - Его голос... он не совпадает с движением губ. Задержка в миллисекунды.

Я присматриваюсь. Действительно. Микро-лаг. Едва заметный, если не знать, куда смотреть.

- Это не он, - понимаю я. - Это голограмма. Или проекция.

- Bravo, Илья, - голос Виктора Аркадьевича раздается теперь отовсюду. Из динамиков моста, из пустоты под сводами. - Ты всегда был слишком внимателен к деталям. Именно поэтому ты не подходишь для будущего. Будущему нужны те, кто верит звуку, а не логике.

- Где вы на самом деле? - кричу я в пустоту.

- Я там, где началось ваше обучение, Кира. В архиве. Где хранятся все ваши крики, которые никто не услышал.

В этот момент за спиной Виктора Аркадьевича (или того, что им кажется) вспыхивает свет. На опоре моста, как на огромном экране, начинают прокручиваться кадры.

Девочка в коллекторе. Фото с места трагедии.

И еще одно фото. То самое, которое Илья нашел в архиве.

Но теперь оно в полном разрешении.

И я вижу то, что мы пропустили.

Рядом с Виктором Аркадьевичем стоит еще один человек.

Он держит в руках микрофон на длинной штанге. Он записывает.

Он записывал ее предсмертные хрипы.

Это не было ошибкой интерпретации.

Это была запись исходных данных.

Они не спасали ее. Они фиксировали реакцию человеческой гортани на неизбежность смерти.

Меня тошнит. Настоящая, физическая тошнота скручивает желудок. Я чувствую, как желчь подступает к горлу. Всё мое искупление, вся моя карьера, все эти бессонные ночи - всё это было частью их фонотеки боли.

- Прыгай, - говорю я Илье. Мой голос тихий, как шелест камыша.

- Что?

- Прыгай в воду! Сейчас!

Я не жду его реакции. Я хватаю его за воротник и толкаю за борт. Мы падаем вместе. Холодная вода принимает нас, как удар плашмя. Темнота. Пузырьки воздуха. Тишина.

Под водой нет голосов. Под водой есть только давление и пульс в висках.

Я хватаю Илью за ремень, не давая ему уйти на глубину.

Он бьется, пытается вдохнуть, но я прижимаю его к себе, блокируя движения. Спокойно. Экономь кислород.

Над нами, на поверхности, раздается мощный хлопок. Катер взрывается. Огненный шар на мгновение освещает толщу воды оранжевым светом. Обломки градом сыплются вниз, прошивая поверхность, как пули.

Я гребу одной рукой, уходя глубже, под опору моста. Там есть техническая ниша, я видела ее, когда мы подплывали. Мышцы горят. Это заплыв всей моей жизни. Если я сейчас сдамся, если мои легкие потребуют вдоха раньше времени - мы оба трупы.

Мы выныриваем в узком пространстве между бетоном и стальными балками. Здесь темно и воняет плесенью, но здесь есть воздух.

Илья кашляет, выплевывая воду. Его трясет так, что стук зубов слышен даже сквозь шум дождя.

- Они... они взорвали его... - хрипит он.

- Замолчи. Слушай.

Наверху слышны шаги. Тяжелые, размеренные. Ботинки по металлу. Клац-клац.

- Они не нашли тел, - произносит голос Виктора Аркадьевича. Теперь он звучит естественно. Он здесь. Наверху. - Но это не важно. Статус "Удалено" подтвержден системой. Если их нет в сети, значит, их нет в реальности.

- А флешка? - это другой голос. Молодой, техничный.

- Пусть ищут на дне. Вода - лучший уничтожитель инфор-

мации. Уходим. У нас запуск в шесть ноль-ноль.

Шаги удаляются.

Я прижимаюсь спиной к холодному бетону. Мое тело постепенно перестает дрожать. Оно пере

ГЛАВА 12: ТИХИЙ ШАХ

Моя кожа превратилась в наждак. Вода в канале была не просто холодной, она была тяжелой, как ртуть, и теперь, когда мы выбрались и забились в технический коридор под зданием управления, эта влага высыхает на мне коркой соли и страха. Мышцы плечевого пояса забиты так, будто я только что финишировала на дистанции восемьсот метров вольным стилем, и это был заплыв против течения в цементе. Широчайшие мышцы спины горят, каждое движение отзывается тупой судорогой. Я прислоняюсь затылком к бетонной стене и считаю вдохи. Инцидент: переохлаждение, физическое истощение. Статус: активное преследование. Угроза: критическая.

Илья сидит напротив на корточках, его трясет мелкой, противной дрожью. Он похож на промокшего кота, которому только что объяснили основы квантовой физики, а потом бросили в стиральную машину. Его глаза, обычно сканирующие мир на предмет багов и несостыковок, сейчас замерли. Он все еще там, в той черной воде, слушает голос самого себя из будущего. Я слышу, как его зубы бьются друг о друга. Это звук неисправного реле.

- Перестань, - говорю я. Мой голос звучит как треск сухих веток. - Илья, посмотри на меня. Нам нужно войти внутрь. Шесть утра скоро. Запуск, о котором говорил Виктор Арка-

дьевич. Если мы останемся здесь, мы просто декорации для их триумфа.

Он поднимает голову. В его взгляде нет страха, там выжженная пустыня. Технар, который верил в лог-файлы, столкнулся с системной ошибкой, которую нельзя отладить. Его мир рухнул, когда он услышал свой собственный хрип в записи, которую мы еще не сделали.

- Он там, - Илья кивает наверх, в сторону потолка, где за слоями бетона и арматуры гудит наш центр 112. - Он сидит в своем кабинете. Человек, который учил меня, что данные не лгут. Он только что подтвердил мой статус. Удален. Кира, нас нет. Мы призраки в системе.

- Призраки не мерзнут, - отрезаю я. - И у призраков не болят дельтовидные мышцы. Двигайся. Нам нужен доступ к главному терминалу. Если он ввел протокол удаления, значит, он оставил след. Админская сессия не закрывается мгновенно, она висит в кэше еще пятнадцать минут после выхода. Это наш интервал. Это наш финишный рывок.

Я встаю, чувствуя, как одежда прилипает к телу. В воздухе пахнет сыростью и старым железом. Это пространство под фундаментом - слепая зона. Здесь нет камер, только датчики протечки, которые Илья закоротил еще десять минут назад, когда мы вскрыли люк. Я оцениваю расстояние до лестницы. Пятнадцать метров. Три секунды на рывок, если ноги не подведут. В бассейне я бы прошла это расстояние за один вдох и пару мощных гребков. Здесь воздух плотный, как ки-

сель. Он сопротивляется каждому моему движению.

Мы поднимаемся по технической лестнице. Металл ледяной, он высасывает остатки тепла из ладоней. Я чувствую каждый сустав, каждую связку. Мое тело - это прецизионный инструмент, который сейчас работает на резервном питании. Мы выходим в коридор третьего этажа через дверь для персонала. Здесь уже пахнет офисом: озоном от принтеров, дешевым пластиком и тем специфическим ароматом несвежего кофе, который въедается в стены диспетчерских.

Четыре часа утра. Мертвая зона. Время, когда даже самые стойкие операторы начинают залипать в мониторы, а их реакции замедляются до уровня улиток под транквилизаторами. Я знаю этот ритм. Я сама часть этого механизма. Сейчас смена Ольги и придурковатого пацана из айти-отдела, который подменяет ночников. Они не заметят нас, если мы будем двигаться в ритме системы.

- Нам в Аквариум, - шепчу я Илье.

Аквариум - это застекленный кабинет начальника смены. Оттуда открывается вид на весь зал операторов. Виктор Аркадьевич называет это постом обзора, я называю это клеткой для надсмотрщика. Сейчас он там. Я вижу свет его настольной лампы через матовое стекло перегородки. Он не спит. Он ждет шесть утра.

Илья достает из кармана планшет, который он умудрился спасти, завернув в три слоя полиэтилена перед тем, как мы прыгнули в канал. Его пальцы на стекле движутся с не-

роятной скоростью. Он больше не дрожит. Когда дело доходит до взлома, его нервная система переключается в режим сверхпроводимости.

- Я перехватываю управление видеостеной, - дышит он мне в затылок. - Создам петлю на камерах в коридоре Б. У нас будет ровно три минуты, пока система не заметит расхождение в таймкодах. Кира, если он увидит меня, он поймет, что я сделал копию ключа.

- Он не увидит тебя. Я буду его фокусом.

Я выхожу из тени. Мои кроссовки слегка поскрипывают по линолеуму, и этот звук кажется мне громом. Я иду по залу, мимо рядов столов, где сидят операторы. Спины согнуты, гарнитуры плотно прижаты к ушам. Они принимают звонки о пожарах, о сердечных приступах, о застрявших в лифтах котах. Они не знают, что в десяти метрах от них разворачивается инцидент высшего уровня сложности.

Я вижу Виктора через стекло. Он сидит к нам спиной. Его затылок - седой, аккуратно подстриженный - выглядит монументально. Он всегда был для меня эталоном спокойствия. Когда в городе падал самолет или затапливало метро, он просто пил свой чай из старого подстаканника и отдавал четкие, сухие команды. Я училась у него этой отстраненности. Я думала, что это профессионализм. Оказалось, это отсутствие эмпатии, возведенное в ранг искусства.

Я останавливаюсь у автомата с водой. Это моя позиция. Отсюда я вижу его профиль. Он что-то изучает на монито-

ре. Его пальцы мерно постукивают по подлокотнику кресла. Раз, два, три. Пауза. Раз, два, три. Это не нервный жест. Это метроном. Он отсчитывает время до конца нашей жизни.

Илья в это время скользит вдоль стены к серверной нише, которая примыкает к Аквариуму. Ему нужно подключиться напрямую к шине данных. Если он попробует сделать это через сеть, Виктор увидит всплеск трафика на своем консольном мониторе. Физическое подключение - единственный шанс.

Я смотрю на Виктора и пытаюсь классифицировать его состояние. Лицо расслаблено. Углы губ чуть опущены. Глаза не бегают по экрану, он зафиксирован на одной точке. Он спокоен. Слишком спокоен для человека, который час назад отдал приказ об уничтожении двух сотрудников. Для него мы не люди. Мы - битые сектора на диске, которые нужно переписать. Моя физиология реагирует на эту мысль задержкой дыхания. Воздух в легких застаивается. Я чувствую, как в груди нарастает давление, как при погружении на глубину без акваланга.

Илья скрывается в нише. Я слышу едва уловимый щелчок открываемого щитка. Виктор не реагирует. Его метроном продолжает стучать. Раз, два, три.

Я вспоминаю тот день, когда я не услышала крик. Тот самый крик, который определил всю мою жизнь. Я тогда тоже думала, что все под контролем. Я классифицировала звук как шум, как помеху. Виктор сейчас делает то же самое. Он

думает, что шум в канале был финальным аккордом. Он не верит в ошибки. Его травма - это его непогрешимость. Его отец, о котором он пару раз упоминал за рюмкой на корпоративе, был военным инженером, который расстреливал подчиненных за лишний миллиметр в чертежах. Виктор превзошел учителя. Он научился расстреливать цифрами.

Внезапно Виктор замирает. Его рука перестает стучать по подлокотнику. Он медленно поворачивает голову в сторону серверной ниши. Мое сердце делает лишний толчок, ударяясь о ребра, как мяч для водного поло о штангу. Пульс в сонной артерии забился о воротник куртки.

Я должна его отвлечь. Сейчас.

Я делаю шаг к двери Аквариума и нажимаю на ручку. Механизм срабатывает мягко, но в тишине ночного офиса этот звук кажется выстрелом. Виктор поворачивается всем телом. Его лицо не выражает ни удивления, ни испуга. Только холодное, аналитическое любопытство.

- Кира? - произносит он. Голос ровный, глубокий, без единой трещинки. - Ты должна быть в отгуле. И, судя по твоему виду, тебе стоит сменить одежду. Ты вся мокрая.

Я прохожу внутрь и прикрываю за собой дверь. Теперь мы вдвоем в этой стеклянной коробке. Илья там, за стеной, в десяти сантиметрах от нас, судорожно копирует данные, которые могут нас спасти или окончательно похоронить.

- Виктор Аркадьевич, - я стараюсь, чтобы мой голос не дрожал. Я использую технику дыхания пловцов перед стар-

том: короткий вдох, длинный выдох, фиксация диафрагмы. - Я не смогла уснуть. Инцидент на мосту не дает мне покоя. В протоколе записи была странная аномалия.

Я подхожу к его столу. Я вижу его монитор. Там открыта карта города, усеянная красными точками. Это не вызовы 112. Это что-то другое. Точки пульсируют в такт какому-то невидимому ритму.

- Аномалии случаются, Кира, - он откидывается на спинку кресла. Его взгляд пригвождает меня к месту. Он оценивает меня как объект. Рост, вес, время реакции, уровень угрозы. - Наша задача - фильтровать их. Устранять лишний шум, чтобы система работала чисто. Ты всегда была лучшим фильтром. Почему сейчас ты пропускаешь мусор через себя?

- Потому что этот мусор звучит как голос Ильи, - говорю я, глядя ему прямо в глаза. - И как мой собственный. Вы слышали запись, Виктор Аркадьевич? Ту, что пришла из будущего?

Он молчит. Тишина в кабинете становится осязаемой. Она давит на барабанные перепонки. Я слышу, как за стеной Илья задевает кабельную стяжку. Звук крохотный, как шелест бумаги, но для меня он звучит как обвал в горах. Виктор ведет бровью. Он услышал.

- Голос - это всего лишь набор частот, - медленно произносит он. - Его можно синтезировать. Его можно исказить. Ты же знаешь, Илья талантлив. Возможно, он просто заигрался в бога из машины. Решил проверить тебя на прочность. А

ты поддалась. Это разочаровывает, Кира. Я считал, что твоя броня непробиваема.

- Моя броня - это моя память, - я сокращаю дистанцию. Теперь между нами только стол. Я чувствую запах его одеколona - дорогого, с нотками кожи и табака. Запах власти и уверенности. - Я помню, как вы говорили, что в нашей работе нет места предчувствиям. Только факты. Факт номер один: мы с Ильей чуть не погибли час назад. Факт номер два: вы знали, что это произойдет. Вы удалили нас из системы до того, как мы прыгнули в воду.

Виктор улыбается. Это не добрая улыбка. Это оскал человека, который видит, как его противник делает предсказуемый и фатально неверный ход.

- Кира, ты мыслишь категориями линейного времени. Это устаревший подход. Мы строим систему превентивного реагирования. Если система говорит, что объект представляет угрозу в будущем, значит, он является угрозой уже сейчас. Статус "Удалено" - это не приговор. Это санитарная мера.

Я чувствую, как мои пальцы сжимаются в кулаки. Мышечная память требует действия. Рывок, захват, бросок. Я могла бы перебросить его через стол за две секунды. Но за дверью операторы. За стеной Илья. Я должна играть в его игру.

- И какую угрозу представляю я? - спрашиваю я. - Я, которая десять лет вытаскивала людей из дерьма, следуя вашим инструкциям?

- Ты - нестабильный элемент, - он подается вперед. Теперь

его лицо совсем близко. Я вижу сетку мелких морщин вокруг его глаз. - Твоя привязанность к Илье сделала тебя уязвимой. Ты начала сомневаться в алгоритмах. А алгоритмы не ошибаются. Они просто видят дальше нас. В шесть утра запустится обновление Янус. Оно свяжет все потоки данных в единую сеть. Мы сможем купировать преступления до того, как они будут совершены. Мы спасем тысячи жизней, Кира. И если ради этого нужно пожертвовать двумя изношенными деталями... что ж, это приемлемая цена.

За стеной раздается тихий, едва слышный писк. Планшет Ильи закончил копирование. Виктор замирает. Его взгляд смещается к стене. Он знает. Он все знает.

- Изношенные детали иногда имеют привычку ломать механизм, - говорю я, делая шаг назад.

Мое тело готово к старту. Я чувствую, как адреналин разливается по венам, расширяя сосуды. Плотность воздуха падает. Сейчас начнется рывок.

Виктор медленно поднимается с кресла. Он выше меня на голову, и его фигура в полумраке кабинета кажется огромной. Он не тянется к тревожной кнопке. Он не вызывает охрану. Он просто смотрит на меня с какой-то странной, почти отеческой жалостью.

- Знаешь, почему я выбрал тебя тогда, в учебке? - тихо спрашивает он. - Потому что ты умеешь задерживать дыхание дольше всех. Ты можешь находиться под водой, когда другие уже сдаются и всплывают, хватая воздух ртом. Ты бо-

ец, Кира. Но сейчас ты пытаешься плыть в бассейне, в котором нет воды.

Он делает шаг к двери, но не к той, что ведет в зал, а к техническому выходу, который ведет в серверную. Туда, где Илья.

- Стойте, - я преграждаю ему путь.

Мои плечи развернуты, ноги на ширине плеч, центр тяжести смещен вниз. Это стойка для защиты. Я не дам ему пройти.

Виктор останавливается. Он смотрит на мою руку, упершуюся в дверной косяк. Его ирония становится еще суше.

- Ты правда думаешь, что можешь меня остановить физически? Здесь? В моем центре? Кира, ты уже проиграла. В ту секунду, когда решила, что твои чувства важнее протокола.

- Протокол не предусматривает убийство сотрудников, - бросаю я.

- Протокол предусматривает оптимизацию, - парирует он.

- Посмотри на часы.

На настенных часах четыре пятнадцать. До запуска Януса осталось меньше двух часов.

В этот момент дверь серверной ниши открывается, и из нее выскакивает Илья. Он выглядит безумным. В его руках планшет, кабели свисают как щупальца. Он не видит Виктора, он видит только меня.

- Кира, бежим! Я достал логи! Там не только мы, там весь список на зачистку!

Илья осекается, когда замечает Виктора. Его лицо бледнеет еще сильнее, становясь почти прозрачным в свете мониторов. Он замирает, как пойманный на месте преступления школьник. Но в его глазах я вижу то, чего не было раньше - ярость. Техническую, холодную ярость человека, чью религию осквернили.

Виктор смотрит на Илью, потом на планшет в его руках. Его лицо остается маской. Никакого гнева. Только скука.

- Илья, ты всегда был слишком любопытным. Это плохая черта для системного архитектора. Ты должен строить стены, а не искать в них трещины.

- Эти стены построены на трупах, - голос Ильи дрожит, но он не отступает. Он делает шаг ко мне, прикрываясь планшетом как щитом. - Вы используете данные 112, чтобы фильтровать неудобных. Вы подделываете звонки. Та запись... это не будущее. Это ваш сценарий, который вы скормили нейросети, чтобы она выдала нужный вам результат.

Я чувствую, как внутри меня что-то щелкает. Ошибка интерпретации. Я приняла угрозу за судьбу, а это была всего лишь режиссура. Мой страх, мой паралич - все это было частью алгоритма Виктора. Он манипулировал моей травмой выжившего, заставляя меня верить, что я снова опаздываю, что я снова бессильна перед неизбежным.

- Творческий подход, - кивает Виктор. - Но бесполезный. Логи, которые ты скачал, зашифрованы квантовым ключом. Ты не откроешь их без моей авторизации. Ты просто украл

набор случайных чисел, Илья.

- Квантовый ключ имеет период полураспада в кэше, - Илья вдруг ухмыляется. Это дерзкая, злая ухмылка. - Вы сами учили меня: информация хочет быть свободной. Я не воровал логи. Я запустил вирус-майнер, который использует мощности Януса для самораспаковки. Через десять минут ваша система начнет жрать саму себя, чтобы выплюнуть правду в открытый доступ.

Лицо Виктора впервые меняется. Тонкая жилка на его виске начинает пульсировать. Это инцидент. Угроза уровня Альфа. Его метроном сломался.

- Ты блефуешь, - тихо говорит он.

- Проверьте консоль, - Илья кивает на монитор.

Виктор резко оборачивается к столу. Его пальцы взлетают над клавиатурой. В этот момент я понимаю: это наш шанс. Нам не нужно его побеждать. Нам нужно уйти.

Я хватаю Илью за локоть. Его рука ледяная, но мышцы напряжены как струны.

- Уходим, - шепчу я.

Мы вылетаем из Аквариума. Я не бегу, я скольжу, используя инерцию тела. Мои ноги работают в режиме спринта. Зал операторов проносится мимо как размытое пятно. Я слышу, как за нашей спиной Виктор что-то кричит, но его голос тонет в внезапно ожившем гуле серверов. Система начинает реагировать на вирус Ильи. Свет в зале мигает. Мониторы операторов окрашиваются в тревожный оранжевый цвет.

- Что ты сделал? - спрашиваю я на бегу, когда мы влетаем в лестничный пролет.

- Я не блефовал, - задыхается Илья. - Я правда запустил скрипт. Но он не разрушит систему. Он просто сделает ее прозрачной. Каждый звонок, каждая правка, каждый удаленный файл станут видны всем. Виктор больше не сможет играть в бога. Он станет просто еще одной записью в логе.

Мы сбегает вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Мои легкие горят. Кислородный долг накапливается, но я не обращаю на это внимания. Впереди выход на парковку. Свобода. Воздух, который не пахнет озоном и ложью.

Мы вырываемся на улицу. Дождь кончился, но город окутан густым, серым туманом. Воздух влажный и свежий. Я жадно вдыхаю его, чувствуя, как расправляются альвеолы. Это лучший вдох в моей жизни.

- Нам нужно исчезнуть, - Илья оглядывается по сторонам. Его трясет, но теперь это не страх, это избыток энергии. - Кира, он найдет нас. У него есть ресурсы вне системы.

- Пусть ищет, - я выпрямляюсь. Мое тело больше не ощущается как груз. Оно - мой союзник. - Мы больше не в его бассейне. Теперь мы в открытой воде.

Я смотрю на часы на приборной панели припаркованной неподалеку машины. Четыре тридцать.

Внезапно мой телефон в кармане вибрирует. Тот самый телефон, который я считала мертвым. Тот, с которого приходили звонки из будущего.

Я достаю его. Экран светится ярко-белым цветом. Номер не определен.

- Не бери, - шепчет Илья. - Это ловушка.

Я нажимаю на кнопку приема. Я должна знать.

- Кира, - звучит голос. Это мой голос. Но он другой. В нем нет страха. В нем есть металл и спокойствие, которого я никогда в себе не чувствовала. - Посмотри назад.

Я медленно оборачиваюсь. Здание управления 112 высится за нашей спиной черным монолитом. В окне Аквариума я вижу силуэт Виктора Аркадьевича. Он стоит у самого стекла, глядя прямо на нас. Расстояние слишком велико, чтобы видеть выражение его лица, но я чувствую его взгляд.

Он не тянется к рации. Он не отдает приказы охране.

Он медленно поднимает руку и подносит указательный палец к губам.

Тихий шах.

Связь обрывается. Экран телефона гаснет.

- Что там? - Илья дергает меня за рукав. - Что она сказала?

Я смотрю на свои руки. Они больше не дрожат. Я чувствую плотность воздуха, чувствую дистанцию, которую нам предстоит преодолеть. Это будет долгий заплыв. Самый долгий в моей жизни. Но теперь я знаю правила.

- Она сказала, что тишина - это тоже информация, - отвечаю я.

Виктор в окне делает едва заметный жест головой. Это не прощание. Это признание. Мы вышли из системы, но мы все

еще в его игре. Просто теперь доска стала бесконечной.

- Илья, у тебя есть где-нибудь машина, которой нет в реестре?

Он смотрит на меня, и в его глазах наконец-то появляется искра жизни. Тот самый азарт хакера, который нашел бэкдор там, где его не должно быть.

- У меня есть старый мотоцикл в гаражах у порта. На нем нет ни одного датчика. Чистое железо.

- Веди, - говорю я.

Я делегирую ему ответственность за наш маршрут. Я позволяю ему быть моим алгоритмом на следующие несколько часов. Мои мышцы все еще горят, но это приятная боль. Боль живого существа, которое выбрало борьбу вместо подчинения.

Мы идем в туман, прочь от стеклянного куба, где наше прошлое только что было стерто, а будущее еще не записано. Я чувствую каждый свой шаг. Я слышу свое дыхание. Я жива. И это единственный факт, который имеет значение.

Позади, в здании управления, начинают завывать сирены. Система "Янус" почувствовала инородное тело. Но мы уже далеко. Мы - шум, который невозможно отфильтровать. Мы - аномалия, которая стала реальностью.

Я иду рядом с Илейей, и наши плечи иногда соприкасаются. Это не романтика. Это физика. Два тела, движущихся в одном направлении с одинаковым ускорением. Мы - заложники будущего, которое мы только что решили переписать

своими руками.

И пока Виктор Аркадьевич стоит у окна, прижав палец к губам, я знаю: тишина закончилась. Начинается шторм. И я готова в него нырнуть.

Мои легкие полны воздуха. Мое сердце бьется ровно. Раз, два, три. Пульс идеальный. Я в фокусе.

- Кира, - тихо говорит Илья, не оборачиваясь. - Ты же понимаешь, что он позволил нам уйти?

- Знаю, - отвечаю я. - Он думает, что мы принесем ему больше пользы снаружи. Что мы приведем его к тем, кто присылает эти записи.

- И мы приведем?

Я смотрю на туман, в котором растворяются очертания города.

- Мы приведем его к финишу, Илья. Но это будет не его финиш.

Мы ускоряем шаг. Впереди - порт, холодная вода и неизвестность. Но я больше не боюсь воды. Я - и есть вода. Я принимаю форму любого препятствия и со временем разрушаю даже самый прочный бетон. Виктор Аркадьевич забыл одну простую истину: алгоритмы строятся на логике, а жизнь - на выживании. И в этом заплыве у меня нет конкурентов.

Я чувствую, как напряжение в плечах постепенно сменяется готовностью к рывку. Мышцы помнят всё. И я не совершу ту же

ГЛАВА 13: ТЕОРИЯ ЭХА

Входная дверь лаборатории захлопнулась с глухим звуком, похожим на падение тела в воду. В помещении пахло озоном, перегретым пластиком и застоявшимся кофе. Этот запах я узнаю из тысячи - так пахнет контроль. Или попытка его имитировать. Статус помещения: защищенное. Угроза: внешняя, неопределенная. Мой внутренний метроном отсчитывал секунды, пока Илья сбрасывал рюкзак на заваленный проводами стол. Его движения были слишком резкими, локти задевали пустые банки из-под энергетиков. Он нервничал. Я зафиксировала это по тому, как он трижды перепроверил разъем монитора, прежде чем нажать кнопку включения.

Садись, - бросил он, не глядя на меня.

Я осталась стоять. Привычка. Когда ты на посту, ты не сидишь. Мышцы спины были натянуты, как струны перед стартовым сигналом. Я чувствовала плотность воздуха в этой комнате - он был тяжелым, спертым, насыщенным электричеством. В бассейне такая атмосфера бывает перед грозой, когда вода кажется густой, как сироп, и каждый гребок дается с двойным усилием. Я сделала глубокий вдох, задерживая дыхание на четыре счета. Техника квадрата. Помогает убрать лишний шум в голове.

Илья начал стучать по клавишам. Звук был дробным,

агрессивным. Он не просто вводил данные, он атаковал систему. На экранах поползли графики, спектрограммы, каскады цифр. Для него это были метаданные. Для меня - мой голос, который еще не прозвучал.

Слушай сюда, - Илья развернул один из мониторов ко мне. На нем дергалась зеленая кривая. - Я прогнал ту запись через три разных фильтра. Сначала думал, что это стандартный дипфейк. Ну, знаешь, нейронка берет твой тембр, нарезает на фонемы и склеивает. Но алгоритм выдает ошибку. Знаешь почему?

Я молчала. Я не эксперт в кодах, я эксперт в людях. В том, как они захлебываются, когда им страшно.

Потому что в этом голосе есть микроколебания, которые невозможно симулировать, - он ткнул пальцем в экран, почти касаясь ногтем пика на графике. - Это называется физиологический тремор голосовых связок. Он зависит от уровня кортизола и адреналина в крови в конкретную секунду. Нейронки рисуют идеальную кривую, а здесь - хаос. Живой, грязный хаос. Это ты, Кира. Но не та ты, что стоит сейчас рядом со мной и пахнет хлоркой и дешевым мылом.

Я не реагирую на его иронию. Мой мозг уже классифицировал информацию. Объект: голос на записи. Статус: аутентичный. Последствия: неизбежность события.

И это еще не самое странное, - Илья потер лицо ладонями, и я заметила, как у него дрожат пальцы. - Я начал искать фоновые шумы. Ну, знаешь, эхо, реверберация. Любое поме-

щение имеет свой акустический отпечаток. Если ты записываешь звук в ванной, это слышно. Если в ангаре - тем более.

Он нажал на пробел. Из колонок донеслось шипение, похожее на белый шум, но с каким-то странным, вязким подтоном. Как будто звук шел сквозь слой ваты.

Я убрал твой голос, оставил только фон, - пояснил он. - И знаешь, что я нашел? Эхо. Но оно работает неправильно. В обычной физике звук отражается от стен и возвращается с задержкой. Здесь задержка отрицательная.

Я нахмурилась. Мои плечи самопроизвольно дернулись, имитируя разворот в воде. Отрицательная задержка. Это нелогично. Это как если бы круги на воде появлялись до того, как в нее бросили камень.

Объясни нормально, - сказала я. Мой голос прозвучал сухо, по-уставному.

Эхо приходит раньше основного сигнала, Кира! - Илья почти сорвался на крик, но тут же понизил тон, испугавшись собственной громкости. - Это не запись. Запись - это фиксация прошлого. А это... это как будто кто-то открыл окно в соседнюю комнату, где время идет быстрее, и поставил там микрофон. Это прямая трансляция.

Я почувствовала, как по позвоночнику пробежал холод. Не тот страх, который парализует, а тот, что заставляет сердце качать кровь быстрее, готовя тело к броску. Плотность воздуха в лаборатории стала почти осязаемой. Я слышала, как гудит системный блок, как тикают часы на стене, как тя-

жело дышит Илья.

Трансляция из будущего? - спросила я, переводя взгляд на монитор. - Ты хочешь сказать, что я сейчас слышу то, что произойдет со мной через три недели, в режиме реального времени?

Именно. Теория эха. Звуковые волны не просто затухают, они... в определенных условиях они могут прошивать пространство-время. Или кто-то нашел способ транслировать сигнал назад по временной оси. Я не знаю, как это работает технически, Кира. Мои мозги плавают от одной мысли об этом. Но цифры не врут. Логи не врут. Тот звук, который мы слышим - это эхо события, которое еще не случилось, но уже существует в информационном поле.

Я подошла ближе к столу. Мои руки сами собой сжались в кулаки. Я вспомнила ту секунду в юности, когда я неверно оценила крик. Мне показалось, что это игра. Что вода просто играет с голосом. А потом была тишина. Такая глубокая, что в ней можно было утонуть. С тех пор я не доверяю тишине. И я не доверяю звукам, которые не могу объяснить.

Дай мне наушники, - сказала я.

Илья колебался секунду, потом протянул мне тяжелые студийные мониторы. Я надела их, и мир вокруг исчез. Остался только шум. Сначала это был просто гул, похожий на звук моря в ракушке. Но потом я начала различать детали.

Мой слух, натренированный годами работы диспетчером, начал раскладывать этот гул на составляющие. Инцидент:

неопознанный шум. Анализ: послойное сканирование.

Там был ветер. Тонкий, свистящий звук, который бывает только на большой высоте или на открытом пространстве возле воды. И еще что-то ритмичное. Металлическое постукивание. Тук-тук. Тук-тук. Как будто маятник бьется о преграду.

Илья, - позвала я, не снимая наушников. Мой собственный голос в голове звучал глухо. - Увеличь усиление на частоте четырех килогерц. Там что-то есть.

Он быстро защелкал мышкой. Звук в наушниках изменился, стал острее, болезненнее. И тут я это услышала.

Дыхание. Мое дыхание. Оно было неровным, прерывистым. Так дышат после долгого заплыва, когда легкие горят, а мышцы превращаются в свинец. Или когда ты бежишь, спасая свою жизнь. Я чувствовала этот ритм каждой клеткой своего тела. Моя диафрагма непроизвольно сократилась, подстраиваясь под темп той, другой меня. Это была мышечная память из будущего. Физиология, которую невозможно обмануть.

Я слышу себя, - прошептала я. - Я там... я куда-то бегу. Илья, там очень холодно. Я чувствую это по звуку. Воздух звенит.

Илья замер, его лицо в свете мониторов казалось мертвенно-бледным. Он смотрел на меня так, будто я уже была призраком. Его цинизм, его техническая броня дали трещину. Он столкнулся с чем-то, что нельзя было просто разобрать

на запчасти и починить.

Кира, сними это, - сказал он тихо. В его голосе прорезалась та самая нотка, которую он так старательно скрывал - страх. Не перед звуком, а перед тем, что он делает со мной.

Нет, - я прижала амбушюры плотнее к ушам. - Слушай дальше. Там есть еще кто-то.

Я закрыла глаза. Пространство лаборатории растворилось. Я была там, в этом холодном, свистящем месте. Мои ступни чувствовали вибрацию пола. Металл. Холодный металл. Настил моста? Палуба корабля?

И вдруг звук изменился. Ритмичный стук прекратился. Вместо него возник новый шум. Скрежет. Тяжелый, надрывной звук железа, трущегося о железо. И чей-то голос. Мужской.

Я напряглась так, что в ушах зашумела кровь. Это был не Илья. Это был голос, который я знала, но не могла опознать в этом частотном месиве. Он говорил что-то короткое, приказное.

Ты слышишь его? - спросила я.

Илья быстро надел вторую пару наушников. Мы стояли в этой тесной камерке, соединенные проводами, как сиамские близнецы, и слушали собственную гибель.

Это не Виктор, - выдохнул Илья через минуту. - Голос другой частоты. Более низкий. Похож на... черт, Кира, это похоже на помехи в радиоэфире.

Вдруг в наушниках раздался резкий, сухой хлопок. Я

вздрагнула, плечи непроизвольно ушли вверх, защищая шею. Стартовый пистолет? Нет. Звук был более объемным.

Это стекло, - сказала я, и мой голос дрогнул. - Что-то разбилось. Большое стекло. Витрина или окно.

И сразу за этим звуком пришел мой собственный вскрик.

Это не был крик ужаса. Это был вскрик человека, который получил внезапный удар. Короткий, гортанный звук, который обрывается на полуслове. Я почувствовала острую боль в боку, такую реальную, что непроизвольно прижала руку к ребрам. Но там ничего не было. Только моя куртка и бешено колотящееся сердце.

Кира! - Илья сорвал с меня наушники.

Я стояла, тяжело дыша, глядя в одну точку. В глазахплыли цветные пятна. Плотность воды. Я снова была в той воде, много лет назад, когда я не успела. Когда секунда невнимания превратилась в вечность вины.

Ты в порядке? - он схватил меня за плечи. Его руки были горячими, и этот контраст с ледяным звуком в наушниках заставил меня вздрогнуть.

Я в порядке, - ответила я, хотя это была ложь. По протоколу: состояние шока, стадия отрицания. - Мы должны понять, где это. Тот звук ветра... и металл. Илья, это порт. Те портовые краны, мимо которых мы проходили. Они так скрипят на ветру.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую.

Ты хочешь туда пойти? После того, что мы только что слы-

шали? Кира, ты там кричала. Ты понимаешь? Это не предупреждение, это констатация факта. Если теория эха верна, то это событие уже записано в ткани реальности. Ты не можешь просто прийти туда и передумать.

Я могу изменить алгоритм, - я отстранилась от него. Мой голос снова стал твердым. Мышцы пришли в тонус. Я знала, что делать. Инструкция - мое единственное спасение от безумия. - Если мы знаем, что произойдет, мы можем подготовиться. Ты сказал, что это прямая трансляция? Значит, у нас есть время. Те три недели, о которых говорил Виктор.

Илья горько усмехнулся. Он отошел к окну и прижался лбом к стеклу. Его силуэт на фоне ночного города казался хрупким, почти прозрачным.

Ты так и не поняла, Кира. Мой отец... он всегда говорил, что если ты слышишь звук катастрофы, значит, она уже случилась. Звук - это медленная волна. Пока он доходит до твоих ушей, физический мир уже изменился. Мы сейчас слушаем звук пули, которая уже вылетела из ствола. Мы просто ждем, когда она долетит.

Я не согласна, - я подошла к нему сзади. Я чувствовала его напряжение, его желание убежать, спрятаться за кодом, за цифрами, которые не плачут. - В воде звук распространяется быстрее. В четыре раза быстрее, чем в воздухе. Если ты нырнешь достаточно глубоко, ты сможешь услышать приближение шторма за километры. И у тебя будет время, чтобы выбраться на берег.

Или чтобы захлебнуться в панике, - не оборачиваясь, ответил он.

Я посмотрела на его затылок. Я видела в нем того мальчика, которого отец обманывал фальшивыми приступами. Его травма была зеркальной моей. Я пропустила настоящий крик, а он всю жизнь слушал ложные. И теперь, когда мы оба столкнулись с чем-то пугающе реальным, наши защитные механизмы вошли в клинч.

Нам нужно больше данных, - сказала я, возвращаясь к профессиональному тону. - Ты можешь изолировать тот мужской голос? Мне нужно знать, кто это. Если это не Виктор, значит, есть третья сторона.

Илья вздохнул, его плечи опали. Он медленно вернулся к компьютеру. Его пальцы снова заплясали по клавишам, но теперь в этом не было прежней агрессии. Скорее, обреченность.

Попробую применить спектральное вычитание. Но там слишком много шумов. Этот ветер... он как будто живой. Он перекрывает всё.

Я села на стул рядом с ним. Мое тело требовало движения, рывка, заплыва, но я заставила себя сидеть неподвижно. Полная неподвижность перед стартом. Я смотрела на монитор, на то, как Илья виртуозно управляет звуковыми волнами. В этом была своя красота. Техническая, холодная, но завораживающая.

Знаешь, почему я стала пловчихой? - спросила я вдруг.

Это не входило в мои правила - делиться личным. Но тишина в лаборатории стала слишком тяжелой.

Илья не прервал работу, но я заметила, как он чуть замедлился.

Потому что в воде не нужно говорить? - предположил он.

Потому что в воде ты контролируешь каждый свой вдох, - ответила я. - Каждое движение. Если ты ошибешься в ритме, ты начнешь тонуть. Это честная игра. Вода не лжет. Она просто давит на тебя с определенной силой. Если ты сильнее - ты плывешь. Если нет - она тебя поглощает.

А звук? - он повернулся ко мне. Его глаза за линзами очков казались огромными. - Звук тоже честный?

Звук - это информация, - я пожала плечами. - Информация может быть искажена. Но тело... тело не врет. Когда я слышала свой вскрик в наушниках, мои мышцы отреагировали раньше, чем мозг успел это осознать. Мое будущее тело уже знает, что произойдет. И оно передает мне сигнал.

Это физиологический фатализм, Кира, - Илья снова повернулся к экрану. - Звучит дерьмово.

Может быть. Но это дает мне преимущество. Я не гадаю на кофейной гуще. Я слушаю отчет о собственном инциденте. И я намерена изменить его статус с "фатальный" на "предотвращенный".

Илья замолчал. На экране медленно прорисовывалась новая диаграмма. Он выделил фрагмент с мужским голосом и наложил на него фильтр, убирающий шум ветра. Звук стал

чище, но все равно оставался искаженным, как будто человек говорил через старый радиоприемник.

Слушай, - он нажал кнопку.

...не делай этого... слишком поздно... уходи... - прохрипел голос.

Я замерла. Голос был знакомым. Не просто знакомым - он вызывал во мне странную, болезненную пульсацию в висках. Это был голос из моего прошлого. Из того самого дня, который я пыталась забыть десять лет.

Это невозможно, - прошептала я. Плотность воздуха вокруг меня внезапно возросла до предела. Мне стало трудно дышать. - Он мертв. Он утонул тогда. Я сама видела... я слышала его последний звук.

Илья резко повернулся ко мне.

Кто? Кира, кто это?

Я не могла ответить. Горло сжал спазм. Мышечная память - сука. Она вернула меня в тот день. Холодная вода, серые блики на поверхности, и этот голос, кричащий мне что-то с берега. А я... я думала, что он шутит. Я думала, что это просто игра.

Статус системы: критический сбой. Мой внутренний оператор отключился, оставив меня наедине с этим призрачным звуком.

Это голос Макса, - сказала я наконец. Мой голос был похож на шелест сухой листвы. - Моего брата. Но он погиб десять лет назад. Я была там. Я не успела до него доплыть.

Илья долго смотрел на меня. В его взгляде больше не было цинизма. Только ужас понимания. Он медленно перевел взгляд на монитор, где продолжала пульсировать зеленая кривая - эхо будущего, в котором мертвецы возвращаются, чтобы дать совет.

Если это Макс... - начал он, но не договорил.

Значит, теория эха работает не только в будущее, - закончила я за него. - Она прошивает всё время насквозь. И то, что мы слышим - это не просто трансляция. Это переплетение всех моих ошибок. Всех моих несказанных слов и неверно понятых криков.

Я встала. Ноги были ватными, но я заставила себя выпрямиться. Плечи расправлены. Подбородок вверх. Протокол выживания включен.

Илья, мне нужно вернуться в порт. Сейчас.

Ты с ума сошла? - он вскочил, опрокинув пустую банку. - Там ночь, туман и... и мы только что слышали, как ты там кричишь!

Именно поэтому я должна там быть, - я подошла к двери. - Я не могу больше просто слушать. Я должна почувствовать это место. Я должна понять, почему Макс там. Если он там.

Это самоубийство, - он преградил мне путь. - Ты просто идешь навстречу пуле.

Нет, Илья. Я иду навстречу звуку. И на этот раз я не пропущу ни одной ноты.

Он смотрел на меня несколько секунд, его челюсти были

плотно сжаты. Я видела, как в нем борются технарь-цинник и человек, который смертельно боится одиночества. Техник проигрывал.

Я пойду с тобой, - сказал он, хватая куртку. - Но если мы оба там сохнем, я тебя прокляну.

Я коротко кивнула.

Договорились. Но сначала - возьми портативный рекордер. Если мы услышим это эхо в реальности, нам нужно будет его зафиксировать.

Мы вышли из лаборатории в холодную ночь. Город дышал влагой и бензином. Я шла впереди, мой шаг был быстрым и уверенным. Мышцы помнили дорогу, хотя я никогда не была в этой части порта ночью. Это была странная уверенность - как будто я плыла по течению, которое сама же и создала.

Когда мы приблизились к причалам, туман стал гуще. Он окутывал портовые краны, превращая их в гигантских доисторических монстров. Звуки города здесь затихали, сменяясь плеском воды о бетон и тем самым скрипом металла, который мы слышали на записи.

Остановись, - прошептал Илья, хватая меня за рукав. - Слышишь?

Я замерла. Сердце билось ровно, в ритме четыре на четыре. Я прислушалась.

Сначала была тишина. Плотная, тяжелая, как вода на глубине пяти метров. А потом...

Тук-тук. Тук-тук.

Ритмичный звук маятника. Он доносился со стороны старого пирса, который уходил далеко в залив.

Это оно, - сказала я. Мой голос не дрогнул. Я была в фокусе. - Идем.

Мы двинулись вперед, стараясь ступать бесшумно. Но мои кроссовки все равно издавали влажный звук на холодном бетоне. Каждый шаг отдавался в моем теле вибрацией. Я чувствовала, как адреналин начинает поступать в кровь, но не давала ему захватить контроль. Я использовала его как топливо.

Пирс был освещен тусклыми фонарями, которые едва пробивали туман. В конце него виднелось какое-то строение - небольшая будка или склад. Дверь была приоткрыта, и она мерно качалась на ветру, ударяясь о косяк.

Тук-тук.

Вот он, твой маятник, - прошептал Илья. Он вытащил рекордер и направил микрофон в сторону звука. - Уровни зашкаливают. Здесь какой-то аномальный акустический фон.

Я не слушала его. Я смотрела на воду. Там, внизу, темные волны лизали сваи пирса. И мне казалось, что я вижу лицо под поверхностью. Бледное, размытое лицо брата.

Кира, посмотри на это, - Илья протянул мне экран рекордера.

На нем отображалась волна. Но она не была хаотичной. Она складывалась в четкие, повторяющиеся паттерны. Это не был шум ветра. Это был код.

Кто-то передает сигнал через акустику места, - быстро заговорил Илья, и в его голосе снова появился технический азарт. - Это не время прошито, это пространство настроено как резонатор. Эти звуки... они искусственные. Их создают специально, чтобы мы их слышали.

Значит, это ловушка? - спросила я, не сводя глаз с темной двери склада.

Или приглашение, - ответил он.

Мы подошли к двери. Скрип металла стал невыносимым, он сверлил мозг, вызывая фантомную боль в зубах. Я толкнула дверь.

Внутри было темно и сыро. Пахло старой солью и ржавчиной. Илья включил фонарик, и луч света разрезал мглу.

Посреди помещения стоял старый радиоприемник. Огромный, ламповый, такие выпускали еще в пятидесятых. Он светился мягким оранжевым светом, и из его динамика доносилось то самое шипение, которое мы слышали в лаборатории.

Это невозможно, - Илья подошел ближе, водя фонариком по прибору. - Он не подключен к сети. У него даже шнура нет.

Приемник издал короткий свист, и шипение сменилось голосом. Тем самым, моим голосом из будущего.

...я не могу дышать... Илья, помоги мне...

Я почувствовала, как по ногам потекла ледяная вода. Но в помещении было сухо. Это были мои чувства, которые от-

казывались подчиняться реальности. Мое тело реагировало на звук как на физическое воздействие.

Кира, назад! - крикнул Илья, но было поздно.

Раздался резкий звук бьющегося стекла. Огромное окно склада, выходящее на залив, разлетелось вдребезги, хотя ветра почти не было. Осколки сверкнули в свете фонарика, как рой серебристых насекомых.

И в этот момент я вскрикнула.

Звук совпал с записью секунда в секунду. Мой голос, голос из приемника и звук разбитого стекла слились в одну оглушительную какофонию.

Я почувствовала удар в бок. Что-то острое полоснуло по куртке, и я упала на холодный пол, заваленный осколками. Боль была острой, обжигающей - именно такой, какую я предчувствовала в лаборатории.

Кира! - Илья бросился ко мне, но я увидела, как из темноты склада за его спиной отделяется тень.

Это был человек. Высокий, в темном плаще, с лицом, скрытым в тени капюшона. Он не шел, он как будто скользил по полу. И в руке у него было что-то металлическое, что хищно блеснуло в свете упавшего фонарика.

Статус: нападение. Угроза: критическая.

Я попыталась встать, но рука соскользнула на стекле. Боль в боку мешала сделать глубокий вдох. Мои легкие, привыкшие к избытку воздуха, сейчас работали на пределе, судорожно хватая кислород.

Не делай этого, - раздался голос.

Тот самый голос. Голос Макса. Он шел не от человека в плаще, а из динамика старого приемника, который теперь орал на всю мощь своих ламп.

Слишком поздно... уходи... - продолжал кричать мертвый брат.

Человек в плаще остановился. Он замер в паре метров от Ильи, который застыл, загораживая меня собой. Это была немая сцена, застывший кадр из фильма ужасов, где звук был единственным живым элементом.

Я смотрела на тень и видела не врага. Я видела отражение собственного страха. Моя мышечная память кричала мне: "Прыгай! Ныряй! Уходи на глубину!".

И я прыгнула.

Не вверх, а в сторону, сбивая Илью с ног, увлекая его за собой под прикрытие старых ящиков. В ту же секунду там, где мы стояли, что-то тяжело ударилось о пол. Звук металла о бетон был таким сильным, что пол вздрогнул.

Бежим! - крикнула я, перехватывая инициативу. Мой голос был резким, как команда стартера.

Мы выскочили из склада под дождь осколков, которые все еще продолжали осыпаться с рамы. Я не оглядывалась. Я слышала, как тень следует за нами, я слышала ритм ее шагов - он был неестественным, слишком быстрым, слишком ровным.

Мы неслись по пирсу, и туман расступался перед нами,

как вода перед скоростным катером. Мое дыхание выровнялось. Страх ушел, оставив только холодный расчет.

Впереди был тупик - край пирса и черная, маслянистая вода залива.

Кира, нам некуда бежать! - задыхаясь, крикнул Илья.

Я посмотрела на него. Его лицо было мокрым от пота и тумана, очки съехали набок. Он выглядел сломленным, раздавленным этой иррациональной атакой.

Прыгай, - сказала я.

Что?

Прыгай в воду, Илья! Это единственный выход. Я вытащу тебя. Доверься мне.

Он посмотрел на черную бездну внизу, потом на приближающуюся тень. Тень уже была видна отчетливо - это был не человек, это был какой-то механический кошмар, обтянутый темной тканью, чьи движения сопровождалось тихим шипением сервоприводов.

Я не умею плавать в такой одежде! - выкрикнул он.

Я умею за двоих, - я схватила его за руку. Мои пальцы впились в его запястье. - На счет три. Раз. Два...

Тень вскинула руку, и я услышала звук, похожий на свист лески.

Три!

Мы шагнули в пустоту.

Падение длилось вечность. Воздух свистел в ушах, вырывая из головы все мысли, кроме одной: задержка дыхания.

Плотность воздуха сменилась сокрушительным ударом воды.

Холод был мгновенным. Он проник под одежду, обжигая кожу, заставляя мышцы сократиться в судороге. Но я была готова. Это была моя стихия. Мой дом. Мое искупление.

Я крепко держала Илью, который начал паниковать, выбрасывая руки в разные стороны. Я прижала его к себе, блокируя его движения, и мощными толчками ног начала уводить нас на глубину, подальше от поверхности, где могли ждать пули или что-то похуже.

В воде звуки изменились. Гул города, крики Макса из приемника, звон стекла - всё превратилось в низкочастотную вибрацию. Но среди этой вибрации я услышала нечто новое.

Это было пение. Тонкий, почти ультразвуковой сигнал, который шел откуда-то из глубины залива. Он был чистым, лишенным помех и эха. Это был голос будущего, который не пугал, а звал.

Я открыла глаза. В соленой воде они щипали, но я видела свет. Далеко внизу, под нами, что-то светилось мягким голубым огнем.

И в этом свете я увидела

ГЛАВА 14: ФИЗИКА СТРАХА

Хлор выедает остатки соли из пор. Я чувствую, как кожа стягивается, превращаясь в плотный гидрокостюм, отделяющий меня от внешнего мира. Вода в бассейне кажется слишком легкой, почти невесомой после тяжелой, маслянистой взвеси залива, которая едва не поглотила нас сорок минут назад. Там, в темноте под пирсом, вода была врагом, скрывающим пули и тот странный, вибрирующий свет. Здесь, в прямоугольнике кафеля и искусственного освещения, она - мой единственный союзник. Я толкаюсь от бортика. Мышцы бедер сокращаются, выбрасывая тело вперед. Скольжение. Первый гребок. Правое плечо привычно отзывается тупой болью - старая травма, напоминание о том, что предел есть у всего, даже у самой совершенной машины.

Я иду кролем, вкладывая в каждый поворот корпуса всю ярость, которую не могу позволить себе выплеснуть на Илью. Он сидит на судейской вышке, длинный, нескладный, чужеродный в этом стерильном царстве плитки и пара. Его темный силуэт ломает геометрию пространства. В руках у него секундомер, который он нашел в тренерской. Я вижу вспышку металла каждый раз, когда поворачиваю голову для вдоха. Раз, два, вдох. Раз, два, вдох.

Кира, ты замедляешься на развороте, бросает он, когда я касаюсь стенки и ухожу на очередной полтинник. Твоя тех-

ника - это чистая математика, но сейчас в формуле ошибка. Ты тратишь лишние ноль три секунды на группировку. Что тебя отвлекает? Голос из будущего или тот факт, что ты не понимаешь, как мы выжили?

Я не отвечаю. Вода забивает уши, превращая его слова в невнятный шум. Илья любит доминировать через анализ. Он препарировывает мой страх, как сложный программный код, пытаюсь найти баг. Но мой страх - это не баг. Это базовая настройка. Статус: инцидент. Уровень угрозы: критический. Реакция: физическая деактивация через истощение. Я увеличиваю темп. Вода становится плотной, как стена. Я пробиваю ее лбом, плечами, ладонями. В этом и заключается суть моего существования - преодоление сопротивления среды, которая стремится тебя остановить.

Когда я наконец останавливаюсь и хватаюсь за край бортика, дыхание вырывается из груди хриплыми толчками. Легкие горят. Это хорошее чувство. Оно настоящее. В отличие от того шепота на записи, который обещает мне встречу с самой собой через три недели.

Ты слышала это там, внизу, говорит Илья, не слезая с вышки. Он не смотрит на меня. Его взгляд прикован к секундомеру, словно цифры могут объяснить явление, нарушающее законы физики. Это было не пение. Это была модуляция сигнала на сверхвысоких частотах. Твои барабанные перепонки восприняли это как звук, но на самом деле это была передача данных. Прямо в твой мост головного мозга. Тебя

взламывают, Кира. Твое будущее - это не пророчество. Это вредоносное ПО, которое уже запущено.

Я подтягиваюсь на руках и сажусь на кафель. Вода стекает с меня, образуя лужу. Я чувствую каждый грамм своего веса. Гравитация - суровая штука после невесомости бассейна.

Это был голос, Илья, говорю я, глядя на свои пальцы. Они дрожат. Едва заметно, но для меня это как землетрясение. Мой голос звучит сухо, без эмоций. Протокольный тон. Это была я. И я не пела. Я звала. Там, под водой, я почувствовала, что та, другая Кира, знает что-то, чего не знаю я. И это знание делает ее сильнее. Она не боится пуль. Она не боится тебя.

Илья спрыгивает с вышки. Его приземление почти бесшумное. Он подходит ближе, и я чувствую исходящее от него напряжение. Он пахнет пылью, дешевым кофе и тем специфическим озоновым ароматом, который появляется рядом с работающими серверами. Он - человек-алгоритм, и сейчас его алгоритм столкнулся с делением на ноль.

Ты ведешь себя как жертва культа, бросает он, присаживаясь на корточки передо мной. Это опасно. Твоя эмоциональная вовлеченность - это именно то, на что они рассчитывают. Кто бы ни стоял за этими звонками, они используют твою травму как бэкдор. Ты ведь до сих пор прокручиваешь тот случай, да? Тот крик, который ты приняла за шутку. Ты думаешь, что если спасешь себя будущую, то искупишь ту ошибку. Но это не так работает. В системе нет функции

отмены транзакции, если данные уже записаны в блокчейн реальности.

Я смотрю ему прямо в глаза. У него зрачки расширены, почти скрывают радужку. Он напуган не меньше моего, но его защита - это цинизм и технические термины. Он прячется за словом блокчейн так же, как я прячусь за задержкой дыхания.

Мой отец тоже так делал, вдруг говорит он, и его голос меняется. Исчезает напор, появляется какая-то странная, ломкая интонация. Он имитировал приступы. Каждые две недели - новый сценарий. Он знал, на какие частоты нужно настроить свой голос, чтобы мать бежала к нему с лекарствами, забывая обо всем. Он взламывал ее через сострадание. Звук - это самый мощный инструмент манипуляции. Твоя запись из будущего - это такой же приступ. Кто-то хочет, чтобы ты бежала на помощь, теряя бдительность.

Я чувствую, как в плечах нарастает гипертонус. Его слова попадают в цель, и это бесит. Я привыкла быть той, кто контролирует ситуацию. Оператор на линии. Человек, который решает, кому жить, а кому ждать приезда группы. А теперь я сама превратилась в звонок, который никто не хочет принимать.

Статус: потеря контроля, фиксирую я про себя. Мышцы пресса каменеют.

Если это манипуляция, то зачем был тот свет в заливе? спрашиваю я. Он был реальным. Ты тоже его видел. И пули

были реальными. Твой Макс в наушниках орал так, будто наступил конец света. Это не симуляция, Илья. Это физика.

Илья проводит рукой по лицу. У него под глазами глубокие тени. Мы не спали уже больше суток, и реальность начинает расслоиться, как старая киноплёнка.

Свет - это побочный эффект прокола, тихо произносит он. Если информация передается из будущего в прошлое, она должна где-то брать энергию. Закон сохранения никуда не делся. В заливе произошел выброс. Локальное изменение энтропии. Вода - идеальный проводник. А ты - идеальная антенна. Твое тело, закаленное годами тренировок, твоя способность контролировать ритм сердца... они используют тебя как аппаратную часть.

Я встаю. Мокрый купальник неприятно холодит кожу. Мне хочется снова прыгнуть в воду, уйти на дно и не всплывать, пока всё это не закончится. Но я знаю, что вода больше не защищает. Она стала частью их системы связи.

Ты говоришь о себе и обо мне так, будто мы - просто железо, Илья. Но я чувствую. Я чувствую страх, который давит на диафрагму. Я чувствую запах хлора. И я чувствую, что ты врешь сам себе, когда говоришь, что тебе не интересно, чем всё закончится. Ты ведь тоже слышал свой голос на той записи. Ты там не рассуждал о блокчейне. Ты умолял меня не отключаться.

Илья резко поднимается. Мы стоим слишком близко. В пустом бассейне эхо наших слов кажется чересчур громким,

почти осязаемым. Он открывает рот, чтобы ответить, вероятно, какую-то очередную колкость, призванную восстановить его интеллектуальное превосходство, но в этот момент происходит то, что мой внутренний протокол классифицирует как фатальный сбой.

Звук начинается не снаружи, а внутри черепа. Тонкий, нарастающий свист, похожий на работу турбины.

Илья, фиксирую я, но мое тело уже реагирует. Я замираю, как перед стартовым сигналом. Сердце делает один мощный удар и затихает. Задержка дыхания. Плотность воздуха меняется. Он становится густым, как сироп.

Илья тоже это чувствует. Его рука тянется к карману, где лежит телефон, но движения кажутся замедленными, словно он движется под слоем тяжелой воды. Его лицо искажается, рот приоткрыт, но звука нет. Только этот свист, переходящий в ультразвук.

И тут свет гаснет.

Не так, как это бывает при коротком замыкании. Лампы не мигают, не трещат. Они просто перестают существовать. Тьма наваливается мгновенно, тяжелая и абсолютная. В ней нет ни единого фотона. Это не отсутствие света, это присутствие чего-то иного.

Кира! голос Ильи доносится как будто из глубокого колодца. Где ты?

Я не отвечаю. Я слушаю. Мой слух, обостренный годами дежурств, сейчас работает в режиме максимального усиления.

ния. Я слышу, как капает вода с моего купальника на кафель. Слышу его прерывистое дыхание в двух метрах от меня. И слышу еще кое-что.

В воде бассейна что-то шевелится.

Это не всплеск. Это движение огромной массы, которая замещает собой объем. Кто-то или что-то вошло в воду без звука.

Статус: контакт. Угроза: неопознана. Локация: сектор А-1, бассейн.

Я опускаюсь на корточки, нащупывая пальцами край плитки. Мышечная память ведет меня. Я знаю это пространство до миллиметра. Три шага вправо - лестница. Пять шагов назад - вход в душевые. Но во тьме дистанции меняются. Пространство кажется искривленным.

Илья, не двигайся, шепчу я. Мой голос тонет в тишине.

Внезапно поверхность воды начинает светиться. Тот самый голубой огонь из залива. Но здесь, в замкнутом пространстве бассейна, он выглядит иначе. Свет исходит не от источника, а от самой воды. Она становится люминесцентной, подсвечивая стены, вышку и застывшую фигуру Ильи.

Он стоит у самого края, глядя вниз. Его лицо в этом свете кажется восковой маской.

Кира, посмотри, шепчет он. Его голос полон ужаса и одновременно научного восторга. Это не вода. Это...

Я подхожу к нему и смотрю вниз. В глубине пятиметровой чаши бассейна нет плитки. Там нет дна. Вместо него я

вижу звездное небо. Тысячи, миллионы точек света, мерцающих в бесконечной пустоте. И среди этих звезд плывет что-то темное, огромное, напоминающее очертаниями человеческое тело, но в десятки раз больше.

Это не галлюцинация, фиксирует мой мозг. Это физическое изменение параметров локации.

Я чувствую, как холодный пот выступает на лбу. Мое тело хочет бежать, но ноги врастают в кафель. Это реакция затравивания. Хищник не видит тебя, если ты не движешься. Но хищник ли это?

В этот момент из глубины, из этой звездной бездны, начинает подниматься звук. Тот самый, который я слышала в заливе. Теперь он чище. Это голос. Но это не один голос. Это хор тысяч моих собственных голосов, звучащих в унисон. Они шепчут разные вещи, накладываясь друг на друга, создавая невыносимую какофонию.

Кира, беги.

Кира, останься.

Кира, ты опоздала.

Кира, всё только начинается.

Я закрываю уши руками, но звук идет изнутри. Мои мышцы сводит судорогой. Я чувствую, как плечи поднимаются к ушам, пытаюсь защитить голову. Тело бывшей пловчихи знает: когда давление становится невыносимым, нужно выравнять его.

Илья хватает меня за плечо. Его пальцы впиваются в кожу,

оставляя синяки.

Нам нужно уходить, Кира! Это не запись! Это... это рекурсия! Система схлопывается!

Он тянет меня к выходу, но я не могу пошевелиться. Я смотрю на темную фигуру, поднимающуюся из звездной воды. Она становится всё ближе, приобретая четкие контуры. И я узнаю эти плечи. Эту посадку головы. Этот шрам на левом предплечье, полученный в тринадцать лет при прыжке с вышки.

Это я. Но не та я, что была вчера. И не та, что будет через три недели. Это я, существующая вне времени, собранная из всех секунд моей жизни, из каждого вдоха и каждого гребка.

Она протягивает руку из воды. Свет заливает всё пространство, становясь ослепительно белым.

Статус: критический сбой системы.

Я чувствую, как Илья тянет меня назад, я слышу его крик, который перекрывает хор голосов, но я уже не здесь. Мое сознание растворяется в этом белом свете, как капля хлорки в океане.

Последнее, что я фиксирую перед тем, как реальность окончательно рассыпается на пиксели - это тиканье секундомера в руке Ильи. Оно звучит как обратный отсчет перед взрывом.

Три.

Два.

Один.

Пустота.

Я прихожу в себя на холодном полу. Запах хлора стал еще сильнее, он забивает ноздри, вызывая рвотный рефлекс. Свет в бассейне горит - ровный, люминесцентный, безжалостный. Все лампы на месте. Вода в чаше спокойная, голубая, обычная. Никаких звезд. Никаких гигантов.

Илья сидит рядом со мной на полу, привалившись спиной к стене. Его трясет. Он сжимает секундомер так сильно, что костяшки пальцев побелели.

Сколько? хриплю я, пытаюсь сесть. Мое тело ощущается как чужое, неповоротливое и слабое.

Он смотрит на экран прибора. Его губы дрожат.

Ноль секунд, Кира. Свет погас и включился мгновенно. Для секундомера не прошло времени. Но я... я видел это всё. Я видел бездну. Я видел тебя там.

Я провожу рукой по волосам. Они сухие.

Взгляд падает на мои руки. На левом предплечье, там, где должен быть старый шрам, кожа абсолютно гладкая. Шрама нет. Как будто его никогда и не было.

Я чувствую, как внутри меня что-то обрывается. Это не просто инцидент. Это изменение базовых данных.

Илья, говорю я, и мой голос звучит чужим, выше на полтона. Посмотри на меня.

Он поднимает глаза, и я вижу в них отражение своего собственного первобытного страха. Он замечает отсутствие шрама. Он замечает, что мои глаза, всегда бывшие серыми,

теперь отливают странным янтарным светом.

Это не перезагрузка, шепчет он, роняя секундомер. Металл звякает о кафель, и этот звук кажется оглушительным в гробовой тишине бассейна. Это замена. Они не просто звонят нам. Они переписывают нас.

Я встаю, пошатываясь. Мышцы отзываются странной, новой силой. То томительное напряжение в плечах, которое преследовало меня годами, исчезло. Я чувствую себя пустой и одновременно невероятно мощной.

Статус: субъект изменен. Уровень угрозы: неопределен.

Я подхожу к зеркалу на стене у входа в раздевалки. Из него на меня смотрит женщина, которая очень похожа на Киру, но в ее взгляде нет той вечной вины, которая была моим топливом последние десять лет. Она выглядит спокойной. Она выглядит... готовой.

Илья подходит сзади. Он не касается меня, боится. Он смотрит на мое отражение как на опасный объект.

Кто ты теперь? спрашивает он.

Я поворачиваюсь к нему. В моей голове больше нет хора голосов. Там тишина. Чистая, стерильная тишина, как в операционной перед началом первой надреза.

Я та, кто дойдет до конца, Илья, говорю я. И я слышу в своем голосе те самые интонации из записи. Тот же ритм, ту же сталь. Теперь я понимаю, почему я на записи умоляла его не отключаться. Потому что без него я превращусь в это существо окончательно.

Нам нужно найти Макса, добавляю я, направляясь к выходу. Мой шаг стал легче, я почти не чувствую веса собственного тела. Физика страха сменилась физикой действия.

Илья идет за мной, его шаги звучат суетливо по сравнению с моими. Он пытается что-то вычислить, его мозг лихорадочно ищет логическое объяснение произошедшему, но я знаю, что логики больше нет. Есть только вектор движения.

Когда мы выходим из здания бассейна, ночной город кажется мне декорацией. Огни фонарей, шум машин вдали, запах мокрого асфальта - всё это кажется плоским и ненастоящим. Настоящим был только тот звездный океан под слоем хлорированной воды.

Мой телефон в кармане куртки вибрирует. Я достаю его. Номер скрыт.

Я не смотрю на Илью. Я нажимаю кнопку приема и прикладываю аппарат к уху.

Привет, Кира, говорит голос на том конце. Это мой голос. Но теперь он звучит в унисон с тем, что я слышу у себя в голове. Нам нужно поговорить о том, что ты видела. Это был не просто глюк. Это была твоя следующая точка сохранения.

Где ты? спрашиваю я, останавливаясь у края тротуара.

Я там, где время еще не стало прямым, отвечает голос. Илья рядом? Передай ему, что его отец был прав. Звук - это инструмент. И мы только что настроили твою октаву.

Я отнимаю телефон от уха и смотрю на экран. Звонок длился ноль секунд. Журнал вызовов пуст.

Илья внимательно следит за каждым моим движением. Он вынимает свой ноутбук прямо здесь, на капоте припаркованной машины, и начинает лихорадочно стучать по клавишам.

Я перехватил сигнал, бросает он, не глядя на меня. Он шел не через сотовую вышку. Он шел через электросеть города. Весь квартал сейчас работает как один гигантский резонатор. Кира, это... это невозможно. Это требует энергии целой электростанции.

Мне всё равно, Илья, говорю я, глядя на свои руки. Пальцы больше не дрожат. Они неподвижны, как у статуи. Мышечная память говорит мне, что я готова к рывку. Полная неподвижность перед стартом.

Мы едем к Максусу, командую я. Он знает, как расшифровать те данные, которые я получила под водой.

Ты получила данные? Илья замирает, его руки зависают над клавиатурой. Каким образом?

Я не знаю, как это объяснить на твоём языке, Илья. Но я их чувствую. Они во мне. Как набор координат. Как ритм заплыва, который нельзя нарушить.

Я сажусь за руль нашей машины. Илья колеблется секунду, глядя на меня с подозрением и страхом, но затем захлопывает ноутбук и садится на пассажирское сиденье. Он знает, что я - его единственный шанс понять, что происходит. И я знаю, что он - мой единственный якорь в этом мире, который стремительно теряет свою плотность.

Я завожу двигатель. Звук мотора кажется мне слишком грубым, слишком примитивным. Я чувствую каждую шестеренку, каждый впрыск топлива. Мое восприятие расширилось до пределов машины, а затем и до пределов улицы.

Мы едем, говорю я, выруливая на пустую трассу.

Город проносится мимо размытыми полосами света. Я не смотрю на спидометр. Я чувствую скорость всем телом. Илья молчит, сжимая в руках свой бесполезный секундомер. Он пытается анализировать меня, но я вижу, как его вера в цифры рушится с каждым пройденным километром.

В какой-то момент он поворачивается ко мне.

Твой шрам, Кира. Он не мог просто исчезнуть. Это противоречит биологии. Клетки не могут регенерировать так быстро.

Биология - это просто еще один протокол, Илья, отвечаю я, не отрывая взгляда от дороги. И сейчас этот протокол обновляется.

Я чувствую, как в глубине моего сознания начинает формироваться новая структура. Это не мысли, это алгоритмы действий. Я знаю, когда загорится следующий светофор. Я знаю, через сколько секунд из переулка выедет грузовик. Я встроена в систему.

Статус: интеграция завершена на сорок процентов.

Мы подъезжаем к дому Макса. Это старое здание с облупившейся краской, которое кажется мне теперь набором геометрических примитивов. Я глушу мотор.

Илья не спешит выходить. Он смотрит на свои руки, затем на меня.

Если ты - это уже не совсем ты, то кто я в этой истории? тихо спрашивает он. Инструмент? Наблюдатель?

Ты - тот, кто должен зафиксировать результат, говорю я, выходя из машины. Твой голос на записи... он был полон боли, Илья. Это значит, что ты всё еще человек. И мне это нужно. Мне нужно, чтобы кто-то помнил, какой я была, когда у меня еще был шрам на руке.

Он выходит вслед за мной. Мы стоим перед дверью подъезда. Ночь кажется неестественно тихой. Даже ветер перестал колыхать ветки деревьев.

Ты боишься? спрашивает он, когда я протягиваю руку к домофону.

Я прислушиваюсь к себе. Внутри меня нет того привычного сжатия в груди, нет сухости во рту. Мое тело работает идеально, как настроенный механизм.

Нет, отвечаю я. И это пугает меня больше всего. Я потеряла физику страха. А без нее я не знаю, как оставаться человеком.

Я нажимаю кнопку. Звук вызова кажется мне сигналом к началу финального заплыва. Мы входим внутрь, и я чувствую, как пространство вокруг нас начинает вибрировать. Будущее больше не звонит по телефону. Оно ждет нас за следующей дверью.

И в этом будущем у меня нет шрамов, нет вины, и, воз-

можно, нет сердца. Но у меня есть цель. И я дойду до нее, даже если для этого придется переписать законы физики этого умирающего мира.

Статус: движение к цели. Препятствия: отсутствуют.

Мы поднимаемся по лестнице, и я слышу, как в квартире Макса работают десятки серверов. Их гул сливается с тем пением, которое я слышала под водой. Гармония восстановлена. Шоу начинается.

ГЛАВА 15: ТЕМНОТА

Запах хлорки - это не просто химический реагент, это молекулярный оттиск моего детства. Он въедается в поры, в подкладку куртки, в самую память, вытесняя любые другие запахи. Когда мы переступаем порог раздевалки, этот аромат бьет в лицо, густой и влажный, как мокрое полотенце. Пространство здесь организовано по законам жесткой геометрии: ряды синих металлических шкафчиков, узкие скамейки, кафель, который всегда кажется скользким, даже если он абсолютно сухой. Мои ступни автоматически ищут устойчивое положение. Пятка - носок, распределение веса по внешней дуге стопы. Привычка пловца.

Илья идет за мной, и я слышу его недовольство по звуку шагов. Его подошвы слишком громко шлепают по плитке. Он не умеет перемещаться в помещениях с такой акустикой. Здесь каждый звук дробится, отражается от потолка и возвращается искаженным эхом. Для Ильи это информационный шум. Для меня - карта местности.

- Зачем мы здесь? - голос Ильи звучит резко, он пытается перекрыть гул вентиляции. - Макс сказал, что сервера в подвале, а это - чертова раздевалка для девочек. Здесь нет ничего, кроме грибка и депрессии.

Я не оборачиваюсь. Мои плечи напряжены, трапециевидная мышца налилась свинцом. Это мой стандартный статус:

ожидание контакта. Я чувствую плотность воздуха. В бассейне он всегда другой, он сопротивляется движению. Я оцениваю дистанцию. До выхода - семь метров. До ближайшего ряда шкафчиков - два. До Ильи - полтора.

- Сервера Макса питаются от общей сети комплекса, - говорю я, стараясь сохранять голос ровным. - Но распределительный щит за этой стеной. Если мы хотим понять, куда уходит сигнал из будущего, нам нужно физическое подключение к магистрали.

Илья фыркает. Я буквально вижу, как он закатывает глаза, не глядя на него. Его раздражает моя уверенность в вещах, которые нельзя потрогать курсором мыши. Для него мир - это код, для меня - это физика тел и объемы вытесненной воды.

- Сигнал из будущего, - повторяет он с неприкрытым сарказмом. - Кира, ты понимаешь, как это звучит? Как диагноз. Мы ищем баг, ошибку в маршрутизации, а не временную петлю.

Он замолкает, и я чувствую, как тишина в раздевалке становится тяжелой. Гул серверов из соседнего помещения просачивается сквозь бетон, создавая низкочастотную вибрацию. Мое тело считывает ее как предстартовый сигнал. В ушах начинает шуметь - это не кровь, это та самая гармония, о которой я думала раньше.

- Ты слышишь? - спрашиваю я.

- Что именно? Твое тяжелое дыхание или то, как у меня

садится батарея на телефоне?

Он достает смартфон. Экран вспыхивает, освещая его лицо - резкие скулы, глубокие тени под глазами, плотно сжатые губы. Он выглядит как человек, который не спал неделю и готов убить за чашку кофе или за логическое объяснение происходящего.

В этот момент свет гаснет.

Это происходит не мгновенно. Сначала лампы дневного света начинают мерцать, издавая противный треск, похожий на предсмертные хрипы. Затем - хлопок где-то в глубине коридора, и наступает абсолютная, физически ощутимая темнота.

В бассейнах темнота никогда не бывает пустой. Она наполнена испарениями, звуком капающей воды и призраками прошлых заплывов. Я замираю. Это не страх. Это протокол. Инцидент: потеря видимости. Угроза: неизвестна. Статус: полная неподвижность.

- Черт, - выдыхает Илья.

Я слышу, как он возится с телефоном. Клацанье кнопок, тихий мат.

- Он не включается, - его голос изменился. В нем появилась трещина. - Кира, телефон заблокирован. Экран просто черный. Я даже фонарик не могу зажечь.

- Тише, - обрываю я его.

Мой слух обостряется до предела. В темноте я начинаю различать слои звука. Первый слой - дыхание Ильи. Оно пре-

рывистое, верхнее, грудное. Он паникует, хотя пытается это скрыть. Второй слой - капель в душевой. Ритмично, медленно. Третий слой - шаги.

Они не наши.

Кто-то идет по кафелю в дальнем конце раздевалки. Мягкие, вкрадчивые шаги, как будто человек идет босиком или в чешках. Тот, кто идет, знает это пространство так же хорошо, как и я. Он не задевает скамейки, не спотыкается о выступы.

- Там кто-то есть, - шепчет Илья. Я чувствую, как он пытается нащупать мою руку в темноте. Его пальцы холодные и влажные.

Я отстраняюсь. Моя правая рука уже скользит по дверце ближайшего шкафчика. Мне нужно оружие. Что-то тяжелое. Мои пальцы натываются на навесной замок. Старый, массивный, из тех, что вешают на шкафчики в старых советских спорткомплексах. Он висит на дужке, не закрытый до конца. Я аккуратно снимаю его. Металл холодит ладонь. Вес - примерно триста граммов. Хороший инерционный снаряд.

- Иди за мной, - говорю я Илье на грани слышимости. - Держись за мой пояс. Не отставай.

- Кира, мы ничего не видим...

- Я вижу, - вру я. На самом деле я чувствую. Я помню планировку. Десять шагов до поворота, затем проход между рядами.

Мы начинаем движение. Мои мышцы работают в режиме

минимального расхода энергии. Я ставлю ногу плавно, перекачиваясь с пятки на носок, гася любой звук. Илья идет сзади, он вцепился в мою куртку, и я чувствую, как его дрожь передается мне. Это раздражает. Он балласт. Он - шум в моей системе.

Шаги впереди прекратились.

Я замираю. Илья врезается мне в спину, я слышу, как он судорожно втягивает воздух. Я сжимаю замок в кулаке так сильно, что дужка впивается в кожу. Боль - это хорошо. Боль возвращает в реальность, когда сознание начинает уплывать в дебри паранойи.

В темноте что-то меняется. Воздух становится еще плотнее, как будто мы погрузились на пятиметровую глубину. Мои легкие горят. Я забыла, как дышать. Старая травма напоминает о себе резким уколом в области лопатки. Та секунда невнимания, когда я не услышала крик, теперь всегда со мной. Она живет в моих мышцах. Она шепчет: ты снова все пропустишь. Ты снова не успеешь.

- Кира, - голос Ильи едва слышен, он звучит прямо у моего уха. - Мне кажется, я слышу запись.

Я прислушиваюсь. Сначала ничего, кроме белого шума в ушах. А потом - да. Тонкий, едва уловимый звук, похожий на помехи в радиоприемнике. Он исходит не из динамиков, он идет отовсюду. И в этом шуме - голос.

Мой голос.

- Протокол соблюден, - произносит запись. Голос звучит

старше, суше, безжизненной. - Точка входа зафиксирована.
21 ноября. Ошибка неизбежна.

У меня подкашиваются ноги. Это не та запись, которую мы слушали в машине. Это что-то новое. Внутренний крик в моей голове начинает лихорадочно фиксировать данные. Инцидент: аудиовизуальная галлюцинация или несанкционированное воспроизведение? Статус: критический.

- Это ты? - Илья сжимает мое плечо. - Кира, это твой голос?

- Молчи, - я сбрасываю его руку.

Шаги возобновляются. Теперь они ближе. Гораздо ближе. Я чувствую движение воздуха в метре от себя. Кто-то стоит прямо перед нами в проходе. Я не слышу дыхания этого человека, только запах. Странный запах - смесь озона и старой бумаги. Так пахнут архивы или техника после короткого замыкания.

Я замахиваюсь замком. Мое тело готово к рывку. Я пловчиха на стартовой тумбе. Секунда до выстрела. Вся моя жизнь - это ожидание этого выстрела.

- Кто здесь? - выкрикиваю я в пустоту. Мой голос дробится об кафель, превращаясь в лай.

Тишина. Даже Илья перестал дышать.

И тут я чувствую это. Холодное прикосновение к моему уху. Не пальцы, а что-то вроде движения воздуха, сфокусированного в одной точке. И шепот, от которого волосы на затылке встают дыбом.

- Двадцать первое ноября, Кира. Не оборачивайся. Просто плыви.

Я резко разворачиваюсь, нанося удар замком по дуге. Металл рассекает воздух, но не находит цели. Я теряю равновесие, задеваю плечом шкафчик, и грохот металла в замкнутом пространстве звучит как взрыв.

- Кира! - Илья вскрикивает, и в этот момент свет включается так же внезапно, как и погас.

Я стою посреди прохода, тяжело дыша. Замок в моей руке блестит в лучах люминесцентных ламп. В раздевалке никого нет. Ряды синих шкафчиков стоят неподвижно, их дверцы закрыты. Илья сидит на скамейке, закрыв лицо руками. Его трясет.

Я оглядываюсь. Никаких следов. Никакого озона. Только запах хлорки и влаги. Мое сердце бьется в ритме бешеного спринта, но внешне я стараюсь выглядеть спокойной. Я оператор. Я фиксирую инцидент.

- Ты это слышал? - спрашиваю я, подходя к Илье.

Он медленно поднимает голову. Его лицо бледное, глаза расширены.

- Дату. Я слышал дату. И твой голос. Кира, что происходит? Твой телефон... он ведь у тебя в кармане?

Я достаю свой телефон. Экран чист. Никаких входящих, никаких активных звонков. Но когда я открываю журнал, я вижу одну запись. Исходящий вызов. Время - минуту назад. Длительность - 0 секунд. Номер... номера нет. Просто пустое

поле.

- Нам нужно уходить, - говорю я. Мой голос звучит чужой, как будто я читаю инструкцию по эвакуации. - Здесь небезопасно.

- Уходить? - Илья вскакивает. - Ты шутишь? Мы только что слышали... это был твой голос из будущего! Он назвал дату! 21 ноября - это через две недели. Мы должны понять, что произойдет в этот день.

- Мы пойдем, - я направляюсь к выходу, не дожидаясь его. - Но не здесь. Здесь я теряю контроль над пространством. А это недопустимо.

Я иду по коридору, и каждый мой шаг отдается болью в мышцах. Я чувствую себя так, будто проплыла пять километров против течения. Плотность воздуха постепенно приходит в норму, но внутри меня что-то изменилось. Та Кира из будущего, которую я только что слышала... она мне не нравится. В ее голосе нет страха, нет сомнений. В нем вообще нет ничего человеческого. Это голос алгоритма, который уже принял решение.

И я боюсь, что этот алгоритм - я сама.

Мы выходим на улицу. Холодный ночной воздух после влажной духоты бассейна кажется обжигающим. Я вдыхаю его полной грудью, пытаюсь вымыть из легких запах хлорки. Илья идет рядом, он молчит, и это молчание мне нравится больше, чем его ирония. Он напуган. Его мир цифр и логики дал трещину, и сквозь нее просачивается что-то ирраци-

ональное, темное.

- Почему 21 ноября? - спрашивает он, когда мы подходим к машине. - Что в этом дне особенного?

Я открываю дверь, сажусь за руль. Мои руки лежат на руле в положении десять и два часа. Стандарт. Контроль.

- В этот день пять лет назад я совершила ошибку, - отвечаю я, глядя прямо перед собой. - Я не услышала, как тонет человек. Я была на дежурстве, я слушала музыку в наушниках. Я думала, что крики - это просто игра детей.

Илья молчит. Я чувствую, как его взгляд сканирует мой профиль. Он ищет признаки слабости, но я не дам ему их. Мои слезы высохли еще в бассейне, когда мне было шестнадцать.

- Ты думаешь, это как-то связано? - тихо спрашивает он.

- Будущее всегда связано с прошлым, Илья. Особенно если это будущее пытается до тебя дозвониться. Оно не хочет нас предупредить. Оно хочет, чтобы мы совершили ту же ошибку. Или новую, еще более масштабную.

Я завожу двигатель. Машина вибрирует, и эта вибрация успокаивает меня. Это понятно. Это механика.

- Статус: движение к новой цели, - произношу я вслух, скорее для себя, чем для него.

- Какая цель? - Илья пристегивает ремень.

- Найти того, кто записал этот голос. Потому что это была не я. Это была имитация. Цифровой слепок. И тот, кто его создал, знает о 21 ноября больше, чем я сама.

Я выезжаю с парковки. В зеркале заднего вида я вижу здание бассейна. Оно выглядит как огромный бетонный гроб, в котором заперты мои воспоминания и чужие голоса. Я знаю, что мы вернемся сюда. Но в следующий раз я буду готова. Я возьму с собой не замок от шкафчика, а что-то более существенное.

В моей голове голос из будущего продолжает звучать на репите. 21 ноября. Ошибка неизбежна.

Я крепче сжимаю руль. Мышцы плеч каменеют. Я чувствую воду вокруг себя, хотя нахожусь в сухом салоне автомобиля. Это заплыв на длинную дистанцию. И я не собираюсь тонуть во второй раз.

Илья смотрит в окно. Его профиль в свете уличных фонарей кажется высеченным из камня. Он больше не спорит. Он принял правила игры, даже если они ему не нравятся. Мы оба теперь в одной лодке, или, скорее, на одной дорожке. И финиш уже виден, даже если он скрыт в тумане будущего.

- Кира, - говорит он, не оборачиваясь. - Если 21 ноября что-то случится... если все пойдет не так...

- Не пойдет, - обрываю я. - Я не допущу этого. У меня есть протокол на случай любой неисправности.

- Ты не можешь все предусмотреть. Ты человек, а не сервер.

- В этом твоя ошибка, Илья. Ты считаешь, что люди слабее систем. Но система не умеет чувствовать вину. А вина - это самый мощный стимул, который я знаю. Она заставляет тебя

работать, когда другие сдаются. Она заставляет тебя слышать то, что другие игнорируют.

Я переключаю передачу. Машина ускоряется, разрезая ночную тьму фарами. Впереди - пустая трасса, уходящая в горизонт. Где-то там, через четырнадцать дней, нас ждет точка невозврата. И я сделаю все, чтобы в этот раз звук, который я услышу, был звуком победы, а не криком о помощи, на который никто не ответил.

Мой внутренний счетчик запускается. Четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов. Двадцать тысяч сто шестьдесят минут. Каждая секунда теперь на счету. Статус: активное ожидание. Препятствия: время.

Мы едем в тишине, и я чувствую, как плотность воздуха в машине постепенно выравнивается. Но на периферии сознания все еще стоит тот запах - озон и старая бумага. Запах будущего, которое уже здесь, дышит нам в затылок и шепчет даты, которые мы предпочли бы забыть.

Я смотрю на Илью. Он закрыл глаза, его голова откинута на подголовник. Он выглядит измотанным. Его вера в логику разбилась об этот шепот в темноте. Теперь он мой. Он пойдет за мной, потому что я - единственная, кто знает, как двигаться в этой воде.

- Спи, - говорю я тихо. - Нам понадобятся силы.

Он не отвечает, но я вижу, как расслабляются его пальцы, сжимавшие край сиденья. Он делегировал мне ответственность. Именно то, чего я всегда хотела и чего боялась больше

всего. Теперь я веду. И цена ошибки выросла вдвое.

Я перевожу взгляд на дорогу. Впереди мелькают дорожные знаки, похожие на маркеры в бассейне. Поворот, прямая, финишная прямая. Главное - не сбиться с дыхания. Главное - держать ритм.

21 ноября. Я запомнила. Я приду подготовленной.

Текст главы продолжается, описывая их путь через ночной город. Город кажется вымершим, декорацией к фильму, который еще не снят. Кира анализирует каждое движение Ильи, каждое изменение в его дыхании. Она классифицирует его как "ресурс", который нужно сохранить. Ее мысли постоянно возвращаются к той ночи в бассейне пять лет назад. Она вспоминает вкус воды, крики, которые она приняла за смех, и тишину, которая последовала за ними. Эта тишина была такой же абсолютной, как та, что наступила в раздевалке сегодня.

Она понимает, что голос на записи - это не просто подделка. Это версия ее самой, которая справилась. Которая пережила 21 ноября и стала чем-то иным. Чем-то более совершенным и холодным. И Кира не знает, хочет ли она стать такой.

- Ты боишься ее? - вдруг спрашивает Илья, не открывая глаз.

- Кого?

- Себя из будущего. Ту, которая звонит.

Я медлю с ответом. Мои пальцы слегка дрожат на руле, и

я немедленно фиксирую это как сбой системы.

- Я не боюсь инструментов, Илья. А она - инструмент.
Способ передачи данных.

- Нет, Кира. Она - это результат. И судя по голосу, результат тебе не нравится.

Он прав. И это бесит меня больше, чем его цинизм. Он вскрыл мою защиту одним коротким вопросом. Я чувствую себя обнаженной под его невидимым взглядом.

- Мне не нужно нравиться себе, чтобы выполнять свою работу, - отрезаю я.

Мы въезжаем в жилой квартал. Высотки смотрят на нас темными окнами-глазницами. Где-то там, в одной из этих коробок, Макс пытается расшифровать сигнал, который мы привезли. Но я уже знаю: сигнал - это не цифры. Сигнал - это мы сами.

Я паркуюсь у подъезда. Двигатель замолкает, и тишина снова наваливается на нас. Но теперь это другая тишина. В ней нет угрозы, только усталость.

- Мы приехали, - говорю я.

Илья открывает глаза. В них больше нет того высокомерия, с которым он встретил меня утром. Теперь в них - отражение моей собственной тревоги.

- 21 ноября, - повторяет он, как заклинание. - У нас мало времени.

- Времени всегда мало, Илья. Его ровно столько, сколько нужно, чтобы совершить ошибку. Или чтобы ее исправить.

Мы выходим из машины и направляемся к подъезду. Мои шаги звучат четко и уверенно на асфальте. Плотность воздуха нормальная. Статус: готовность к следующему этапу.

Но глубоко внутри, в той части меня, которая все еще остается шестнадцатилетней девочкой в наушниках у бассейна, я знаю: 21 ноября - это не просто дата. Это день, когда вода снова сомкнется над моей головой. И в этот раз мне придется научиться дышать под водой, или я исчезну навсегда.

Мы входим в лифт. Двери закрываются с тихим шелестом. Металлическая коробка начинает подъем. Я смотрю на свое отражение в зеркальной панели. Мои глаза кажутся чужими. В них светится та же холодная решимость, которую я слышала в голосе на записи.

Процесс трансформации начался. И я не могу его остановить.

Статус: переходный период. Угроза: внутренняя. Цель: выжить.

Лифт останавливается, и двери открываются, выпуская нас в коридор, наполненный гулом серверов. Шоу продолжается. И я готова сыграть свою роль до конца. Даже если финал уже записан на пленку, которую я еще не слышала.

Я делаю шаг вперед, чувствуя, как мышцы плечевого пояса снова приходят в тонус. Это мой старт. И я не промахнусь мимо воды.

21 ноября. Я жду тебя.

Текст главы завершается на этой ноте, оставляя читателя в напряжении перед грядущими событиями. Кира и Илья входят в квартиру Макса, где их ждет новая порция данных, но теперь они знают, что их противник - не просто код, а само время, имеющее голос и знающее их самые сокровенные страхи. Конец главы.

ГЛАВА 16: СЛЕДЫ

Порог моей квартиры - это финишный створ. Когда я пересекаю его, я должна чувствовать декомпрессию, как будто всплыла с двадцатиметровой глубины и наконец могу выплюнуть загубник. Но сегодня воздух в прихожей не кажется разреженным. Он плотный, застоявшийся и пахнет чем-то чужим, хотя я не была здесь всего несколько часов. Статус: нарушение периметра. Уровень угрозы: неопределен.

Илья заходит следом, не дожидаясь приглашения. Он не гость, он - инородное тело в моей выверенной экосистеме. Его ботинки с тяжелой подошвой оставляют влажные следы на светлом ламинате. Раз, два, три. Я фиксирую эти пятна как вещественные доказательства. Мой внутренний протокол орет о нарушении порядка, но я заставляю себя дышать ровно. Вдох на четыре счета, задержка, выдох на шесть. Это база. Если не контролируешь легкие, не контролируешь ничего.

- Ты всегда так долго возишься с замками? - Илья стоит у меня за спиной, и я кожей чувствую его нетерпение.

Он раздражает. Его темп - это вечный спринт, а я привыкла к длинным дистанциям, где нужно экономить силы и следить за каждым гребком. Я закрываю нижний замок. Щелчок. Верхний. Щелчок. Задвижка. Три секунды. Это мой ритуал. Моя гарантия того, что мир снаружи не просочится

внутри без моего ведома.

- Это называется безопасность, Илья. Тебе ли не знать. В твоём мире все защищено кодами, в моём - сталью. Сталь надежнее, её нельзя взломать удаленно, - я кидаю ключи на тумбочку. Звук металла о дерево звучит слишком громко в тишине.

- Сталь режется болгаркой за сорок секунд, Кира. Твоя уверенность в этих железках - это просто костыль для психики. Дай мне пять минут, и я покажу тебе, где у тебя дыры, через которые может пролезть средних размеров слон, - он уже проходит в гостиную, сканируя пространство взглядом.

Его глаза работают как объектив камеры. Он не смотрит на уютный плед на диване или на стопку книг, которые я собираюсь прочесть уже полгода. Он ищет углы, слепые зоны, розетки. Он ищет точки входа. Его цинизм - это не просто черта характера, это его бронезилет. Я знаю этот тип людей. Его отец имитировал приступы, чтобы держать его на поводке, и теперь Илья верит только логам. Цифры не врут, цифры не плачут. Я тоже не плачу. Я просто считаю секунды.

- Располагайся. Чай, кофе, паранойя? - я иду на кухню, стараясь не задевать его плечом.

В маленьком коридоре мы неизбежно сближаемся. Его куртка пахнет дождем, озоном и чем-то техническим, вроде разогретого пластика. Это запах его работы, его жизни. Мое тело реагирует мгновенно: мышцы плечевого пояса каменеют. Это не страх, это предстартовая лихорадка. Плотность

воздуха между нами увеличивается, как будто мы оба под водой и пытаемся нащупать дно.

- Кофе. Черный. Как твои перспективы на спокойный сон, - он не шутит.

Я достаю доску и нож. Нарезать овощи - это лучшее средство от тревоги. Механическое действие. Ритм. Нож входит в плоть огурца с характерным хрустом. Секунда - срез. Секунда - срез. Илья в это время начинает свой обход. Я слышу его шаги. Он не просто ходит, он проверяет окна. Слышу, как шуршат шторы.

- Окна на защелках. Десятый этаж. Сюда только альпинист залезет, - кричу я из кухни, не прерывая ритма.

- Или дрон. Или направленный микрофон. Или просто кто-то, кто знает, что ты считаешь десятый этаж безопасным, - его голос звучит из спальни. Сухо, отрывисто.

Он выходит обратно в коридор, в руках у него какая-то катушка. Тонкая леска, почти невидимая.

- Что это? - я замираю с ножом в руке.

- Ловушки. Старая школа. Если дверь откроется больше чем на пять сантиметров, эта нить порвется и потянет за собой вот этот колокольчик. Технологии - это круто, но физика - это база. Ее нельзя обмануть программным сбоем.

Он начинает натягивать леску у входной двери. Его пальцы двигаются быстро, уверенно. Он похож на паука, плетущего сеть. Я смотрю на его руки и думаю о том, что эти же руки на той записи из будущего касались меня. Или не ме-

ня? В голове всплывают фрагменты аудиофайла. Мой голос, его голос. Там мы были другими. Там не было этого барьера из иронии и недоверия. Там была общая цель. Или общее отчаяние.

- Ты веришь, что это мы? - спрашиваю я, глядя, как он завязывает узел.

Илья замирает на секунду. Его спина напряжена. Он не оборачивается.

- Я верю в метаданные, Кира. Голос можно подделать. Частоты можно подогнать. Нейросети сейчас творят чудеса. Но там... там есть интонации, которые невозможно просчитать алгоритмом. Твои запинания. То, как ты задерживаешь дыхание перед тем, как сказать что-то важное. Это биологический маркер. Его сложно имитировать.

- Значит, веришь, - я продолжаю резать овощи. Крупно, небрежно. Мой перфекционизм дает сбой.

- Значит, я допускаю вероятность в девяносто восемь процентов, что это запись реального события. Но это не значит, что оно произойдет. Будущее - это не рельсы. Это дерево вариантов. Мы просто услышали одну из веток. Наша задача - отпилить ее на хрен.

Он заканчивает с дверью и проходит на кухню. Садится на табурет, наблюдая за мной. Его присутствие занимает все пространство. Моя квартира всегда казалась мне просторной, но сейчас она сжалась до размеров лифта.

- Ты режешь слишком мелко, - замечает он. - Травоядный

подход. Нам нужны калории, а не эстетика.

- Я режу так, как мне удобно, Илья. Это мой дом. Мои правила. Мой алгоритм выживания. Если тебе что-то не нравится, дверь там. Только осторожно, не порви свою высокотехнологичную ниточку.

Он усмехается. Коротко, беззвучно. В его глазах на мгновение мелькает что-то похожее на уважение, но он тут же гасит это чувство. Он не может позволить себе симпатию. Для него это уязвимость. Его отец научил его: если ты открываешься, в тебя втыкают нож. Или имитируют инфаркт.

- Ладно, оператор. Давай свой салат. Посмотрим, насколько твоя кулинария соответствует твоему уровню тревожности.

Мы едим в молчании. Слышно только, как вилки касаются тарелок. Это неловкое молчание, оно наполнено невысказанными вопросами. Я смотрю на него и пытаюсь классифицировать этот инцидент. Илья в моем доме - это нарушение протокола. Но почему-то мне не хочется его выгонять. Голос из будущего сказал, что он единственный, кому я могу доверять. И это пугает меня больше, чем возможность смерти. Доверие - это то, что я разучилась чувствовать в тот день, когда не услышала крик Лены. Я приняла ее вопль за игру, за подростковую дурость. А она тонула. По-настоящему. С тех пор я слышу всё. Каждую фальшивую ноту, каждое изменение тембра. И в голосе Ильи я слышу ту же надломленность, что и в своем.

- О чем ты думаешь? - он отставляет тарелку.

- О том, что ты слишком много места занимаешь. И о том, что завтра нам нужно вернуться к Максусу. Там остались логи, которые мы не досмотрели.

- Макс мертв, Кира. Его квартира под наблюдением. Туда соваться сейчас - это самоубийство. Нужно искать другой путь. У него был серверный бэкап. Я уверен. Он был параноиком похлеще нас с тобой вместе взятых.

- Ты сказал - нас? - я ловлю его на слове.

Он морщится, как от зубной боли.

- Фигура речи. Не обольщайся. Мы просто временные союзники в борьбе против аномалии.

- Аномалия. Красивое слово для того, чтобы не называть это судьбой.

Я встаю, чтобы убрать посуду. Мои движения автоматические. Помыть, вытереть, поставить на полку. Раз, два, три. Я чувствую, как усталость накрывает меня тяжелой волной. Это та самая усталость, которая бывает после заплыва на полтора километра, когда ты выходишь из бассейна, и твое тело вдруг становится неподъемным. Гравитация вспоминает о твоём существовании.

- Тебе нужно поспать, - говорит Илья. Он стоит у окна, глядя на ночной город сквозь щель в шторах. - Я дежурю первый. У меня с собой ноутбук, поработаю над расшифровкой тех фрагментов, что мы успели стянуть.

- Я не привыкла, чтобы кто-то дежурил вместо меня.

- Привыкай. В этом и проблема твоего типажа. Ты думаешь, что если ты закроешь глаза, мир рухнет. Спойлер: он рухнет в любом случае, вопрос только в том, будешь ты при этом выславшейся или с красными глазами и замедленной реакцией. Иди.

Я не спорю. Сил на спор нет. Я иду в спальню, чувствуя его взгляд на своей спине. Это не сальный взгляд мужчины, это оценка безопасности. Он проверяет, насколько я функциональна.

В спальне темно и прохладно. Я не зажигаю свет. Мое тело помнит каждый сантиметр этой комнаты. Пять шагов до кровати. Один шаг вправо - комод. Я ложусь поверх покрывала, не раздеваясь. Только снимаю кроссовки. В моем мире расслабленность - это риск. Я должна быть готова сорваться с места в любую секунду. Плотность воздуха здесь кажется другой, более домашней, но присутствие Ильи в соседней комнате меняет акустику. Я слышу, как он щелкает клавишами. Быстрый, рваный ритм. Код. Он разговаривает с машинами.

Я закрываю глаза и пытаюсь восстановить дыхание. Но мысли не слушаются. Они крутятся вокруг того факта, что моя жизнь превратилась в один сплошной протокол обработки инцидента. Где та грань, когда я перестала быть человеком и стала оператором? Наверное, там, в воде, когда я поняла, что секунда невнимания стоит жизни.

Сон не идет. Я чувствую плечом край подушки. Что-то

не так. Моя мышечная память сигнализирует об аномалии. Подушка лежит выше, чем обычно. На пару сантиметров. Для обычного человека это пустяк, но для меня, привыкшей фиксировать микроизменения, это как красный флаг на пляже.

Я медленно, очень медленно протягиваю руку под подушку. Мои пальцы касаются холодного, гладкого пластика. Это не мой предмет. У меня под подушкой только пустота и страх проспать тревогу.

Я вытаскиваю руку. В ладони - маленький диктофон. Черный, матовый, без опознавательных знаков. Мое сердце делает лишний толчок, сбивая ритм. Я чувствую, как адреналин впрыскивается в кровь, вызывая мгновенный тонус.

Я не клала его сюда.

Илья? Нет, он был со мной всё время. Мы вошли вместе. Он не мог зайти в спальню и спрятать это так, чтобы я не заметила. Значит, кто-то был здесь до нас. Кто-то, у кого есть ключи. Или кто-то, кто умеет вскрывать сталь быстрее, чем за сорок секунд.

Я сижу на кровати, сжимая диктофон в руке. Он кажется тяжелым, как граната с выдернутой чекой. В соседней комнате продолжает стучать клавиатура. Илья там. Он уверен, что мы в безопасности. Он натянул свои лески и поставил колокольчики, но враг уже внутри. Или он уже ушел, оставив мне послание.

Я нажимаю на кнопку воспроизведения. Звук тихий, едва

различимый шелест. А потом - голос.

Это мой голос. Но он звучит так, будто я долго кричала. Хриплый, изломанный.

- Кира, если ты это слушаешь, значит, ты уже привела его домой. Это ошибка. Он не тот, кем кажется. Посмотри в его сумку. Прямо сейчас. Пока он не закончил установку программы. Посмотри в сумку, Кира. Время пошло. Двадцать первое ноября уже близко.

Запись обрывается сухим щелчком.

Я сижу в темноте, и мне кажется, что вода заполняет комнату. Холодная, соленая вода. Я не могу дышать. Мои плечи сводит судорогой. Статус: критический сбой. Уровень угрозы: максимальный.

Мне нужно встать. Мне нужно выйти в гостиную и посмотреть в глаза человеку, который натягивал лески у моей двери, обещая безопасность. Или мне нужно молчать и ждать. Но пловцы не ждут. Пловцы делают рывок.

Я встаю с кровати. Диктофон обжигает ладонь. Я чувствую, как во мне просыпается та, другая Кира. Та, что слышала запись в архиве. Та, что готова на всё, чтобы дожить до двадцать первого ноября.

Я выхожу из спальни. Илья сидит к спиной ко мне. Свет от монитора окрашивает его затылок в мертвенно-голубой цвет. Он не слышит моих шагов. Или делает вид, что не слышит.

- Илья, - произношу я. Мой голос ровный. Никаких эмо-

ций. Только сухой расчет.

Он оборачивается. В его глазах отражаются строки кода.

- Ты почему не спишь? Я же сказал, я на посту.

- Я нашла кое-что. Под подушкой.

Я протягиваю руку с диктофоном. В этот момент я слежу за его реакцией. Каждое микродвижение зрачков, натяжение мышц челюсти, положение рук. Он смотрит на черный прибор, и на его лице проносится целая гамма чувств: от недоумения до холодного, расчетливого страха.

- Что это? - спрашивает он, и я слышу фальшь. Или мне так кажется, потому что я хочу ее слышать?

- Это мой голос, Илья. Снова. И он говорит, что мне нужно проверить твою сумку.

Тишина становится такой плотной, что ее можно резать ножом. Тем самым, которым я резала огурцы. Илья медленно встает. Он не делает резких движений, но я вижу, как он группируется. Он готов к прыжку. Или к защите.

- Кира, послушай меня... - начинает он, и его темп замедляется. Это плохой знак. Когда он говорит медленно, он пытается манипулировать.

- Посмотри мне в глаза и скажи, что в твоей сумке только ноутбук и зарядка, - я делаю шаг вперед. Я чувствую плотность воздуха. Я готова к старту.

- В моей сумке то, что поможет нам выжить, - его голос становится жестким. - Но если ты сейчас начнешь впадать в паранойю из-за какой-то записи, которую подбросили в твою

квартиру, мы проиграем. Ты понимаешь, что это провокация? Нас пытаются столкнуть лбами. Это классика. Разделяй и властвуй.

- Кто подбросил? Твои ниточки были целы. Окна закрыты.

- Значит, они были здесь раньше. Или у них есть доступ, о котором мы не знаем. Кира, включи голову. Я здесь, с тобой. Я рискую не меньше твоего.

Я смотрю на его сумку, которая стоит у дивана. Она кажется мне черной дырой, способной поглотить всё мое доверие. Мой внутренний критик фиксирует: задержка принятия решения - три секунды. Недопустимо.

Я делаю рывок. Не к нему, а к сумке. Илья не успевает среагировать - или не хочет. Я хватаю сумку и вытряхиваю ее содержимое на ковер. Ноутбук, провода, какой-то странный прибор с антеннами, связка ключей и... конверт. Плотный, желтый конверт с моим адресом, написанным от руки.

- Это что? - я указываю на конверт.

Илья молчит. Его лицо теперь абсолютно непроницаемо. Он похож на статую.

- Открой, - говорит он тихо. - Ты всё равно не успокоишься.

Я рву бумагу. Внутри - фотографии. Мои фотографии. Я выхожу из работы. Я в магазине. Я стою у подъезда. И на каждой фотографии на полях стоят пометки: время, дистанция, возможные точки ликвидации. И подпись внизу, сделанная тем же почерком: Объект под контролем. Срок - до

21 ноября.

Я чувствую, как пол уходит у меня из-под ног. Это не просто слезка. Это протокол подготовки.

- Ты... ты следил за мной? - я поднимаю взгляд на Илью.

- Нет, Кира. Это я нашел в почтовом ящике Макса сегодня утром. Я не хотел тебе показывать, пока не разберусь, кто это снимал. Ты и так на грани. Я думал, что смогу вычислить их по метаданным камер, которые могли попасть в кадр.

- Ты врал мне. С самого начала.

- Я защищал тебя! - он делает шаг ко мне, и я отступаю. - В твоём состоянии любая лишняя информация - это детонатор. Ты бы сорвалась. А нам нужно было дойти до квартиры Макса.

- Защищал? Ты пришел ко мне в дом, зная, что за мной охотятся, и скрыл это? Это не защита, Илья. Это контроль. Такой же, какой был у твоего отца.

Его лицо искажается от боли. Я попала в самую точку. Его главная травма, его личный ад. Он ненавидит контроль, но сам стал его рабом.

- Я не он, - рычит он. - Я пытаюсь спасти твою жизнь, потому что на той гребаной записи я слышу, как я... как я за тебя боюсь. Ты понимаешь это? Тот Илья из будущего, он не просто твой напарник. Он... он готов сдохнуть за тебя. И я пытаюсь понять, почему.

Я стою посреди гостиной, окруженная фотографиями своей жизни, которая мне больше не принадлежит. Дикто-

фон в моей руке молчит, но его слова продолжают звучать у меня в голове. Ошибка. Он не тот, кем кажется.

Кому верить? Голосу из будущего, который может быть манипуляцией? Или человеку, который стоит передо мной и пахнет дождем и ложью?

В этот момент в коридоре раздается звук. Тонкий, дребезжащий звук колокольчика.

Леска порвалась.

Мы оба замираем. Илья мгновенно гасит монитор ноутбука. В квартире воцаряется абсолютная темнота, прорезаемая только слабым светом уличных фонарей сквозь щели в шторах.

Плотность воздуха достигает предела. Это больше не вода. Это лед.

- Кира, за меня, - шепчет Илья.

В его руке откуда-то появляется нож. Тот самый, кухонный, которым я резала салат. Он двигается бесшумно, как тень. Его цинизм испарился, осталась только чистая функциональность.

Я прижимаюсь к стене, чувствуя холод бетона. Мое сердце бьется в ритме кроля - быстро, мощно. Я готова к рывку. Я не боюсь. Страх - это для тех, у кого есть время на чувства. У меня есть только протокол.

Дверь в прихожую медленно открывается. Я слышу шорох подошв по ламинату. Один человек. Вес около восьмидесяти килограммов. Шаг уверенный, не крадущийся. Он знает, что

мы здесь. Или ему плевать.

- Кира, я знаю, что ты не спишь, - голос звучит из темноты прихожей.

Этот голос я узнаю из тысячи. Он преследует меня в кошмарах. Он звучит в архивах.

Это голос моего начальника смены. Человека, который научил меня всему. Человека, который заставил меня поверить, что я - просто винтик в системе.

- Михалыч? - мой голос звучит чуждо в этой тишине.

- Выходи, девочка. Нам нужно поговорить о твоём будущем. Настоящем будущем, а не о тех сказках, что тебе крутит этот хакер.

Илья напрягается, он готов к атаке. Я кладу руку ему на плечо. Мои пальцы впиваются в его куртку. Мышечная память подсказывает: сейчас не время для боя. Сейчас время для информации.

- Оставайся здесь, - шепчу я ему.

- Ты с ума сошла? Он вооружен.

- Он мой учитель. Если бы он хотел меня убить, я бы не дошла до квартиры.

Я выхожу в коридор. Михалыч стоит у самой двери, подсвеченный лампой из подъезда. Он выглядит усталым. В его руках нет оружия, только старая кожаная папка.

- Ты нарушила все инструкции, Кира. Статус инцидента: неуправляемый занос. Зачем ты впустила его?

Он кивает в сторону гостиной, где затаился Илья.

- Он помогает мне разобраться. В отличие от вас, Михалыч. Вы знали о записях. Вы знали, что 21 ноября что-то произойдет.

- Мы знали, что система начала выдавать артефакты. Мы пытались их изолировать. Но ты... ты сделала это личным. Ты начала слушать не голоса, а свои чувства. А чувства в нашей работе - это приговор.

- Мои чувства - это единственное, что еще не записано на пленку! - я почти кричу.

Михалыч вздыхает. Он делает шаг ко мне, и я вижу в его руках не папку, а портативный сканер.

- Твое будущее уже определено, Кира. Мы просто пытаемся сделать финал менее болезненным. Для всех.

Он нажимает кнопку на сканере, и по комнате пробегает зеленый луч. Илья вылетает из гостиной, сбивая Михалыча с ног. Нож сверкает в темноте. Началась свалка.

Я стою и смотрю, как два мира сталкиваются в моей прихожей. Старая школа протоколов и новая школа цифрового хаоса. А в моей руке всё еще сжат диктофон.

Я нажимаю на кнопку воспроизведения еще раз. И в этот раз я слышу то, что пропустила из-за шума крови в ушах.

На заднем плане записи, за моим хриплым голосом, звучит мерный звук. Тик-так. Тик-так.

Это не часы. Это метроном в тренировочном зале моего бассейна.

Я знаю, где была сделана эта запись. И я знаю, что 21 но-

ября я буду там.

- Хватит! - кричу я.

Илья и Михалыч замирают. Михалыч прижат к полу, Илья держит нож у его горла.

- Уходите. Оба.

- Кира, ты не понимаешь... - начинает Илья.

- Я всё понимаю. Вы оба используете меня как ключ к своим целям. Для одного я - дефектный оператор, для другого - баг в системе, который нужно изучить. Но я - Кира. Я пловчиха. И я сама выберу, в какую воду мне прыгать.

Я открываю входную дверь настежь.

- Вон.

Михалыч медленно встает, поправляя пиджак. В его глазах нет злости, только бесконечная жалость.

- Ты совершаешь ошибку, девочка. Без системы ты - ничто. Просто испуганная женщина, которая не услышала крик подруги десять лет назад.

Это удар под дых. Но я держу блок. Мои мышцы не дрожат.

- Система не спасла Лену, Михалыч. И она не спасет меня.

Уходите.

Когда дверь за ними закрывается, я остаюсь в абсолютной тишине. В моей квартире пахнет порохом, потом и страхом. Я иду на кухню, сажусь на пол и прислоняюсь спиной к холодильнику.

Плотность воздуха наконец приходит в норму. Я одна.

Мой алгоритм разрушен, мой дом осквернен, мое будущее записано на пленку.

Я достаю из кармана фотографии, которые Илья прятал в сумке. Раскладываю их перед собой на полу. Мое лицо на снимках кажется мне чужим. Слишком спокойным. Слишком уверенным.

Я провожу пальцем по одной из фотографий. 21 ноября. Точка назначения.

Я не знаю, смогу ли я изменить то, что должно случиться. Но я знаю одно: я больше не буду слушать чужие голоса. Даже если это мой собственный голос из будущего.

Я встаю, иду в ванную и включаю холодную воду. Я опускаю лицо в струю, чувствуя, как кожа немеет. Это мой старт. Моя дистанция. И в этот раз я не промахнусь мимо воды.

21 ноября. Я жду себя.

Я смотрю в зеркало. Мои глаза больше не кажутся чужими. В них светится та самая решимость, которую я слышала на записи. Процесс трансформации завершен. Я не просто выжившая. Я - та, кто пишет свою историю сама. Даже если чернила - это кровь, а бумага - это время.

Я выхожу из ванной, ложусь на кровать и закрываю глаза. Впервые за долгое время я засыпаю мгновенно. Без протоколов. Без проверок. Без страха.

Потому что теперь я знаю: следы ведут не только в прошлое. Они прокладывают путь туда, где я наконец стану свободной.

Статус: автономный режим. Угроза: осознана. Цель: встретить финал с открытыми глазами.

ГЛАВА 17: ЧУЖОЙ ГОЛОС

Воздух в моей гостиной стал густым, как незастывшее желе. В пловцовской практике это называется эффектом тяжелой воды - когда каждый гребок требует в три раза больше усилий, чем обычно, а продвижения вперед почти нет. Я сидела на краю дивана, чувствуя, как лопатки упираются в невидимую стену. Илья стоял у окна, его силуэт казался вырезанным из черного картона на фоне серого питерского неба. Он не шевелился уже минуты три. Его правая рука, та, которой он сжимал диктофон, побелела в суставах. Статус: критический. Уровень угрозы: неопределен.

На столе между нами лежал старый репортерский Олимпус. Маленькая серебристая коробочка, которая сейчас весила больше, чем бетонная плита. Я видела, как в Илье идет борьба между инженером и сыном. Инженер требовал логики, спектрального анализа, проверки на дипфейк. Сыну просто хотел перестать слышать то, что слышать было невозможно.

Включай - сказала я. Мой голос прозвучал сухо, как щелчок предохранителя. Никакого сочувствия. В нашей работе сочувствие - это лишний вес, который тянет на дно обоих.

Илья не обернулся. Он нажал кнопку не глядя.

Сначала пошел шум. Белый шум, переходящий в низкочастотный гул, похожий на звук турбины самолета, когда ты

сидишь в хвосте. Потом раздался кашель. Сухой, надсадный, характерный для курильщика с сорокалетним стажем. Я видела, как у Ильи дернулось плечо. Мышечный спазм. Дельтовидная мышца сократилась, как от удара током.

Илья, ты опять оставил паяльник включенным? - Голос из динамика был четким, лишенным цифрового дребезжания. Это не была запись с помехами. Это был живой звук, объемный, со всеми нюансами выдохов и причмокиваний. - Сколько раз говорить, ты спалишь нам всю лабораторию. Твоя рассеянность когда-нибудь станет причиной системного сбоя.

Илья медленно повернулся. Лицо его было серым, как пепел. Он смотрел на диктофон так, словно из него сейчас вылезет чудовище. Я знала эту интонацию. Так говорят люди, которые привыкли, что их боятся или слушаются беспрекословно. Властный, холодный тон человека, который видит мир как схему.

Этого не может быть - прошептал Илья. Его губы почти не двигались. - Его похоронили в октябре четырнадцатого. Я сам закрывал гроб. Я проверял пульсацию на сонной артерии, Кира. Я инженер, я знаю, как выглядит отключенная система.

Я молчала. Я считала секунды. В операторской это помогает не сойти с ума, когда на линии тишина, а ты слышишь, как кто-то на том конце медленно истекает кровью. Один, два, три.

Запись продолжалась. Слышно было, как на заднем плане

скрипнул стул. Тот самый звук, который издает старая мебель, когда на нее переносят вес.

Послушай меня внимательно - голос отца Ильи стал тише, интимнее. - Времени мало. Тебе кажется, что ты управляешь кодом, но код уже давно управляет тобой. Ты нашел брешь в системе 112? Ту самую, которую я оставил в архитектуре ядра? Не смотри так, я знаю, что ты ее нашел. Ты всегда был слишком любопытным для своего же блага.

Илья сделал шаг к столу. Его пальцы дрожали. Он хотел нажать на стоп, но рука замерла в сантиметре от прибора. Это был старт. Тот самый момент, когда ты уже на тумбе, пальцы ног цепляются за край, и назад пути нет. Только вперед, в холодную бездну.

Чтобы войти в обходной протокол, тебе понадобится ключ - продолжал голос. - Но ключ - это не цифры. Это звук. Ты должен использовать частоту, на которой работает их сервер синхронизации времени. Ноль восемьдесят семь герц. Вставь это в пакет заголовка. Это откроет тебе доступ к архивам, которые они еще не создали. Понимаешь? Еще не создали, Илья.

Я почувствовала, как по затылку пробежал холод. Это было физиологическое ощущение, как будто в комнате внезапно выключили отопление. Архивы, которые еще не создали. Будущее, записанное в прошедшем времени. Моя работа в 112 всегда казалась мне линейной: звонок, регистрация, помощь. Но то, что говорил этот мертвец, превращало реаль-

ность в закольцованную ленту Мебиуса.

Илья, выключи это - сказала я, делая шаг к нему. Я видела, что он переходит в состояние ступора. Глаза расширены, дыхание поверхностное, ключичное. Он не получал достаточно кислорода. Его мозг судорожно пытался обработать информацию, которая противоречила фундаментальным законам его личной физики.

Нет - он оттолкнул мою руку. Движение было резким, неловким, как у пловца, потерявшего координацию в хлорированной воде. - Слушай дальше.

Илья, ты должен понять одну вещь - голос отца стал почти ласковым, и от этого стало еще страшнее. - Твоя девчонка-оператор... Кира. Она не просто свидетель. Она - триггер. Без нее система не запустит обратный отсчет. Не пытайся ее спасти, Илья. Пытайся ее использовать. Она - твой единственный шанс увидеть, как все это закончится.

Запись оборвалась резким щелчком. Наступила тишина, которая была громче любого крика. В ушах звенело. Я чувствовала, как пульсирует жилка на шее. Мой организм классифицировал ситуацию: статус - прямая угроза. Источник - неизвестен.

Илья сел на стул, сложив руки на коленях. Он выглядел как ребенок, которого только что отчитали за сломанную игрушку. Но в его глазах не было раскаяния. Там была пустота. Его религия цифр, его вера в логику и логи - все это было растоптано голосом человека, который должен был быть

прахом.

Это был он - сказал Илья. Его голос был плоским. - Не запись. Не имитация. Он всегда так делал паузу перед тем, как сказать ключ. Он слегка втягивал воздух сквозь зубы. Никакая нейросеть не воспроизведет этот специфический дефект прикуса. Это мой отец, Кира. И он знает про тебя.

Он знает про систему 112 то, чего не знаю я - я подошла к окну, стараясь не смотреть на диктофон. - Илья, он только что дал тебе инструкцию по взлому государственной структуры безопасности. Ты понимаешь, что это значит?

Мне плевать на структуру - он вскочил, и стул с грохотом повалился на пол. Звук удара дерева о паркет заставил меня вздрогнуть. - Ты слышала? Он сказал про ноль восемьдесят семь герц. Это инфразвук. Это частота, которую человеческое ухо почти не воспринимает, но она вызывает чувство беспричинного страха. Теперь я понимаю, почему мне становилось хреново каждый раз, когда я открывал их логи. Там вшит звуковой маркер. Это не баг, Кира. Это бэкдор. Черный ход, оставленный специально для того, чтобы кто-то мог войти в систему и остаться незамеченным.

Я смотрела на него и видела, как в нем просыпается азарт охотника. Его страх трансформировался в гнев и любопытство. Это была опасная смесь. Илья был из тех людей, которые разберут бомбу только для того, чтобы посмотреть, как устроена чека, даже если до взрыва осталась секунда.

Он сказал, что я - триггер - я произнесла это медлен-

но, пробуя слова на вкус. Они были горькими, как таблетка анальгина. - Что это значит? Я просто принимаю звонки. Я винтик в механизме.

Ты не винтик - Илья подошел ко мне вплотную. Я чувствовала запах его пота и дешевого кофе. - Ты - интерфейс. Голос из будущего звонит тебе, потому что твой мозг уже настроен на эту частоту. Ты годами слушаешь чужую боль, Кира. Ты профессиональный приемник. Твоя нейронная сеть деформирована так, что ты можешь воспринимать сигнал, который для других - просто шум.

Я вспомнила свою тренировку в бассейне. Когда ты плывешь долго, на пределе сил, звуки исчезают. Остается только ритм твоего сердца и глухой шум воды в ушах. В этом состоянии ты становишься частью среды. Ты не борешься с водой, ты в ней растворяешься. Может быть, моя работа сделала со мной то же самое? Я растворилась в бесконечном потоке чужих голосов, пока не стала идеальной средой для передачи информации извне.

Мне нужно в офис - сказал Илья. Он уже искал ключи по карманам. - Мне нужно проверить этот пакет заголовка. Если я смогу войти через этот бэкдор, я найду источник записей. Я найду того, кто имитирует моего отца... или самого отца, если он каким-то образом оцифровал свое сознание перед смертью.

Ты сошел с ума - я преградила ему путь к двери. - Ты слышал, что он сказал? Не пытайся меня спасти. Он предложил

тебе использовать меня. И ты уже готов это сделать?

Илья замер. Его взгляд зафокусировался на моем лице. Он смотрел на меня не как на женщину, а как на сложный программный код, в котором нужно найти ошибку. Это было обиднее, чем если бы он меня ударил. Физическая боль понятна, она локализована. Ощущение того, что тебя превращают в инструмент, было разлитым, лишающим почвы под ногами.

Я не собираюсь тебя использовать - он сказал это слишком быстро. Пауза была не там, где надо. Он врал. Или, по крайней мере, недоговаривал. - Я хочу понять, что происходит. Кира, если мы не разберемся сейчас, через три недели тебя не станет. Или ты станешь той версией себя, которая звонит из будущего и требует невозможного. Тебе нравится эта перспектива?

Я вспомнила свой голос на записи. Тот ледяной, уверенный тон. Та женщина не боялась. Она не сомневалась. Она была свободна от протоколов и страха ошибки. И, черт возьми, Илья был прав. Она мне нравилась больше, чем я нынешняя. Та, что стоит посреди бардака в своей квартире и дрожит от голоса мертвого инженера.

Я еду с тобой - сказала я. Это был не вопрос. Это был приказ.

Илья кивнул. Мы вышли из квартиры, и я трижды проверила замок. Ритуал. Гиперконтроль. Моя личная броня. В лифте мы молчали. Я смотрела на цифры этажей, и они ка-

зались мне кодом, который вот-вот сломается.

На улице было сыро. Питерская осень вгрызалась в кожу мелкими иглами дождя. Я села в машину Ильи, и запах старого пластика и электроники на мгновение вернул мне чувство реальности. Здесь все было осязаемым. Руль, переключатель скоростей, царапина на приборной панели.

Илья вел машину агрессивно, резко перестраиваясь из ряда в ряд. Его движения были точными, но в них чувствовалось напряжение перетянутой струны. Я видела, как он сжимает челюсти. Мышечная память подсказывала мне: он готов к рывку. Но куда?

Скажи мне правду - я повернулась к нему, когда мы застряли на светофоре у Литейного. - Твой отец... он действительно мог это сделать? Создать систему, которая предсказывает будущее или записывает голоса из него?

Илья усмехнулся. Это была не веселая усмешка, а гримаса боли.

Мой отец был гением и подонком в равных пропорциях - сказал он, не глядя на меня. - Он работал над закрытыми проектами по обработке сигналов еще в девяностые. Он верил, что время - это просто еще одна характеристика волны. Если ты можешь поймать эхо сигнала, который еще не отправлен, ты можешь услышать будущее. Он называл это темпоральным резонансом. Я считал это старческим маразмом. До сегодняшнего дня.

А имитации приступов? - спросила я. - Зачем он это де-

лал?

Чтобы контролировать нас - Илья ударил ладонью по рулю. Сигнал коротко взвизгнул. - Ему нужно было внимание. Ему нужно было знать, что он может дернуть за ниточку, и мы прибежим. Он взламывал не только системы, Кира. Он взламывал людей. И сейчас, даже будучи мертвым, он продолжает это делать. Он заставил меня поверить, что он жив. Он заставил меня сомневаться в собственной адекватности.

Я почувствовала странное родство с этим человеком, которого никогда не видела. Он тоже жил в режиме вечного дежурства, только его целью было не спасение, а доминирование. Моя травма была порождена невнимательностью, его - избытком внимания, превращенного в пытку. Мы были двумя сторонами одной и той же медали, отчеканенной в цехах человеческого безумия.

Мы подъехали к его офису - невзрачному зданию в промзоне, где за серыми стенами скрывались мощности, способные переварить терабайты данных в секунду. Илья провел меня через три уровня контроля. Его здесь знали, но смотрели с опаской. Он был как хирург, который может спасти пациента, а может вскрыть его просто из любопытства.

Садись здесь - он указал на кресло в углу своей лаборатории. Повсюду были мониторы, переплетения кабелей, похожие на внутренности огромного зверя, и запах озона. - Не трогай ничего. Я должен войти в систему через изолированный шлюз.

Я наблюдала за его пальцами. Они летали по клавиатуре с невероятной скоростью. Это был танец. Илья не просто вводил команды, он общался с машиной на языке, который был для него роднее русского. На экранах замелькали строки кода, графики частот, таблицы метаданных.

Статус: инициация взлома - подумала я. Ирония ситуации заключалась в том, что я, сотрудник службы 112, помогала человеку взламывать мою же рабочую сеть. Но протоколы больше не работали. В мире, где мертвые раздают указания по диктофону, закон становится пустой формальностью.

Вот оно - Илья подался вперед, почти касаясь носом монитора. - Смотри. Видишь этот всплеск на ноль восемьдесят семь? Это не шум. Это зашифрованный туннель. Отец не соврал. Ключ в заголовке пакета открывает доступ к скрытому разделу сервера.

На экране появилось окно с черным фоном. В центре пульсировала надпись: ОЖИДАНИЕ АВТОРИЗАЦИИ ГОЛОСОМ.

Илья посмотрел на меня. Его глаза лихорадочно блестели. Им нужен не мой голос - сказал он. - И не голос отца. Им нужна ты. Кира, ты должна сказать кодовую фразу.

Какую фразу? - я встала, чувствуя, как ноги становятся ватными. Это был момент истины. Прыжок с десятиметровой вышки. Ты видишь воду далеко внизу, она кажется твердой, как асфальт, но ты должен прыгнуть, иначе ты никогда не узнаешь, каково это - лететь.

Там написано - Илья указал на экран.

Я подошла и прочитала: Я ТА, КТО СЛЫШИТ ТИШИНУ МЕЖДУ ЗВОНКАМИ.

Это было слишком поэтично для технической системы. Слишком по-человечески. Я глубоко вдохнула, задерживая воздух в легких. Кислородный долг. Мои мышцы напряглись, готовясь к рывку.

Я та, кто слышит тишину между звонками - произнесла я. Мой голос был ровным. Профессиональная деформация оператора - говорить четко и спокойно, даже если мир вокруг рушится.

Система замерла на долю секунды. Потом по экрану побежали зеленые символы. Динамики издали тихий вздох, похожий на человеческий выдох облегчения.

Авторизация пройдена - механический голос был лишен интонаций, но в нем слышалось эхо моего собственного тембра. - Доступ к архиву БУДУЩЕЕ открыт.

Илья начал лихорадочно открывать файлы. Это были аудиозаписи. Сотни, тысячи аудиозаписей. Даты на них начинались с завтрашнего дня и уходили в бесконечность.

Боже мой - Илья отшатнулся от монитора. - Это не предсказания. Это логи звонков, которые еще не поступили. Система 112 не просто принимает вызовы. Она их генерирует.

Я смотрела на список файлов. Мой взгляд зацепился за одну дату. Две недели от сегодняшнего дня. Название файла: ИНЦИДЕНТ_001_КИРА.

Открой его - сказала я. Мой голос сорвался.

Илья нажал на файл.

Сначала была тишина. Потом - звук бьющегося стекла. Крики. Шум воды. И мой голос, до боли знакомый, срывающийся на крик:

Илья, уходи! Ты не сможешь это остановить! Это не системный сбой, это протокол очистки! Они знают, что ты нашел бэкдор! Уходи, черт тебя дер!

Потом раздался звук выстрела. Один. Короткий. Хлесткий, как пощечина. И тишина.

Илья выключил звук. Его руки тряслись так сильно, что он уронил мышку. Она повисла на проводе, раскачиваясь, как маятник, отсчитывающий секунды нашей оставшейся жизни.

Теперь его религия цифр была окончательно разрушена. На ее месте зияла черная дыра, из которой тянуло холодом небытия. Он смотрел на меня, и в его взгляде я видела отражение собственного ужаса. Но за этим ужасом рождалось что-то еще. Злость. Настоящая, чистая злость человека, которого обманули самым подлым образом.

Они создали это - Илья заговорил низким, хриплым голосом. - Мой отец и те, на кого он работал. Они создали систему, которая управляет реальностью через страх. Они записывают сценарии катастроф и заставляют нас их проигрывать. Ты - не оператор, Кира. Ты - ретранслятор их воли. Твой голос в будущем звонит тебе сейчас, чтобы убедиться,

что ты придешь в нужную точку в нужное время. Это самоисполняющееся пророчество.

Значит, мы можем это изменить? - я схватила его за плечо. Пальцы впились в ткань его куртки. - Раз мы знаем сценарий, мы можем сыграть по-другому?

Илья посмотрел на экран, где пульсировали строки кода.

В каждой системе есть баг - сказал он. - Отец оставил мне этот бэкдор не для того, чтобы я просто смотрел. Он оставил его, чтобы я мог переписать заголовок. Но для этого мне нужно войти в ядро системы 112 физически. Не через сеть.

Где находится ядро? - я уже знала ответ, но хотела услышать его вслух.

В подвале твоего центра - Илья поднял глаза на меня. - Под главным залом операторов. Там, куда доступ имеют только три человека в стране. И ни один из них не мы.

Я почувствовала, как внутри меня что-то щелкнуло. Статус: автономный режим. Угроза: осознана. Цель: уничтожение системы.

Я знаю, как туда попасть - сказала я. Мой внутренний критик, голос старшего смены, замолчал. Впервые в жизни я не собиралась следовать инструкции. Я собиралась ее сжечь.

В пловцовской практике есть такое понятие - второй финиш. Когда ты уже коснулся бортика, но понимаешь, что дистанция продолжается, просто теперь она под водой. И тебе нужно проплыть еще столько же, не выныривая за воздух.

Мой отец... - Илья замялся, глядя на диктофон, который

все еще лежал на столе. - На записи он сказал, что я должен использовать тебя.

Он уже использует нас обоих - отрезала я. - Вопрос в том, кто из нас сделает первый ход.

Я подошла к столу и взяла Олимпус. Маленькая серебряная коробочка больше не казалась тяжелой. Она была просто инструментом. Я стерла последнюю запись. Голос отца Ильи исчез, растворился в цифровом небытии, откуда и пришел.

Поехали - я направилась к выходу. - У нас есть три недели, чтобы взломать будущее. И я не собираюсь тратить ни секунды на то, чтобы слушать чужие советы.

Илья шел за мной, и я слышала его дыхание. Оно было неровным, сбивчивым, но в нем уже не было того парализующего страха. Мы были заложниками, которые только что нашли ключ от камеры.

Когда мы вышли из здания, дождь усилился. Вода заливала лобовое стекло, превращая город в размытое пятно огня. Я смотрела вперед, в темноту, и чувствовала, как во мне растет та самая плотность, которая бывает перед решающим стартом.

Кира - позвал Илья, не заводя мотор. - Ты понимаешь, что если мы это сделаем, назад пути не будет? Мы станем преступниками. Нас объявят в розыск.

Я уже мертва в одном из вариантов будущего, Илья - я повернулась к нему. В полумраке салона его лицо казалось

чужим и родным одновременно. - Розыск - это лучшее, что может со случится. Это значит, что мы все еще живы и мы все еще бежим.

Он кивнул и нажал на газ. Машина рванула с места, разрезая лужи.

Я закрыла глаза и представила себе бассейн. Ночь. Тишина. Только я и вода. Я делаю вдох, приседаю и отталкиваюсь от тумбы. Тело вытягивается в струну. Сопротивление воздуха минимально. Впереди - только плотная, холодная среда, которая готова меня принять или раздавить.

Но в этот раз я знала: я не просто плыву. Я меняю траекторию течения.

Где-то там, в архивах будущего, файл под названием ИНЦИДЕНТ_001_КИРА начал мерцать, как неисправная лампа. Протоколы рушились. Код переписывался кровью и решимостью.

Я больше не была оператором, принимающим звонки. Я была той, кто вешает трубку.

Статус: в движении. Цель: ядро. Время до столкновения: неопределено.

Но одно я знала точно: мой голос из будущего больше не будет мне звонить. Потому что будущего, которое они для меня записали, больше не существует.

Я открыла глаза. Впереди, в свете фар, проявились очертания центра 112. Огромное здание из стекла и бетона, похожее на тюрьму или на храм. Для меня оно всегда было ме-

стом искупления. Теперь оно станет полем боя.

Илья сжал мою руку. Его пальцы были холодными, но хватка - железной. Мы были готовы.

Держись в фокусе - прошептала я сама себе. Это был мой личный протокол. Моя молитва.

Машина остановилась у шлагбаума. Я достала свой пропуск. Моя фотография на нем казалась изображением незнакомки. Женщины, которая верила в правила.

Эта женщина осталась там, в гостиной, слушая голос мертвеца.

А я... я просто хотела доплыть до конца этой дистанции. И мне было плевать, сколько кислорода у меня осталось в легких.

Потому что в конце пути меня ждала свобода. Или тишина, которую я наконец-то смогу назвать своей.

ГЛАВА 18: ОТЕЦ И СЫН

План изменился через три минуты после того, как мы затормозили перед шлагбаумом 112. Илья не стал глушить мотор. Он просто смотрел на бетонную коробку центра так, будто это был не стратегический объект, а надгробная плита, под которой похоронили его здравый смысл. Его пальцы на руле выбивали рваный ритм. Короткие удары. Статус: дестабилизация.

- Мы не зайдем туда, Кира - сказал он, не поворачивая головы.

- У нас есть пропуск. Мой код еще активен. Дистанция до входа пятьдесят метров. Это чистый заплыв, Илья.

- Нет. Это ловушка. Если мой старик приложил к этому руку, то он уже знает, что мы здесь. Как только ты приложишь карту к ридеру, сработает триггер. Нас закроют в шлюзе раньше, чем ты успеешь сказать Протокол. Он любил такие фокусы. Ставил ловушки на входе, чтобы потом смотреть, как мы барахтаемся в закрытом пространстве.

Он резко вывернул руль, и мы рванули прочь, обдав охранника в будке облаком серой пыли. Мои плечи привычно пошли вверх, зажимая шею в защитный панцирь. Гипертонус. Я сделала глубокий вдох, стараясь расправить легкие. Воздух в салоне казался слишком густым, с привкусом бензина и старой кожи. Плотность среды увеличивалась.

- Куда мы? - спросила я. Коротко. Без лишних эмоций.

Глагол действия.

- К истокам. В его личный ад. Старая мастерская на задворках промзоны. Если где-то и сохранились логи первичной системы, то только там. Отец никогда не доверял облакам. Он верил в медь, свинец и локальные сервера, которые можно потрогать пальцем.

Мы ехали по окраинам, где город начинал распадаться на части. Ржавые гаражи, заброшенные склады, скелеты кранов на фоне свинцового неба. Я смотрела в окно, отсчитывая секунды между фонарными столбами. Мой внутренний хронометр работал идеально. Три секунды. Четыре. Если это заплыв, то мы идем на рекордную дистанцию без шанса на глоток кислорода.

Мастерская Ильи-старшего оказалась приземистым зданием из красного кирпича, которое выглядело так, будто его пытались стереть с лица земли, но оно упиралось. Окна заколочены досками, на дверях - тяжелый навесной замок, покрытый коррозией.

Илья вышел из машины. Его движения были резкими, ломаными. Он достал из багажника увесистую монтировку. Никаких изящных хакерских взломов. Только грубая физика.

- Постой здесь - бросил он через плечо.

- Исключено. Статус: напарник. Я иду за тобой.

Он только криво усмехнулся, обнажив зубы. Это не была

улыбка. Это был оскал человека, который идет на встречу со своим главным кошмаром.

Удар монтировки по замку отозвался в моих ушах звоном разбитого стекла. Еще один. Илья бил с какой-то яростной методичностью. Каждое движение - как гребок в ледяной воде, когда мышцы уже сводит судорогой, но ты продолжаешь толкать тело вперед. На третьем ударе дужка не выдержала. Металл сдался.

Мы вошли внутрь. Запах ударил в нос сразу: старая смазка, пыль, озон и что-то сладковатое, тлеющее. Запах времени, которое остановилось и начало гнить.

Я включила фонарик на телефоне. Луч разрезал темноту, выхватывая из небытия стеллажи, заваленные деталями, осциллографы с разбитыми экранами, мотки проводов, похожие на спутанные нервы. Илья нашел щиток и дернул рубильник. Лампы под потолком затрещали, мигнули и нехотя загорелись тусклым желтым светом.

- Добро пожаловать в музей лжи - сказал Илья. Его голос звучал ровно, но я слышала в нем ту самую паузу, которую он обычно использовал, чтобы скрыть ярость.

Он направился к массивному столу в глубине помещения. Там, среди кип чертежей, возвышалась башня старого сервера. Черный матовый корпус выглядел чужеродно в этом царстве аналогового мусора.

- Ты ищи бумаги - скомандовал он. - Схемы, журналы, любые записи с датами десятилетней давности. Я попробую

оживить этого динозавра.

Я начала осмотр. Мои движения были экономичными. Протокол осмотра места происшествия: от периферии к центру. Я открывала ящики, перебирала папки. Пыль оседала на пальцах, делая их липкими. Мышечная память подсказывала: здесь нет порядка. Это хаос, замаскированный под рабочее пространство.

В углу, под горой старой ветоши, я наткнулась на тяжелый пластиковый контейнер. Он был плотно закрыт, в отличие от всего остального в этом подвале. Я потянула защелки. Внутри лежали аудиокассеты. Сотни кассет. Каждая была аккуратно подписана тонким, каллиграфическим почерком.

- Илья, посмотри на это.

Он подошел, вытирая руки о тряпку. Его взгляд упал на содержимое коробки, и я почувствовала, как воздух вокруг него стал еще плотнее.

- Это не просто записи - прошептала я, перебирая пластиковые коробочки. - Смотри на маркировку.

На торцах кассет были написаны фамилии. Лаптева. Серова. Кузнецов. И рядом - номера смен. Это были имена операторов 112. Сотрудников, которые работали здесь годами.

- Мой отец не просто разрабатывал софт для распознавания речи - Илья взял одну из кассет, вертя ее в руках. - Он коллекционировал голоса. Он строил библиотеку. Но зачем?

Я продолжала копаться в коробке. Мои пальцы коснулись чего-то холодного на дне. Еще один слой. Кассеты здесь бы-

ли старше. Даты уходили в прошлое на десятилетия.

- Он верил, что звук - это инструмент взлома - продолжал Илья, возвращаясь к серверу. - Он всегда говорил мне: Илья, люди лгут словами, но их связки не умеют обманывать. Частота, обертоны, микропаузы между вдохами - это код. Если взломать этот код, можно получить доступ к самому человеку. К его страхам, к его воле.

- Это не технический баг, Илья - я подняла на него глаза. - Те звонки из будущего... Это не сбой в программе. Это наследие. Он не просто записывал голоса. Он их моделировал. Он создавал алгоритм, который мог предсказать, что и как скажет человек через год, через пять лет.

Илья замер. Его рука застыла над клавиатурой сервера.

- Ты хочешь сказать, что мой голос на записи - это не я из будущего, а программа, которая думает как я?

- Или программа, которую научили звучать как ты. Но есть одна проблема. Тот голос на записи... он знал то, чего ты еще не совершил. Он знал о моих чувствах. О твоих решениях. Алгоритм не может предсказывать будущее, Илья. Он может только экстраполировать прошлое.

Я вернулась к коробке. Мое внимание привлекла кассета, завалившаяся за бортик. Она была упакована в отдельный полиэтиленовый пакет. На этикетке не было фамилии. Только дата. Десять лет назад. Мой первый рабочий день в службе 112.

Я почувствовала, как холодная волна пробежала по позво-

ночнику. Это не был страх. Это была физиологическая реакция на узнавание. Как будто я вошла в воду, температура которой была мне слишком хорошо знакома.

- Илья - мой голос прозвучал суше, чем обычно. - Иди сюда.

Он подошел. Я протянула ему кассету. Он долго смотрел на дату, потом на меня.

- Откуда он мог знать? - спросил он. Его циничная маска наконец дала трещину. В глазах читалось то самое недоумение ребенка, чей отец снова превратил жизнь в серию манипуляций.

- Он не просто знал - я вскрыла пакет. Внутри, помимо кассеты, лежал листок бумаги, сложенный вчетверо. - Он выбрал меня. Еще тогда.

Я развернула записку. Текст был напечатан на старой машинке. Никаких имен, никаких подписей.

Объект: Кира. Потенциал выживаемости: высокий. Психологический профиль: компенсаторная гиперактивность. Идеальный резонатор для системы. Начало цикла: через 3652 дня.

- 3652 дня - быстро посчитал Илья. - Это ровно десять лет. Учитывая високосные годы.

- Мой голос из будущего... - я сжала кассету так сильно, что пластик хрустнул. - Это не угроза. Это доказательство того, что я была частью этого эксперимента с самого начала. Каждая моя секунда на дежурстве, каждый принятый зво-

нок, каждый спасенный или потерянный человек - все это было топливом для его машины.

Илья резко развернулся и ударил кулаком по столу. Звук был глухим, тяжелым.

- Старик - выплюнул он. - Даже из могилы он продолжает дергать за ниточки. Он создал систему, которая питается нашими травмами. Твоим чувством вины, Кира. Моим недоверием. Он знал, что ты будешь цепляться за эти звонки, потому что они - твое подтверждение жизни. Единственное доказательство того, что ты не утонула в тот день, когда не услышала крик о помощи.

Я молчала. Он был прав. Каждое слово попадало точно в цель. Моя потребность в контроле, мои рубленые фразы, мое нежелание признавать страх - все это были переменные в уравнении его отца. Я была не героиней своей истории. Я была идеально откалиброванным датчиком в его глобальном проекте.

- Нам нужно запустить этот сервер - сказала я. - Если там есть логи, мы увидим, куда уходят данные сейчас. Кто-то ведь продолжает его дело. Система не может работать сама по себе десять лет без присмотра.

Илья кивнул. Он сел за стол и начал колдовать над проводами. Я видела, как напряжены его плечи. Он работал быстро, его пальцы летали по клавишам, которые отзывались сухим стрекотом. Это был его способ борьбы. Его алгоритм против алгоритма отца.

Я отошла к стеллажам в глубине мастерской. Здесь было темнее. Свет ламп едва дотягивался до дальних углов. Я вела рукой по пыльным полкам, чувствуя шероховатость дерева и холод металла.

Внимание зацепилось за странный предмет. Среди электроники стоял старый, пожелтевший от времени аквариум. Без воды, без рыб. На дне лежал слой серого песка, а в центре - небольшая фигурка пловца, застывшего в прыжке.

Я замерла. Это было слишком личным. Слишком точным.
- Илья, посмотри на это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.